

Gewalt den deutschen
Auserblock zu räumen die Sprengfen.
200 Juden befehlt
Darauf
Bloc
Der deutsche Ver
ten nur 28 Juden

B.M. АЛЕКСЕЕВ

Варшавского ГЕТТО больше не существует

В.М. АЛЕКСЕЕВ

Варшавского
ГЕТТО
больше
не существует

"ЗВЕЗДА"

МОСКВА 1998

ББК 63.3(4П).62

А 47

Издательская программа Общества «Мемориал»

Редакционная коллегия:

А.Ю.Даниэль, Л.С.Еремина, Е.Б.Жемкова, Т.И.Касаткина,
М.М.Кораллов, Н.Г.Охотин, Я.З.Рачинский,
А.Б.Рогинский (председатель)

Под общей редакцией профессора В.Л.Шейниса

Издание осуществлено при поддержке МЕДИА-МОСТ

ISBN 5-7870-00

© А.Х.Горфункель, предисловие, 1998

© В.Л.Шейнис, предисловие, 1998

© И.В.Соколова, 1998

© А.А.Кулаков, оформление, 1998

СОЧИНЕНИЕ НА ЗАПРЕТНУЮ ТЕМУ

Жизнь и книги Валентина Алексеева

Отмечавшееся весной 1995 г. 50-летие освобождения Освенцима-Аушвица всколыхнуло незаживающую память о Холокосте. (Слово это почему-то переводят на русский как «Катастрофа», что неверно: по-гречески, как и в латинском и в новоевропейских языках, оно означает «всесожжение», грандиозное жертвоприношение богам.) Газеты и телевидение не обошли вниманием и связанное с этим знаменательное событие: Нобелевский лауреат Эли Визель добился от президента Леха Валенсы публичного упоминания о том, что в гитлеровских лагерях смерти погибли миллионы евреев. Странное дело, но освободившаяся от коммунистического гнета Польша сохранила чисто советскую привычку замалчивать геноцид еврейского народа в годы нацизма. Известно, что в Советском Союзе, от Сталина до Горбачева, эта тема на протяжении десятилетий составляла чуть ли не государственную тайну.

«Над Бабьим Яром памятников нет» — строки этого стихотворения Евтушенко, как и Тринадцатая симфония Шостаковича, включившая в себя этот текст, как и известное выступление Виктора Некрасова над братской могилой, вызвали гнев официальных идеологов и появившихся на политической арене «патриотов»-антисемитов, предшественников нынешних российских неонацистов. После первых, по свежим следам, публикаций П.Антокольского и В.Гроссмана, после книги «Мстители гетто» на тему был наложен запрет. Лишь с трудом проникали в подцензурную печать имена Анны Франк, Януша Корчака — но речь шла только о переводных книгах и зарубежных кинофильмах, на советских авторов это послабление, вплоть до появления романа А.Рыбакова «Тяжелый песок», не распространялось. Неудивительно, что и героическое восстание Варшавского гетто весной 1943 г. замалчивалось официальной исторической наукой.

И все же голос правды раздался — и немедленно был заглушен идеологической машиной тоталитарного государства. Первую и до сих пор единственную в России книгу, посвященную восстанию

Варшавского гетто, написал на исходе хрущевской оттепели ленинградский историк Валентин Михайлович Алексеев (1924–1994).

Блокадник, всю войну проработавший на военном заводе (в армию его не взяли по состоянию здоровья), студент первого послевоенного набора исторического факультета Ленинградского университета, Валентин Алексеев, казалось, был обречен на успешное продвижение в официальной науке. Тому способствовало и его безупречное пролетарское происхождение: родители его были рабочие-большевики с подпольным стажем, по счастью и по совести отказавшиеся от партийной карьеры, что, возможно, и спасло их от гибели во время чисток и в годы Большого террора.

Историком он был прирожденным; благодаря удивительной памяти поражал знанием фактов не только в избранной им, но и во многих смежных областях, часто посрамляя в спорах оппонентов в их собственной специальности. Исторические источники чувствовал необыкновенно глубоко и тонко, великолепно понимал движение исторического процесса. Писал живо и интересно, но интересные были всегда мысль, анализ событий, а не развлекательные экскурсы популяризатора. Школу он прошел превосходную — сперва в семинарах Б.А.Романова и Д.П.Каллистова, затем на кафедре истории средних веков, одной из сильнейших на тогдашнем истфаке (зато и наиболее гонимой, бывшей на постоянном подозрении у партийного начальства). Языки он знал все, какие могли понадобиться ему в работе, — немецкий, английский, французский, итальянский, редкий и трудный венгерский, не говоря о всех языках южных и западных славян.

В аспирантуре В.Алексеев защитил диссертацию по чешской истории начала XVII в. Впоследствии результатом этих занятий стали единственная изданная при его жизни книга «Тридцатилетняя война»¹ (лучшее исследование по данной теме в отечественной науке) и серия статей по истории восточноевропейского крестьянства, концепция которых шла вразрез с принятым примитивным официальным изложением социальной истории. И неизменно теоретическая и научная честность приводила его к столкновениям с общепринятой системой суждений — начиная с первого курса, когда, по выражению тогдашнего декана, «надутый студизмус» Алексеев задавал неуместные вопросы и высказывал недопустимые суждения на семинарах по «марксизму-ленинизму». Противником марксистского понимания истории он не был ни тогда, ни много позднее, — сочинения «основоположников» он знал лучше, чем назначенные партий толкователи. Из чувства противоречия он даже перевел на русский язык с английского оригинала замалчивавшееся в стране победившего социализма и раздражающее сегодняшних «патрио-

тов» сочинение Карла Маркса «Тайная дипломатия XVIII столетия», содержащее критический анализ внешней политики России.

Противостояние, выражавшееся поначалу в научных дискуссиях (хотя и по опасным в те годы теоретическим вопросам о «роли народных масс в истории» или о внешней и национальной политике русского царизма), закономерно завершилось в Петрозаводске (где он работал на кафедре всеобщей истории в педагогическом институте) резким выступлением на партийном собрании после оглашения доклада Хрущева о «культе личности». Алексеев резко высказался против распространения культа Ленина и партии, шедшего на смену культу Сталина, открыто заявил о беспринципности в нашей жизни, об упадке общественных наук. Он потребовал упразднить привилегии партаппарата (так называемые голубые конверты, содержимое которых намного превышало официальное жалованье) и институт стукачей-«сексотов». Все это вызвало яростный гнев: бунтарь покушался на «святая святых» идеологии — на засекреченное материальное благополучие функционеров и на то, что они гордо именовали «связью с народом», мыслимой не иначе, как через сеть тайных осведомителей.

Изгнанный из института, В.Алексеев больше года проработал на заводе, потом вернулся в Ленинград и устроился библиографом в Публичную библиотеку.

В студенческие и аспирантские годы он только посмеивался над обращенными к нему, «своему, рабочему парню», призывами партийных и комсомольских боссов оставить занятия «дряхлым средневековьем» и изучать предметы «более актуальные»; теперь, в годы идеологических потрясений в «соцлагере», он сам начинает интересоваться новейшей историей стран Восточной Европы. И первой его законченной работой в этой области стала монография «Варшавского гетто больше не существует», посвященная одной из самых острых и закрытых в советской историографии тем. Название книги — фраза из немецкого рапорта об уничтожении гетто при подавлении восстания 1943 г.

Времена были, казалось, либеральные, работа писалась по договору с издательством Академии наук, для популярной серии. Книга получилась сдержанная и суровая: автор ни разу не позволил себе ни патетического подъема, ни сентиментального срыва. Невыносимый трагизм ситуации в фантастическом городе, каким было Варшавское гетто в условиях гитлеровского геноцида, отчаянный героизм почти безоружных повстанцев — обо всем этом В.Алексеев рассказал объективно и без эмоционального надрыва. Читать рукопись было нелегко, несмотря на незаурядные ее литературные достоинства, как нелегко сойти во ад, как нелегко лицезреть подлинное

мужество в безысходной и невообразимо неравной борьбе. Может быть, именно поэтому рукопись вызвала порой самую неожиданную реакцию. Либеральных читателей шокировали отсутствие сочувственных деклараций и декламаций, рассказ о неприглядных сторонах той странной и страшной жизни, в какую были ввергнуты жители гетто, боровшиеся за выживание в обстоятельствах, где каждый шаг грозил гибелью. Читателей-антисемитов возмущало снисходительно-объективное отношение автора к предосудительному, с точки зрения обыденной нравственности, поведению обреченных людей: палаческая мораль любит обыгрывать слабость жертв. Пометы одного из таких «блюстителей нравственности» выражали праведный гнев по поводу рассказа о том, как мальчишки из гетто всеми правдами и неправдами, в обход жестоких запретов оккупационных властей, добывали пропитание себе и близким. «И это — хорошо?» — возмущенно писал он на полях.

Рукопись была принята и официально одобрена издательством. Ее уже читали в «самиздате», сперва друзья и знакомые автора, потом круг этот стал расширяться. Сведения о невероятном событии — предстоящем появлении в Советском Союзе книги об одном из важнейших эпизодов борьбы евреев в условиях Холокоста — проникли на страницы газет Израиля, Южной Африки, США. Но «оттепель» кончилась, наступала пора ползучего брежневского неосталинизма. К тому же случилась «шестидневная война» 1967 г., которая перечеркнула планы нового Холокоста, а в официальных советских кругах, поддерживавших арабских экстремистов, вызвала новый прилив антисемитизма.

Перепуганное издательское начальство послало рукопись на дополнительное рецензирование в Институт славяноведения и балканистики Академии наук (как-никак речь шла о Польше; учреждений, занимающихся еврейской историей, в стране не было и быть не могло) — и вопреки ожиданиям получило одобрительный отзыв. В продвижение книги к изданию немало сил и души вложил крупный ученый и глубоко порядочный человек профессор Владимир Турок, специалист по истории Восточной и Центральной Европы, чей авторитет в этой области был непререкаем. Тогда, в надежде на антисемитские настроения времен «позднего Гомулки», книгу послали на рецензирование в Польшу — и снова ответ оказался положительным. Выхода не было — пришлось пойти на явное нарушение закона и отвергнуть одобренную рукопись безо всяких на то официальных оснований. Состоялся суд, по его решению издательство выплатило автору положенный гонорар (весьма скромный даже по тем временам), но печатать опасную книгу не стало.

А между тем в судьбе В.Алексеева произошла перемена, на первый взгляд, парадоксальная и уж явно недоступная пониманию людей, не знакомых со специфически советскими обстоятельствами того времени: он стал доцентом кафедры международного рабочего движения Ленинградской высшей партийной школы. Конечно, тут сыграло роль и доброе отношение хорошо знавших и ценивших его специалистов, работавших в этом сугубо идеологическом учреждении. Но главное не в этом. Характер научной и преподавательской работы в таких учреждениях — в отличие от университетов и педагогических вузов — и самая возможность покровительства человеку идеологически сомнительному были обусловлены тем обстоятельством, что в советской системе историческая правда, как и любой дефицитный товар, представляла собой привилегию партийной иерархии. Там, в «своем кругу», можно было говорить если не все, то очень многое. Считалось, что «своим» можно — «мы-то с вами понимаем». Конечно, и тут были границы, их же не переступиши, но и эти границы были весьма условны: излишняя вольность рассматривалась как небезобидное, но до поры до времени терпимое чудачество. Главное — правда не должна выходить за пределы избранного круга, не должна проникнуть в печать, особенно массовую. Этими привилегиями в 70—80-х гг. широко пользовались многие историки, философы, экономисты, особенно на организуемых лишь для специалистов научных конференциях, «круглых столах» и иных полузакрытых мероприятиях, в изданиях «для служебного пользования». Неожиданная карьера В.Алексеева вызвала недоумение и недовольство в партийной организации исторического факультета Ленинградского (носившего имя Жданова!) университета, где идеологическую неортодоксальность Алексеева знали еще со студенческих и аспирантских времен.

А он новыми, представившимися возможностями воспользовался в полной мере, и не только в стенах партийной школы: от имени этого учреждения он выступал с лекциями — и где только он не выступал! А лектором он был удивительным. Лишенный внешней импозантности, худой, с нападавшим порой заиканием, он с первого взгляда вызывал настороженное недоверие и недоумение, проходившее, правда, с первого слова: слушателей, будь то юные студенты или собранные на лекции пропагандисты, захватывала поразительная точность исторического знания, ясность мысли, несомненная искренность и, главное, — правда. Он не декларировал свою оппозиционность режиму, он выражал ее в точном следовании истине, объяснял, как в действительности обстояло дело, подводя слушателей к выводам, для них неожиданным, но неопровержимым.

Конечно же, долго так продолжаться не могло. Конфликт разразился, когда В.Алексеев представил рукопись докторской диссертации. Даже либеральные и душевно расположенные к нему коллеги вынуждены были терпеливо объяснять «зарвавшемуся» доценту Высшей партийной школы, что существует все же разница между официальной диссертацией — пусть даже представленной для «закрытой» защиты (была и такая форма в иерархической системе научных истин) — и рукописью для диссидентского «самиздата». Поступаться истиной ради докторской степени и дальнейшей карьеры Алексеев не стал, — он просто уволился из партийной школы и уехал заведовать кафедрой всеобщей истории в Сыктывкарском университете. И там не обошлось без конфликтов с ортодоксами и невеждами. (Понятия эти, как правило, совпадали, но были еще и перепуганные либералы, готовые на ежеминутное предательство, — таких он презирал, пожалуй, больше, чем примитивных защитников официальной идеологии: с последними все было ясно, а либерал, в кулуарах громивший власти, через пять минут с кафедры обрушивался на недавнего доверчивого собеседника.) Но несколько лет В.Алексеев там продержался, потом вернулся в Ленинград, преподавал в Профсоюзной школе культуры — было и такое учебное заведение; иногда — благодаря поддержке друзей и коллег — читал специальные курсы в Педагогическом институте, где приобрел немало верных учеников, сохранивших привязанность к наставнику на многие годы. Приглашали его с лекциями и в Ивановский университет, и там его спецкурсы имели почти сенсационный успех — и у студентов, и у думающих преподавателей. Только в родной Ленинградский университет, с каждым годом все более по праву носивший имя А.А.Жданова, путь ему был заказан — навсегда.

Опасливое упоминание «самиздата» при обсуждении докторской диссертации В.Алексеева было отнюдь не случайной оговоркой. Участники обсуждения прекрасно знали, что рукопись Алексеева, не слишком отличавшаяся от представленной к защите, в «самиздате» ходила давно. Тема диссертационного исследования была еще более опасна и запретна, чем сюжет так и не изданной книги о восстании Варшавского гетто, — речь шла о венгерских событиях 1956 г. «В стол» (а вернее, в «самиздат») В.Алексеев работал уже многие годы, отчетливо понимая, что слову исторической правды в подцензурную печать дороги нет и не будет, по крайней мере в обозримом будущем. И все эти годы — десятилетия — он продолжал работать без всякой надежды на публикацию. Так творилась культура советского научного андеграунда, не менее значительная, чем культура андеграунда литературного, художественного и религиозного, но куда менее известная — и на Западе, и в отечестве. А требовала она не меньшего мужества и, пожалуй, даже большего труда и упорства.

Темы неопубликованных трудов В.Алексеева — Варшавское восстание 1944 г., события в Венгрии в 1956 г., Пражская весна 1968 г. — были захватывающе интересными для читателя-современника, его работы привлекли бы всеобщее внимание, если бы оказались известны сколько-нибудь широкому кругу.

Для серьезного изучения исследователю требовалась масса книг, газет и листовок, часто недоступных, — многого не было даже в сверхсекретных «спецхранах» научных библиотек. Приходилось добывать источники всеми возможными и невозможными путями, часто через зарубежных друзей и коллег. Он выезжал на место событий; разумеется, служебные зарубежные командировки были тогда своего рода премией за конформизм, и таким ученым, как Алексеев, выпадали редко, выпускали его только в гости, по приглашению друзей. Свободное знание языков облегчало передвижение и общение. Венгрию он изъездил на велосипеде, местные жители не признавали его за русского — подобная свобода поведения да и знание языка не вязались с привычными представлениями о запуганном советском туристе. Он встречался с участниками событий и собирал бесценные личные свидетельства и материалы. Все это позволило сочетать в научных исследованиях глубину исторического анализа с пониманием психологии и мотивов участников недавних трагических потрясений, пережитых народами стран Восточной Европы — невольными узниками социалистического лагеря.

Судьба Алексеева-историка — счастлива и трагична. Он в полной мере осуществил себя как ученый, в гораздо большей мере, чем многие его коллеги, преуспевшие в получении степеней, должностей и званий, взысканные милостями идеологического начальства, этих, по выражению А.Галича, «стражников-наставников», и кичившиеся длинными списками печатных публикаций. Он был услышан — немногими коллегами и друзьями, всеми, кто бывал на его лекциях, учениками. Но горько было видеть, какие крохи — к тому же, вопреки воле автора, до неузнаваемости искаженные, и не столько цензорами, сколько трусливыми редакторами, — пробивались в печать в виде коротких тезисов. Ни одна из крупных работ по современной истории при его жизни так и не увидела свет. Блестяще одаренный историк стал трагической жертвой системы.

От природы он был человеком сильным — и физически, и морально. Крайне неприспособленный к обыденной жизни, он не умел и не хотел добиваться материальных благ, ему это было просто неинтересно, он и говорить-то не любил на «посторонние» темы, выходившие за пределы истории и политики, — даже близким друзьям не удавалось вытянуть из него сведения о домашней жизни, о детях. Отпуска он проводил на колесах, покрывая сотни километров на велосипеде, — иногда с женой, иногда с сыновьями, часто один. Карьерные передраги и неудачи переносил по видимости легко,

жалоб от него никто не слышал. Но невозможность прорваться к читателю — подлинная трагедия для историка, быть может, более серьезная, чем для поэта: тот может надеяться на позднейшее признание, историку же необходим читатель-современник, историку современности — вдвойне.

Ощущение не востребоваемости не могло не угнетать. Перестройка и гласность мало что изменили. Цензуру политическую сменила цензура моды, скорой на перемены. Пробивать же свои работы в печать он не умел, в лучшем случае посылал их в редакции журналов и... не получал ответов. Лишь одну небольшую рукопись — учебное пособие по послевоенной истории стран Восточной Европы — удалось напечатать, но тираж так и не появился в свет.

Результатом горьких переживаний стал инсульт, от которого он так и не оправился. Но и с трудом передвигаясь, испытывая затруднения в речи, он сохранял ясность мысли и глубину суждений. А суждения его, часто неожиданные и парадоксальные, поражали не меньше, чем написанные им книги. Помню, как в расцвет (разгар) советско-китайской дружбы («Русский с китайцем — братья навек!») он предсказал, — не пророчествуя, а анализируя исторические обстоятельства, — вооруженный конфликт двух великих социалистических держав. Помню предсказание (за многие годы до перестройки) развала всей системы советской экономики, постепенного, но катастрофического нарастания разрухи, нарушения элементарных функций хозяйственного механизма. Из многого им написанного особенно врезалось мне в память небольшое, на нескольких машинописных страницах, сочинение о Сталине. Сколько было сказано с тех пор о «феномене» Сталина — тут и «трагическая фигура» чуть ли не шекспировского масштаба, тут и «гений злодейства», тут и шизофреник-параноик. В.Алексеев писал тогда, что феномен Сталина — не в его личности, достаточно заурядной, а в точном выражении им интересов нового класса, партийного аппарата. При всем чудовищном, тираническом всемогуществе Сталин целиком зависел от воли и интересов аппарата и держался только тем, что адекватно их выражал. Этим определялся и этому отвечал умственный и моральный уровень диктатора.

POST SCRIPTUM

Валентин Михайлович Алексеев умер в начале марта 1994 г., не дожив до семидесяти лет. О его смерти друзья узнали не сразу и совершенно случайно. Жена была в больнице, и врачи не сочли возможным сообщить ей о смерти мужа. Сыновья же, никогда не имевшие прямых отношений с друзьями отца, никого из них не уведомили. Вечером 5 марта Виктор Шейнис (депутат и один из ав-

торов новой российской Конституции и избирательного закона) позвонил ему из Москвы, чтобы по давно заведенной у них традиции поздравить с очередной годовщиной смерти Сталина, и узнал, что через день состоятся похороны. Он оповестил питерских друзей. Пришли многие, все, кто мог: друзья, коллеги, ученики. И помимо горечи утраты мучительной была мысль о невыносимом трагизме судьбы ученого, всю жизнь шедшего на сознательное самопожертвование: как иначе назвать многолетний упорный труд без надежды на то, что результаты его когда-нибудь увидят свет...

Работы Валентина Алексеева, посвященные событиям современной истории, стали появляться в печати лишь в последние годы его жизни, когда он был тяжело и неизлечимо болен. В 1991 г. в известной серии издательства «Прогресс» «Перестройка: гласность, демократия, социализм» вышел сборник, в котором была опубликована большая его статья «Чехословацкий поход еще не завершен»², впервые в широкой печати освещавшая события в Чехословакии и интервенцию стран Варшавского договора в 1968 г. В 1992 г. — опять-таки в сборнике статей — увидел свет подготовленный им раздел о правых движениях в странах Центральной и Юго-Восточной Европы³.

Но главную книгу его жизни, над которой он работал более тридцати лет, — о Венгерской революции 1956 г. — удалось издать лишь после его смерти. В архиве В.Алексеева хранится рукопись, посвященная истории венгерских событий 1956 г., их прологу (история Венгрии с начала XX в.) и эпилогу (реставрация «народной демократии» после советской интервенции). Ее объем — более тысячи машинописных страниц. Подготовленная автором краткая версия вышла в 1996 г. — к 40-летию описанных в ней событий — в издательстве «Независимой газеты»⁴. В предисловии к книге В.Л.Шейнис, под чьей научной редакцией она увидела свет, впервые рассказал, кем был, как работал и как прожил жизнь Валентин Алексеев. Презентации книги прошли в Москве (в посольстве Венгрии и в Обществе «Мемориал») и в Будапеште (в Институте истории революции 1956 года) и получили многочисленные, весьма высокие отклики в печати.

И вот теперь выходит, с опозданием более чем на тридцать лет, книга о восстании в Варшавском гетто, путь которой к читателю надолго был перекрыт «борцами с сионизмом», духовными наследниками Гитлера и Сталина, снова и снова повторяющими и сегодня басни о «жидомасонском заговоре».

Книги и статьи Алексеева, его обширный архив, переданный усилиями друзей в Отдел рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и еще ждущий своего исследователя и публика-

тора, память о его подвижнической жизни и работе актуальны и в нынешней постсоветской России, где старая ложь так часто сменяется новой, а правда далеко не всегда в чести.

Примечания:

¹ Алексеев В.М. Тридцатилетняя война: Пособие для учителя. Л., 1961. 183 с.

² Алексеев В.М. Чехословацкий поход еще не завершён // Погружение в трясины: Анатомия застоя. М., 1991. С. 187–208.

³ Алексеев В.М. Правые течения в общественно-политической жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке // Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки. Ч.3. Европа. Вып.1. СПб., 1992. С.36–64.

⁴ Алексеев В.М. Венгрия-56: Прорыв цепи. М., 1996. 280 с.

ПРЕДВАРЯЯ ПУБЛИКАЦИЮ...

Итак, к читателю пришла первая книга о восстании в Варшавском гетто, написанная русским автором, и вторая книга ленинградского историка Валентина Михайловича Алексеева, изданная после его смерти. Однокурсник Алексеева по историческому факультету Ленинградского университета набора 1946 г., наш общий друг Александр Горфункель, ныне живущий в США, рассказал здесь о судьбе автора этой книги. О том же довелось написать и мне в предисловии к другой книге Алексеева — «Венгрия-56. Прорыв цепи», вышедшей в издательстве «Независимой газеты» в 1996 г. К сказанному осталось добавить немного.

Трагедия людей, согнанных гитлеровцами на территорию нескольких кварталов Варшавы и избравших смерть — нет, не с оружием в руках, потому что оружия у них практически не было, но сопротивляясь чудовищной машине уничтожения, а не покорно следуя на бойню, — все еще мало известна в нашей стране, прошедшей через десятилетия государственного, сталинского и послесталинского антисемитизма. Между тем без правды о жизни и гибели Варшавского гетто — одной из частиц той чудовищной цены, которую пришлось заплатить человечеству за то, что не было своевременно остановлено восхождение к власти германской разновидности национал-социализма, — неполно наше знание о самой страшной войне в истории человечества.

Книга Алексеева рассказывает не только о событиях 1943 г., о польских евреях и гитлеровских фашистах. Она также — о временах более поздних, о нашей стране, о том, что вопреки официальной цензуре и многочисленным негласным табу существовала у нас неофициальная научная и политическая культура, были написаны честные книги: иные, хотя нередко и в искореженном виде, прорывались к читателю, другие накапливались в ящиках письменных столов в ожидании своего часа. Пришел час и для книги Алексеева о восстании в Варшавском гетто.

После того, как в середине 60-х годов не состоялось объявленное было ее издание, автор продолжал работать над рукописью, собирал материалы, опираясь в том числе и на устные свидетельства

людей, стоявших невдалеке от событий. Он был историком милостью божьей, тщательно работал с источниками, сопоставлял версии, восстанавливая картину событий. Но закончить работу ему не довелось, и книга выходит не совсем в том виде, в каком ее, несомненно, выпустил бы в свет автор, доживи он до сегодняшнего дня: не восстановимы оказались точные ссылки на некоторые источники, инициалы некоторых персонажей и т.д.

Тем не менее, извлекая работу, хотя бы и не вполне завершенную, из колоссального архива автора и адресуя ее сегодняшнему читателю, мы исполняем долг перед памятью о павших в героическом сражении без надежды на победу и о тех, кто не дожил до возможности «выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке», мы исполняем долг и перед будущими поколениями, ибо не должна порваться связь времен.

Они боролись без тени надежды, но с ясным сознанием, что их смерть придаст смысл жизни другим. Они и их-товарищи по бунту, стойкости и сопротивлению угнетателям не могли спасти еврейских жизней, но они спасли честь народа.

Из речи израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана

ПРОЛОГ

Человек, пожелавший в 1941 г. познакомиться с улицами оккупированной Варшавы, наткнулся бы западнее старого города на стену. Кирпичная, трехметровой высоты, оплетенная колючей проволокой, она проходила по середине мостовой.

За этой стеной находилось гетто. Пятьсот тысяч человек — все «неарийское» население польской столицы и десятки тысяч семей из провинции — были загнаны на территорию в 307 гектаров и не смели покидать ее под страхом смерти. Кара грозила и «арийцам», решившимся проникнуть в гетто без разрешения немецких властей. Пешие и моторизованные патрули польской полиции, немецкой жандармерии и СС ловили людей, пытавшихся пробраться за стену, и пристреливали их на месте или, зверски избив, забирали с собой.

Варшавское гетто было целым городом, большим городом, похожим и в то же время жутко не похожим на другие города мира. Здесь было самоуправление во главе с «юденратом» (еврейским советом), была и еврейская полиция — «служба порядка» — в форменных фуражках, с желтыми повязками на рукавах и с резиновыми дубинками в руках. В гетто работали театры: «Фемина», «Новый камерный театр», «Одеон» — на польском языке, «Новый Азасель», «Эльдорадо», «Мелоди-палас» — на еврейском; были открыты рестораны, кафе, играли оркестры; издавалась «Газета жидовска» — орган юденрата на польском языке.

На грязных улицах гетто, переполненных людьми, царили толкотня, шум, перебранка. Кричали нищие и торговцы, спешили рабочие и служащие, дельцы и люди неопределенных занятий, прохаживались крикливо одетые щеголи, многие были в застегнутых наглухо плащах и пальто, скрывавших отсутствие на теле белья. На тротуарах не хватало места, и пешеходы заполняли мостовые, мешая движению конных повозок, «рикш», детских колясочек (ставших распространенным видом грузового транспорта) и «еврейского трамвая» — конки, которая с улиц Варшавы исчезла несколько десятилетий назад. Тротуары были завалены горами мусора и нечистот, так как канализация вышла из строя, а телег и тачек для вывоза мусора не хватало.

Наблюдателя со стороны более всего поразили бы внешний вид большинства прохожих: «лицо стало походить на череп скелета — от нужды, плохого питания, вследствие недостатка витаминов, воздуха и движения, от чрезмерных забот, беспокойства, дум о предстоящих бедах, страданиях и болезнях. Резко очерченные глазные впадины, желтый цвет лица, обвислая кожа, ужасающая худоба и болезненность. И к тому же этот испуганный, беспокойный и в то же время мутный, апатичный и безучастный взгляд, как у затравленного зверя...»

В отрезанное от всего мира гетто немецкие власти запретили ввозить продовольствие сверх установленной нормы — в среднем два кило хлеба, тяжелого, как глина, с изрядной примесью целлюлозы и картофельной шелухи, и четверть кило сахара на человека в месяц. За эти крохи надо было платить втридорога, и специальное немецкое ведомство «трансферштелле» ежемесячно вывозило из Варшавского гетто разного рода вещи на миллионы злотых. В гетто не хватало топлива, в квартирах царила страшная скученность: на комнату в среднем приходилось 13 человек, а на квадратный километр — 110 800, втрое больше, чем в остальной Варшаве. Обитатели гетто забывали, как выглядят зеленые деревья, трава и цветы. Лишь кое-где внутри дворов они сорвали часть каменного покрытия и посеяли овощи.

Люди завшивели, тиф летом 1941 г. был отмечен в 300 из 1400 домов. В больницах тифозные лежали по двое-трое на одной постели. «Те, для кого не находится места на койке, — отмечает посетивший гетто очевидец, — лежат на полу в комнатах и в коридорах. Отсутствие достаточного количества необходимых лекарств делает невозможным действенный уход за больными. Кроме того, для больных не хватает продовольствия. Им дают только суп и чай». Нередко больному приходилось лежать ночь рядом с мертвецом.

В домах, где был обнаружен тиф, власти запирали всех жильцов на две недели. Соккрытие от немецких властей случая заболевания тифом грозило еврейским врачам смертью. Запрещали даже вносить в дом продовольствие, а домашнюю утварь и белье уничтожали. Обитателей этого и соседних домов гнали, кроме того, на санитарную обработку. Размах эпидемии требовал, чтобы санитарную обработку проходили 16 000 человек в день, но санпропускники справлялись лишь с 2000, причем в 40 случаях из 100 слишком слабые препараты не убивали насекомых. Пригнанных на санобработку, в том числе стариков, детей и даже лежащих больных, заставляли раздеваться и одеваться в холодных помещениях, а то и прямо на улице, и по 15–20 часов ожидать выдачи одежды, как правило, превращавшейся после обработки в лохмотья. После такой «бани» многие заболевали, а иные и умирали. От процедуры санобработки можно было освободиться за взятку, чиновники же юденрата попросту шантажировали жильцов тех или иных домов, требуя выкупа под угрозой наложения карантина.

Не только тиф, но и дизентерия, туберкулез, воспаление легких, грипп, нарушение обмена веществ, всевозможные кишечные и желудочные заболевания и все прочие недомогания, связанные с недостатком пищи, воздуха, одежды и топлива, и просто голод косили население гетто. В середине 1941 г. хоронили по 150 человек ежедневно. За полтора года «естественной смертью» умерло в этом неестественном городе 80 000 человек. «На стенах почти каждого дома вывешены извещения о смерти, — пишет Рожицкий. — Повсюду похороны и характерный для дезинфицируемых зданий резкий запах карболки».

Тяжелый смрад с кладбища заставлял прохожих в жаркие дни зажимать носы. Трупы свозили на конных повозках, ручных тележках, велосипедах, сносили на носилках. Похоронные бюро закрепляли свой транспорт за теми домами, откуда «товар» поступал регулярно. Бедняки, не имевшие средств на похороны, выбрасывали умерших в чужие дворы или прямо на тротуары.

Тяжелее всех пришлось беженцам — тем 150 000 человек, которых пригнали в Варшаву из западных районов Польши. Без имущества, которое можно было бы продать, без связей и знакомств, позволяющих найти заработок, без хлеба, топлива, одежды, мыла они влачили ужасающее существование в домах с загаженными лестницами, по несколько семей в одной грязной комнате, с черными простынями на постелях, вместе с трупами, которые держали неделями на кроватях, чтобы получать хлеб по карточкам умерших. Так они лежали днями напролет без движения, изнуренные, целыми семьями на постелях, равнодушные ко всему, кроме мысли о кусочке хлеба, не

имея ни сил, ни желания даже привстать. В газетах писали о случаях людоедства.

Немногим лучше жилось варшавской еврейской бедноте, численность которой в гетто также достигала 150 000. К середине 1941 г. 120–130 тысяч человек существовали только за счет раздачи бесплатного «джойнтоновского» супа. («Джойнт» – международная организация помощи евреям, пользующаяся в основном денежными средствами американской буржуазии еврейского происхождения. Гитлеровцы разрешали деятельность «Джойнта» в гетто, так как забирали себе 80% поступавшей валюты.) Позже и этот источник иссяк.

Особенно тяжелое впечатление производили дети – опухшие от голода, с незаживающими из-за отсутствия витаминов язвами, со старческими лицами. Без белья, без обуви, одетые в мешки и лохмотья, похожие на обтянутые кожей и подпоясанные веревками скелетики, они кричали, плакали, стонали на улицах, пытались вырывать у прохожих хлеб, чтобы тут же съесть его, не обращая внимания на побои. Мелкая уличная торговля была зачастую едва прикрытой формой детского нищенства: малолетние торговцы наперебой умоляли прохожего, цепляясь за его одежду и руки, сжальность, купить хоть что-нибудь. Сердобольные люди приобретали таким образом совершенно не нужные им вещи, зная, что на выручку маленького купца существует вся его семья. Общественные организации устраивали для голодающих детей бесплатное питание в так называемых уголках. Кухонный персонал этих уголков состоял в основном из учителей, которые попутно и обучали детей. Все это, однако, меняло общее положение лишь в самой незначительной степени.

В гетто царила атмосфера постоянного ужаса. Жандармы и эс-совцы расхаживали по улицам с бичами и пистолетами в руках, избивая встречных и поперечных, стреляя в них, как в диких животных. Часовые на вышках коротали время, подстреливая пешеходов. Проезжая на грузовиках по переполненным людьми улицам гетто, солдаты били евреев по головам прикладами. Когда на одной из улиц с особенно оживленным движением застрял в толпе немецкий военный грузовик, с него соскочил солдат и, недолго думая, перестрелял несколько подвернувшихся под руку евреев. Такие случаи были не в диковинку. Проходя мимо часового, надо было снимать шапку, а если немец оказывался не в духе, он бил еврея по лицу или заставлял делать гимнастические упражнения. Если шапку не снял кто-нибудь в рабочей колонне, проходящей через ворота, часовой открывал огонь по всей колонне. Иногда часовой останавливал группу людей и заставлял раздеваться и кататься по грязи. Любили

часовые также ставить прохожих на колени или заставлять их танцевать. Немцы смеялись при этом до упаду. Были часовые, которые прославились в гетто тем, что в каждое дежурство убивали по несколько человек. «Синяя полиция» (довоенная польская полиция, перешедшая во время оккупации в ведение немецких властей) измывалась над евреями едва ли меньше, чем гитлеровцы.

Напряжение увеличивали и непрекращающиеся слухи о все новых и новых изменениях границы гетто. Оккупанты любили заниматься такой перекройкой. Некоторым еврейским семьям пришлось переезжать по два-три раза, теряя остатки имущества.

Иногда в гетто появлялись грузовики с экскурсиями гитлеровской организации «Сила через радость» – надо было, показав немецким мещанам нечеловеческие условия существования в гетто, убедить их, что проживающие здесь люди, собственно говоря, людьми не являются.

В гетто и вокруг него кишели разного рода вымогатели. Работники городской электросети, например, обирали жителей отдельных домов, угрожая отключить электричество. Жаловаться на них было некому и некуда, поэтому жильцы вносили требуемую сумму. Нередко после ухода одних вымогателей появлялись другие – с тем же требованием и с той же угрозой. Позже промышлявшие в одиночку «электрики» объединились в большие шайки, поделили гетто на сферы влияния и приступили к организованному взиманию поборов.

Любили посещать гетто налоговые инспекторы. Они требовали уплаты налогов за давно прошедшие годы, справедливо полагая, что старые квитанции у многих порастерялись за время войны при неоднократных переселениях. Финансовые мероприятия такого рода были столь прибыльны, что инспекторы покупали друг у друга пропуска в гетто.

Роями вились вокруг стен гетто так называемые шмальцовники, по большей части молодые люди пятнадцати-двадцати лет. Они зорко подстерегали евреев, которым, обманув бдительность стражи, удавалось вырваться на «арийскую сторону». Заметив такого беглеца, шмальцовник крался вслед, чтобы в подходящий момент обобрать его под угрозой донести в полицию.

Более опытный шмальцовник брал на заметку дом и квартиру, куда зашел еврей. Разлакомившиеся охотники за двуногой дичью были не прочь и побраконьерствовать, пригрозить, например, одинокой и беззащитной женщине-польке, что сдадут ее в полицию как еврейку, если она не выложит им немедленно тысячу-другую злотых.

Не было и среди евреев недостатка в негодях, которые обворовывали, грабили и выдавали палачам своих соплеменников в надежде продлить таким образом собственное существование...

Всему этому не суждено было продолжаться долго. Город был обречен на уничтожение. Через два года после возникновения Варшавского гетто все его обитатели — богачи и нищие, капиталисты и рабочие, торговцы и их клиенты, полицейские и преступники, начальники и подчиненные, мужчины, женщины, старики и дети — все погибли в жестоких мучениях, задушенные и отравленные в газовых камерах, сожженные в горящих домах, заваленные в подземных укрытиях, затопленные в канализационных трубах. Их имущество — от токарных станков до золотых зубов — собрали, рассортировали и увезли для дальнейшего использования. Улицы гетто были разрушены, дома сожжены, а выгоревшие коробки зданий взорваны, развалины — сровнены с землей. Все, что представляло хоть какую-то ценность — кирпичи, металлический лом, — тщательно собиралось и вывозилось.

Остались лишь стена вокруг большого, заваленного мусором пустыря и посреди пустыря тюрьма — знаменитый «Павяк»...

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»

Польских лесов не хватило бы на бумагу для плакатов, если бы я приказал объявлять о казни каждого семи поляков.

Заявление генерал-губернатора Ганса Франка корреспонденту газеты, спросившему, что он думает по поводу объявления в Праге о казни семи чехов

Территорию побежденной Польши гитлеровцы собирались заселить немцами, местных же обитателей — частью истребить, частью использовать в качестве чернорабочих. Не откладывая в долгий ящик выполнение этой программы, оккупанты для начала отрезали от Польши самые развитые в промышленном и сельскохозяйственном отношении области, объявив их исконными германскими землями, — Познань, Лодзь, Гдыню, Верхнесилезский и Домбровский угольные бассейны. Отсюда началось выселение «нежелательных в расовом и национальном отношениях» элементов: евреев, националистически настроенных поляков, наконец, всех вообще интеллигентов. Более 200 000 польских детей, признанных «расово полноценными», гитлеровцы увезли в Германию, чтобы вырастить из них «настоящих немцев». У польских и еврейских фабрикантов и купцов, проживавших в этих районах, отобрали их предприятия, польских помещиков выгнали из их имений. Поляку здесь можно было оставаться лишь временно и только как работнику физического труда, отупевшей от нужды и изнурительного труда рабочей скотине.

Центральные районы бывшего Польского государства, объявленные Генерал-губернаторством, со своей особой администрацией и «правительством», стали временной резервацией для сгоняемого с запада польского и еврейского населения. Все руководящие посты в администрации Генерал-губернаторства заняли немцы, в их руки перешли еврейские, а также крупные и лучше организованные поль-

ские предприятия. Закрывались музеи, театры, книжные издательства, газеты и журналы. Произведения искусства, коллекции, оборудование научных учреждений вывозились в Германию или расхищались гитлеровскими вельможами. Были закрыты высшие учебные заведения, сокращено число школ, а из учебных программ исключено преподавание литературы, истории, географии. Библиотеки были частью закрыты, частью вывезены в Германию, а в уцелевших изъяти книги по общественным наукам и книги на иностранных языках, кроме, разумеется, немецкого.

Посетив как-то Варшаву, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер нашел, что слишком много молодых людей без толку шатаются по улицам. Начались облавы. Внезапно оцеплялись наиболее многочисленными места — кинотеатры, церкви, базары, — и находившихся там мужчин сажали в автомашины и отправляли в Германию на работы, не позволив, как правило, даже предупредить родных. Рабочих, мелких служащих, торговцев и предпринимателей отправляли в концлагерь за такие провинности, как невыход на работу, нелегальная торговля, самовольная организация предприятия.

Безудержный террор гитлеровцы считали лучшим способом поддерживать в стране порядок и спокойствие. Когда 26 декабря 1939 г. в пригороде Варшавы Вавере уголовники убили двоих немецких офицеров, прибывший на место происшествия батальон немецкой полиции расстрелял более сотни первых попавшихся поляков. Летом 1940 г., рассчитывая на то, что внимание мировой общественности поглощено сражениями во Франции, гитлеровцы учинили в Польше новую массовую бойню. В Пальмирах, неподалеку от Варшавы, они расстреляли несколько тысяч видных деятелей довоенной Польши — ученых, фабрикантов, представителей общественных организаций. Это была «превентивная мера» — оккупанты заранее ликвидировали людей, которые, по их мнению, в дальнейшем могли возглавить движение сопротивления.

Католическая церковь также подверглась преследованиям: гитлеровцам не нравилась ее роль в национальных традициях Польши. Тысячи польских священников и монахов были расстреляны или брошены в концлагеря.

Польский экономист Вацлав Ястшембовский в своей книге «Немецкая экономика в Польше 1939—1944», написанной в оккупированной Варшаве, говорит, что «круг правовых гарантий, защищающих домашних животных или даже охотничью дичь, был шире и соблюдался более строго, чем круг правовых гарантий, защищавших поляка на польских землях». Действительно: «На углу варшавской улицы стоит чистехонький немецкий полицейский, который, улыбаясь, умело регулирует движение. Но не нужно долго ждать, чтобы

увидеть, как он разбивает в кровь лицо прохожему, недостаточно поспешно выполнившему его распоряжение. И это была официальная деятельность стража общественной безопасности, а не выходка хулигана. В контору утром приходят служащие и делятся информацией о том, где и кого взяли ночью дома, была ли в трамваях облава, верно ли, что вчера расстреляно несколько сот человек. Об этом говорилось так, как в это время в Лондоне или в Нью-Йорке говорилось о погоде, ибо это были нормальные вещи, к которым привыкли, это была система.

На вокзале немец-железнодорожник, пожилой солидный человек с жизнерадостным брюшком и серьезным видом, наблюдает за толпой убогих пассажиров, выходящих со своими вещичками из поезда. Вот он задерживает человека и грубо отбирает у него бидон с молоком, ведь нужно позаботиться об утреннем кофе; это не грабеж, а деятельность разрешенная, рекомендуемая, открытая. На улице лежит убитый – судя по виду, еврей. Его застрелил жандарм. Документов даже не спросил, так как они наверное были у еврея в порядке; это было не убийство, а официальная деятельность. Комендант лагеря в Освенциме уведомляет телеграфом (да, всегда депешей!) семью о смерти сидевшего там несколько месяцев юноши, указывает, что за небольшую плату вышлет урну с прахом, – но никто никогда не узнает, в чем его обвиняли, был ли какой-либо судебный процесс, умер ли он от тифа или, что вероятнее, от впрыскивания фенола, отравлен в газовой камере или забит до смерти; это была формальная процедура, а не преступление.

...В каждой стране при каждом строе встречаются злоупотребления властью, грубость и нечестность чиновников, неравенство прав. Но в стране, оккупированной немцами, это были не случаи и не злоупотребления. Это была система. Это была не грубая выходка индивидуума, не преступление, это была солидно, с немецкой спокойной точностью, с полным чувством легальности выполняемая нормальная административная деятельность, исполнителями же были добропорядочные граждане, хорошие отцы семейств, а не какие-то патологические типы. Патологической была система...»

Гитлеровцы стремились расколоть и натравить друг на друга жителей Польши, играя, иногда не без успеха, на самых низменных инстинктах. Польских граждан немецкого происхождения или имеющих немецких родственников записывали в немцы и давали им разнообразные привилегии. Было множество категорий таких «немцев»: фольксдойчи, штатмдойчи, кашубы, мазуры, силезцы, гурали. Часто такая запись проводилась насильственно, ей подвергались целые предприятия, учреждения и деревни. Особыми привилегиями пользовались немцы из Германии. Немцы селились в особых квар-

талах, посещали особые парки, кинотеатры, магазины и рестораны, куда полякам вход был запрещен и где товары были в большем выборе и по более низким ценам. Некоторые преимущества, впрочем, довольно незначительные по сравнению с поляками, получали на территории Генерал-губернаторства украинцы, русские и белорусы. Меньше всего прав было оставлено евреям, которым гитлеровцы старались противопоставить все нееврейское – «арийское» – население Польши.

При заметных успехах оккупантов в разъединении населения поработанной страны ненависть к захватчикам со стороны всего польского общества, практически всех его классов, слоев и политических партий крепла изо дня в день. Ни крестьянин, обремененный обязательными поставками, а нередко просто сгоняемый с земли, ни рабочий, которого лишили элементарных гражданских прав, посадили на голодный паек и который жил под постоянной угрозой отправки на работы в Германию, ни интеллигент, лишившийся средств к существованию в результате закрытия учебных, научных и культурных заведений, издательств, ни фабрикант, купец и помещик, собственность которых повсеместно переходила в немецкие руки, ни чиновник, выгнанный с работы или оттесненный на низшие ступени служебной лестницы, ни, наконец, офицер, избежавший лагеря для военнопленных и скрывающийся в подполье, – никто не мог и не хотел мириться со сложившимся положением. Экономическая и политическая система, созданная оккупантами в Польше, позволяла существовать только немцам и тем из поляков, кто отсекся от своей нации и записался в фольксдойчи, штатмдойчи и т.п. Люди, решившие остаться поляками, не могли существовать, зарабатывать на еду, на одежду, не нарушая на каждом шагу гитлеровских законов и распоряжений – вольно или невольно, чаще сознательно, чем неосознанно.

Стихийное сопротивление мероприятиям оккупантов было повсеместным. Рабочие трудились нарочито медленно, портили сырье, инструмент, готовую продукцию, работали на сторону; крестьяне, в свою очередь, уклонялись от поставок. Процветали контрабанда, черный рынок, изготовление фальшивых документов и справок, кража материалов, принадлежащих немецкому государству и частным немецким фирмам. Подобная деятельность – не похвальная в нормальных условиях – была необходимым и неизбежным выражением воли народа Польши выжить наперекор гитлеровской политике террора и удушения голодом.

С первых же дней оккупации повсюду начались нелегальные сходки. Люди слушали зарубежное радио и распространяли перепечатанные на машинке сообщения. Многие доставали и прятали

оружие. До конца 1939 г. в стране появилось около пятидесяти подпольных периодических изданий, а за все время гитлеровского владычества их число перевалило за тысячу. Многие из них вышли десятками и сотнями номеров, а тираж некоторых газет достигал десятков тысяч экземпляров.

Общепольским центром борьбы против оккупантов стала Варшава. Здесь возникли и работали руководящие органы почти всех подпольных организаций общенационального значения, здесь же находились основные кадры этих организаций, в Варшаве были предприняты наиболее значительные акции польского Сопротивления. Однако поначалу обстановка вынуждала подпольщиков ограничиваться организационной работой, мелким саботажем и пропагандой. Остроумные и предприимчивые люди, главным образом молодежь, малевали аршинными буквами лозунги на стенах домов, развешивали на фонарях и кладбищенских воротах таблички с надписями «только для немцев», переставляли на важных перекрестках с большим движением немецкого автотранспорта дорожные указатели, забрасывали на трамвайные провода польские национальные флаги, всяческими способами преследовали мелких негодяев, выслуживавшихся перед немцами...

КАК ВОЗНИКЛО ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО

*Как приятно получить, наконец, возможность добраться до
шкуры еврея! Евреи должны почувствовать, что мы здесь...*

Из выступления генерал-губернатора Ганса Франка
на совещании 25 ноября 1939 г.

Одним из основных элементов идеологии гитлеровской Национал-социалистической рабочей партии с первых дней ее существования был воинствующий антисемитизм. Это евреи, по утверждению гитлеровцев, давно и небезуспешно добиваются господства над миром, это они развязали мировую войну с целью уничтожить Германию – страну, где, благодаря гениальной прозорливости фюрера, их коварные планы были разоблачены.

Захватив Польшу, немецкие фашисты принялись деятельно «спасать арийское население от еврейского засилья». На евреев надели опознавательные знаки, они были уволены из всех государственных и общественных учреждений, им запретили пользоваться библиотеками, посещать театры и кино, учить своих детей в школах вместе с детьми «арийцев», т.е. неевреев. «Арийским» фирмам было запрещено принимать на работу еврейских рабочих и служащих, еврейские предприниматели должны были уволить работавших у них неевреев. Одно за другим издавались распоряжения, запрещавшие евреям заниматься каким-либо видом ремесла или торговли, лишавшие все новые и новые слои населения средств к существованию. В частности, путем ряда ограничений евреям практически было запрещено заниматься производством и торговлей текстильными и кожевенными товарами, между тем именно в этих отраслях традиционно было занято особенно много еврейских предпринимателей и рабочих. Под корень подсекало еврейскую торговлю запрещение евреям пользоваться поездками, автобусами и трамваями.

Еще 6 сентября 1939 г., в первые дни оккупации, немецкие власти запретили какие бы то ни было сделки в отношении еврейского имущества; в начале октября того же года евреям было предложено сдать все свои наличные деньги, оставив не более 2000 злотых на человека. Вслед за тем по всей стране было проведено штемпелевание денег, так что евреям, утаившим свою наличность, пришлось обращаться к «арийцам», которые брали за услугу десять, а потом и до семидесяти пяти процентов врученной для штемпелевания суммы.

Привлекая с первых же дней оккупации жителей столицы к разного рода принудительным работам, немцы особенно грубо и жестоко обращались с евреями. Они хватали на улицах прохожих-евреев, заставляли их работать на очистке города от развалин и баррикад, перетаскивать тяжести, мыть автомашины, выполнять земляные работы. При облавах немцы старались задерживать в первую очередь хорошо одетых людей, а во время работ всячески издевались над схваченными – приказывали хором кричать: «Мы виноваты в войне», снимать на морозе перчатки и рукавицы и работать голыми руками, бегать наперегонки на четвереньках, подгоняли работающих бичами.

При появлении немецких грузовиков улицы еврейских районов Варшавы мгновенно пустели, и немцы стали подстерегать евреев в подворотнях, хватать на квартирах, на рынках, вытаскивать из трамваев (пока еще этот вид транспорта не был запрещен для евреев), ловили их во время посещения кладбища, врывались в молельни. Чтобы избежать облав, юденрат обязался регулярно посылать немецким властям нужное им количество еврейской рабочей силы.

В колоннах сформированного таким образом «трудового батальона» ежедневно выходило на трудовую повинность около 5–10 тысяч человек. Более половины из них не получали от немцев никакой платы, зато люди побогаче могли нанимать вместо себя «заместителей» из бедноты.

Бесчеловечность гитлеровцев, их способность пограть элементарные принципы справедливости не сразу и не целиком доходили до сознания их жертв. В начале 1940 г. кто-то, сводя личные счеты, убил в доме № 54 на улице Налевки «синего» полицейского. Немцы арестовали 54 жильца дома, в том числе и детей, как «сознательных пособников убийства». Когда следствие не дало результатов, нацисты усмотрели в этом доказательство злой воли арестованных, упорно не желающих открыть истину немецким правдоискателям. Все арестованные были расстреляны, о чем было дано сообщение в печати. В те времена родственники и знакомые погибших отказывались верить, что такое возможно. Слухи о том, что немцы нарочно пугают, что все арестованные, конечно, живы, прекратились лишь с наступлением весны, когда немецкие власти распорядились извлечь казненных, зарытых в неглубоком рве, и закопать поглубже.

В трамваях и поездах немцы развешивали плакаты, изображавшие еврейских ремесленников и мелких торговцев в самом неприглядном виде: вот еврей добавляет к мясному фаршу пропущенную через мясорубку крысу, вот он грязными ногами месит тесто. Большие буквы предупреждали прохожих и пассажиров: «Евреи – вши – тиф!»

Антисемитская пропаганда не ослабевала во все время оккупации. После июня 1941 г. появились плакаты, на которых евреи гонят на фронт измученных солдат и рабочих; на других плакатах рядом с надписью «Евреи правят миром» изображался дьявол, прищипоривший земной шар.

«Еврей – твой единственный враг!» – кричали плакаты.

– А, единственный!.. – восклицали поляки, сдирая эти плакаты со стен.

Однако надо признать, что эта пропаганда подчас падала на благоприятную почву. Антисемитизм в Польше издавна был силен, особенно среди мелкой буржуазии. Он еще более усилился в кризисные тридцатые годы, когда разорявшиеся лавочники и потерявшие заработок интеллигенты мечтали поправить свои дела за счет еврейских конкурентов. Правые политические группировки – при попустительстве, а то и подстрекательстве со стороны правительства – организовывали травлю евреев в широком масштабе.

Попытка проследить в деталях исторические корни антисемитизма в Польше увела бы нас чересчур далеко от основной темы. Отметим лишь основные моменты.

Недоброжелательность и ненависть к неизвестному, непонятному, чужому уходит корнями в далекое прошлое, когда для первобытной орды пределы человечества совпадали с ее собственными рамками. Первобытные люди только членов своего коллектива считали за людей, все остальные не отличались в их глазах от диких зверей. «Чужой» означал врага, его надо было убивать при первой же встрече или бежать от него. В современную эпоху такие традиции в наибольшей степени удерживаются именно в мещанской среде с ее ограниченным кругом интересов, вкусов, знаний и представлений.

Звериное отношение отдельных групп человечества друг к другу ослабевало в ходе исторического развития очень неравномерно и во времени и в пространстве. Даже в нашем XX веке оказались возможными дикие вспышки ненависти, сопровождавшиеся истреблением миллионов беспомощных «чужаков». Евреи не раз оказывались в этом отношении в особенно неблагоприятной ситуации. В средневековье, когда происходило сплочение народов Европы в современные нации, евреи жили рассеянно в разных странах, повсюду составляя меньшинство, повсюду резко отличаясь от основной массы населе-

ния характером своих занятий, бытом, языком и – что было особенно важно в то время – религией. Повсюду и для всех они были чужими, проклятыми Богом иноверцами. Обитателей средневековой Европы, на взгляды, нравы, быт которых наложило отпечаток натурального хозяйства, многое отталкивало в образе жизни, внешнем облике и манерах поведения людей, принесших с собой непривычные для большинства денежные отношения и смотревших, в свою очередь, с неприязнью и высокомерием на грубых и глупых варваров. В других частях света и в другие эпохи подобное отчуждение испытывали армяне в некоторых странах Ближнего Востока, индийцы в Восточной Африке, китайцы в Индонезии и Малайе.

Во время крестовых походов евреи, напуганные усилением христианского фанатизма, хлынули из Германии в Польшу. Польские короли приняли их сравнительно хорошо, так как отсталой сельскохозяйственной стране наплыв торговцев и ремесленников с экономически развитого Запада приносил значительную пользу. В то время как немецкие горожане селились в Западной Польше, евреи заполнили города и местечки восточных районов, а также Украины и Белоруссии.

В средние века город повсеместно экономически эксплуатировал деревню, продавая свой товар втридорога, покупая у крестьян втридешева. В восточных областях Речи Посполитой крестьянину – поляку, украинцу, белорусу – противостоял горожанин-еврей. Экономический антагонизм приобретал национальную и религиозную окраску. Враждебное отношение мелкого производителя ко всему чуждому было помножено на ненависть крестьянина к обирающему его горожанину. Отсюда – погромы времен Б.Хмельницкого и М.Железняка. Конечно, еврейское население городов не состояло из одних эксплуататоров, – нищета в еврейских местечках ни в чем не уступала бедности деревни. Но кого это интересовало? Крестьянин видел и чувствовал на своей шкуре корчмаря, арендатора, торговца, ростовщика, скупщика, и именно они олицетворяли в его глазах жида.

В XIX в., особенно во второй его половине, по всей Восточной Европе бурно развивается капитализм. В конкурентной борьбе новые промышленники и торговцы с раздражением убеждались, что издавна подвизавшиеся на этом поприще еврейские коллеги зачастую превосходят их опытом, связями, оборотливостью. В борьбе все средства хороши: новые, ломившиеся на первый план экономической жизни предприниматели стремились мобилизовать против конкурентов национальные чувства, ненависть широких масс. В период общенациональных экономических трудностей такая борьба может стать особенно ожесточенной: пожирание конкурентов представляется необходимостью.

И последнее – по счету, но отнюдь не по важности – обстоятельство: с конца XIX в., когда по всей Европе развернулось могучее рабочее и социалистическое движение, антисемитизм сделался излюбленным пропагандистским орудием капиталистов, стремившихся расколоть трудящихся, натравить их друг на друга.

В условиях экономического и политического кризиса баварские лавочники пошли за Гитлером; подобная обстановка складывалась в тридцатые годы и в Польше.

Общественное несчастье сблизило в конце 1939 г. евреев и поляков, однако притихший на время антисемитизм стал после поражения Польши вновь поднимать голову. Антисемиты помогали немцам вылавливать евреев, уклоняющихся от принудительных работ, показывали жаждавшим пограбить немецким солдатами и чиновникам квартиры и магазины состоятельных евреев. Немцы же, в свою очередь, не стеснялись ворваться в еврейскую квартиру и, выбрав лучшее из утвари, заставить хозяина вынести все это на собственных плечах в ожидавшую у подъезда машину. На прощание от него требовали адрес какого-нибудь другого зажиточного еврея.

Услужливые доносчики показывали пальцами на евреев, осмелившихся, несмотря на запрет, сесть в поезд. Хулиганы вламывались в дома, охотились на улицах за евреями, носившими по традиции бороды и пейсы, и приводили этих несчастных к немцам, которые под гиканье и хохот собравшегося сброда срезали евреям волосы ножом, часто вместе с кожей и мясом. Матерые антисемиты, бежавшие с территорий, занятых Красной Армией, рассказывали повсюду о «еврейско-большевистских зверствах» и громко выражали надежду на то, что Гитлер отомстит евреям за все.

В феврале 1940 г. толпа в несколько сотен человек с криками: «Покончить с евреями!», «Да здравствует вольная Польша без жидов!» принялась громить и грабить еврейские жилища. На углу улиц Францишканской и Валовой евреи стали защищать ворота с ломami в руках. Один погромщик и два еврея были при этом убиты. В погроме, который продолжался несколько дней, приняли участие несколько немецких летчиков, вооруженных пистолетами.

Хулиганские выходки участились в марте 1940 г. во время Пасхи. Шайки подростков окружали прохожих-евреев и избивали их камнями и палками. Немцы по большей части не вмешивались, но иногда разгоняли хулиганов, тогда как другие немцы фотографировали всю сцену. Остановливая хулиганов-антисемитов, немцы опасались, как бы дело не зашло дальше еврейских погромов. Немецкая пропаганда представляла все это так, что якобы антиобщественное паразитическое поведение евреев вызывает вполне понятное возмущение польских народных масс. Однако из-за дикости поляков,

рассуждали далее гитлеровцы, их протест против еврейского засилья приобретает слишком необузданный, разбойный характер. Вот тут и оказывается необходим носитель порядка, прирожденный культуртрегер немец, призванный организованно покончить с еврейской эксплуатацией, не допуская при этом польского буйства.

Надо сказать, что в первые месяцы оккупации гитлеровцы порой хотели выглядеть всеобщими благодетелями. Варшавскому населению, в частности, раздавали с автомобилями, принадлежавших ведомству национал-социалистической благотворительности, бесплатные суп и хлеб, средства на которые, впрочем, брались из кассы варшавского городского самоуправления. Иногда в очередь выстраивали и евреев, чтобы заснять трогательную сцену на киноплёнку, а затем разогнать ненужных более статистов. Как правило же, евреев изгоняли из очередей за супом и хлебом и даже из очередей у водоразборных колонок (когда в Варшаве были перебои с водой). В Люблине фашистские пропагандисты, откровенно презируя здравый смысл своих соотечественников, не стеснялись инсценировать для киносъемок даже «избиение евреями немцев».

Первое время, когда польское движение Сопротивления только еще становилось на ноги, случаи противодействия антисемитам были редки. В предместье Варшавы Праге один вагоновожатый, хотя ему приставили к затылку пистолет, отказался переехать положенного фашистами на рельсы еврея. На Банковской площади в Варшаве старуха-полька сказала погромщикам, что они позорят Польшу и действуют на руку немцам. Ее слова были встречены хохотом. Чаще всего поляки-доброжелатели ограничивались тем, что потихоньку предупреждали евреев о грозящей опасности со стороны погромщиков.

«Никто, — писал незадолго до гибели еврейский историк и общественный деятель Эмануэль Рингельблум, — никто не будет винить польский народ за эти непрерывные эксцессы и погромы еврейского населения. Значительное большинство нации и ее сознательный рабочий класс, трудящаяся интеллигенция несомненно осуждали эти эксцессы, видя в них немецкий инструмент ослабления сплоченности общества, сотрудничество с немцами. Наш упрек, однако, заключается в том, что не было отмежевания — ни в устном слове (проповеди в церквях и т.п.), ни в печатном — от сотрудничающей с немцами антисемитской бестии, что не было эффективного противодействия беспрестанным эксцессам, что ничего не было сделано для ослабления впечатления, будто все польское население, все его слои поддерживали выходы польских антисемитов. Пассивность подпольной Польши перед лицом грязной волны антисемитизма — вот что было большой ошибкой в период до возникновения гетто, ошибкой, которая будет мстить за себя на последующих этапах войны».

И среди немцев были те, кто не одобрял действия гитлеровских фанатиков-расистов в оккупированной Польше. Известны случаи,

когда германские солдаты по собственной инициативе раздавали хлеб голодающим евреям, когда раненые солдаты защищали от жандармов еврейских детей, просивших хлеб возле госпиталя. Педагог, ученый и литератор, погибший, как и многие, многие другие во время оккупации, Хаим Каплан рассказывает в своей хронике о немецком офицере, утешавшем мальчика-торговца, которому солдат растоптал товар. Офицер дал мальчику двадцать злотых. Упоминает Каплан и о немецких солдатах, совершенно по-товарищески игравших в футбол с еврейскими юношами, о немецком солдате, который говорил еврею: «Не бойся меня, я не заражен антисемитизмом».

Такие эпизоды, вероятно, были нечасты, потому-то они и обращали на себя внимание. Но, во всяком случае, генерал Кюлер, командующий дислоцировавшейся на территории Польши 18-й армией, вынужден был предупредить 22 июля 1940 г. солдат и особенно офицеров, чтобы они воздерживались от критики проводимой в Генерал-губернаторстве политики в отношении поляков, евреев и церкви. Кюлер выражал опасение, что среди немецких солдат может распространиться ложное мнение о целях «вековой борьбы германского народа на его восточных границах». Он предлагал солдатам держаться подальше от мероприятий, которые партия и государство доверили в связи с этой борьбой «специальным формированиям».

Даже на верхних ступенях гитлеровской иерархии возникали подобные настроения. Советник посольства фон Хассель (впоследствии казненный гитлеровцами) в конце 1939 г. писал в дневнике о «постыдных делах, творимых СС в первую очередь в Польше... Расстрелы невинных евреев сотнями, по конвейеру». А главнокомандующий немецкими войсками на Востоке генерал-полковник Бласковиц счел нужным подать Гитлеру меморандум о том, что «перебить несколько десятков тысяч евреев и поляков, как это делается в данный момент, означает стать на неверный путь. Этим не убить в массе населения идею польского государства и не устранить евреев. Напротив, метод бойни приносит больше вреда, усложняет проблему и делает ее намного более опасной, чем это было бы при продуманных и целенаправленных действиях». В числе отрицательных последствий гитлеровской политики генерал видел, в частности, перспективу объединения поляков и евреев против палачей. Бласковиц опасался также морального разложения среди немцев. Понятно без лишних слов, что вся эта аргументация ни в малейшей степени не подействовала на главарей гитлеровского режима.

«Я знаю о критике многих мероприятий, которые ныне проводятся в отношении евреев, — говорил 16 декабря 1941 г. генерал-губернатор Франк на заседании своего «правительства». — Все снова и снова, притом сознательно — это вытекает из донесений, — говорят о жестокости, твердости и т.д. Я просил бы вас согласиться со мной

предварительно в следующем: сочувствие мы в принципе можем иметь только в отношении немецкого народа и более никого в мире. Другие ведь тоже не жалели нас...» В начале 1944 г., когда почти все польские евреи были истреблены, Франк еще раз громкогласно обличил тех «сердобольных немцев», которые, как он выразился, «со слезами на глазах и ужасаясь» взирают на судьбу евреев.

Не следует забывать, что от критики гитлеровских преступлений по частностям, как бы широко она ни была распространена, было еще очень далеко до решительного отрицания нацистской идеологии и политики в целом, до разрыва с гитлеризмом. Солдат или офицер, сочувствовавший в том или ином конкретном случае жертвам гитлеровского террора, продолжал, как правило, подчиняться военной и государственной дисциплине и верил в то, что сражается «за родину». Нацистские фанатики, как бы омерзительны ни были отдельные их поступки, оставались для него «нашими». Он поддерживал и защищал их как соотечественников и товарищей по оружию от посягательств «врагов», тем самым обеспечивая им возможность безнаказанно предаваться патологической вакханалии зверств. Начальник отдела труда при правительстве генерал-губернатора оберштурмбанфюрер СС Макс Фрауэндорфер, признавшийся фон Хасселю в конце 1942 г. в «безграничном отчаянии по поводу того, что он переживает ежедневно и ежечасно в Польше (...беспрерывные, невыразимые убийства евреев!), говорил, что он больше не выдержит и хочет идти простым солдатом на фронт» — т.е., по сути дела, с оружием в руках отстаивать право своих коллег по СС продолжать их дело в тылу.

21 сентября 1939 г. начальник имперской службы безопасности Рейнхард Гейдрих распорядился приступить к очистке западных областей оккупированной Польши от евреев под предлогом их участия в грабежах и партизанских нападениях. Отметив, что вопрос о дальнейшей судьбе евреев пока не решен, Гейдрих приказал в порядке предварительной меры концентрировать их в немногих расположенных близ крупных железнодорожных станций местах. Перед войной польские евреи обитали более чем в тысяче городов, местечек и деревень. К 1942 г. они были согнаны в 54 города. Предполагалось со временем переместить всех евреев как Польши, так и других оккупированных гитлеровцами стран на территорию между Вислой и Бугом. «Мы хотим, чтобы от половины до трех четвертей всех евреев оказалось к востоку от Вислы, — говорил Франк на совещании 25 ноября 1939 г. — Этих евреев мы будем прижимать всюду, где только сможем».

Одно время гитлеровцы намеревались перебросить всех евреев (после того, как они будут обобраны) из оккупированной Польши в

СССР, и пока демаркационная линия между советской и германской армиями еще не определилась, еврейское население массами переносили на советскую территорию.

Переселенцам зачастую не позволяли брать с собой даже одеяла и посуду, их не кормили в дороге. После многодневного переезда в запертых и не отапливаемых в мороз вагонах они прибывали к месту назначения совершенно беспомощными, обессиленными, без средств к существованию.

Немецкая администрация Генерал-губернаторства без особой радости отнеслась к этому массовому наплыву, ссылаясь на возможность возникновения эпидемий, трудности с питанием, на неизбежность волнений. Франк говорил, что вполне отдает себе отчет в неимоверных трудностях, возникающих с переездом людей без имущества, без возможности начать новую жизнь, однако подчеркивал: исходить следует только из государственно-политических соображений. «Всякое критиканство в отношении подобных мероприятий из-за каких-то пережитков гуманности или по соображениям целесообразности должно быть полностью исключено. Вселение должно состояться. Генерал-губернаторство должно принять этих людей, ибо в этом заключается одна из больших задач, поставленных фюрером перед Генерал-губернаторством».

Еще до войны гитлеровцы поговаривали о переселении евреев куда-нибудь к экватору. Летом 1940 г., после разгрома Франции, они готовы были остановиться на Мадагаскаре. Дополнительным «плюсом» такого варианта явилось бы то обстоятельство, что при подобных насильственных и поголовных перебросках больших масс населения в непривычные экономические и климатические условия значительная часть переселенцев неизбежно погибает в пути или вскоре после переезда. К тому же даже там, на другом конце света, евреи должны были остаться в пределах досягаемости Третьей империи, так как побережье Мадагаскара предназначалось для немецких военно-морских баз, внутренние же районы, выделяемые для евреев, должны были попасть под верховное управление ведомства Гиммлера.

Ход военных действий показал, что Германии еще рано думать об освоении французских колоний, в том числе и Мадагаскара. Пугали и технические трудности предлагаемой перевозки десяти миллионов человек при острой нехватке морских судов. Пришлось отказаться и от насильственной отправки евреев в Палестину (это делалось накануне войны в 1938—1939 гг.). Гитлеровские главарь стали искать способ решения «еврейского вопроса» на месте. Гиммлер, со своей стороны, всегда утверждал, что всякое выселение на периферию зоны германского владычества или за ее пределы не решит

проблему, но лишь отодвинет решение до того времени, когда Германия завоюет мир.

На польских землях евреям в местах концентрации сначала запретили появляться на главных улицах, потом позволили выходить из дома только на работу или на рынок, причем на рынок разрешалось ходить определенное число раз в неделю, потом — только в течение одного дня, потом — в течение лишь двух часов, потом — одного часа. Наконец евреям вообще стали запрещать встречаться с «арийцами». Возникли изолированные районы для проживания евреев — гетто. Первое такое гетто было создано 1 декабря 1939 г. в Петрокове.

Причины создания гетто гитлеровская пропаганда объясняла по-разному. Если Гейдрих приказал ссылаться на якобы широкое участие евреев в партизанских действиях против немецкой армии и в грабежах, то в других случаях заявлялось, что евреи настраивают поляков против Германии. Говорилось также, что евреев приходится изолировать и держать под строгим контролем, так как они не хотят соблюдать установленный национал-социализмом справедливый принцип распределения материальных благ. Ссылались и на то, что евреи, в сущности, всегда стремились обособиться от окружающего населения. Чаше же всего нацисты кричали, что евреи разносят заразные болезни и что только их изоляция может спасти «арийское население» от эпидемий. На самом же деле как раз переселение миллионов евреев в гетто и явилось главной причиной распространения болезней среди скученной и страдающей от недостатка пищи, топлива и одежды массы людей. Заявляя на рабочем заседании своего «правительства» 12 апреля 1940 г. о намерении очистить как можно скорее Краков от евреев, Франк отметил попросту: «Это совершенно непереносимо, что в городе, получившем от фюрера великую честь стать местом пребывания высшей имперской администрации, бродят по улицам и проживают в квартирах тысячи и тысячи евреев...»

В Варшаве городские районы с особенно высоким процентом еврейского населения (от 55 до 90%) еще в марте 1940 г. были объявлены карантинной зоной. Местами велось возведение стен с целью затруднить сообщение этой зоны с остальной Варшавой. Предполагалось переселить затем евреев отсюда за Вислу, в район Праги. Городское управление возражало, ссылаясь на ущерб, который понесет экономика города, и отмечало, в частности, что 80% всех варшавских ремесленников — евреи. Однако в августе последовало распоряжение поспешить и организовать гетто до наступления зимы. Не желая терять времени, гитлеровские власти остановили выбор на территории «карантинной зоны». Здесь и начали создавать гетто для «защиты арийского населения от евреев», как выражался

впоследствии немецкий генерал Штрооп. 113 000 поляков и 700 фольксдойчей, проживавших до того в «карантинной зоне», выселили и на их место пригнали из других районов Варшавы 138 000 евреев. 2 октября 1940 г. губернатор Варшавы Людвиг Фишер издал специальный приказ о создании гетто; 15 ноября под страхом тюремного заключения был запрещен самовольный вход и выход из гетто. 16 ноября начальник переселенческого отдела при варшавском губернаторе Вальдемар Шен прочесал с войсками Варшаву и силой привел в гетто еще 11 130 евреев. Было опечатано 3870 еврейских магазинов и лавок.

Несколько дней перед окончательным прекращением доступа в гетто его улицы были заполнены тысячами поляков, пришедших в последний раз навестить своих еврейских друзей и знакомых. Обнимались и целовались, передавали продукты и деньги. Поляки — рабочие шоколадной фабрики «Альфа» устроили складчину для еврейского коллеги, отправляемого в гетто. Впрочем, многие польские буржуа воспользовались событиями для того, чтобы ограбить еврейских собратьев по классу. Принимая от состоятельных евреев на хранение ценности или покупая у них дома, торговые и промышленные предприятия и т.п., «арийские» компаньоны и контрагенты в 95% случаев, как утверждал Рингельблюм, присваивали доверенное им имущество, умышленно затягивали выплату денег, нередко доносили на своих еврейских кредиторов в гестапо.

Самовольное оставление гетто каралось вначале девятью месяцами тюрьмы. Иногда нарушителей отправляли прямо в Освенцим. Евреев, обнаруженных вне гетто, при аресте нередко избивали до потери сознания. Правда, Шен заявил «правительству» Франка, что подобные меры наказания недостаточно эффективны и для надлежащего устрашающего воздействия необходимо применение смертной казни. Франк согласился с Шеном. С ноября 1941 г. немцы стали расстреливать за уход из гетто без разрешения. 8 ноября были казнены первые два нарушителя, 17 декабря — еще восемь человек, в том числе шесть женщин (одна из которых была беременна). Около 1300 задержанных ожидали своей участи в тюрьме.

Заместитель варшавского губернатора доктор Герберт Гуммель сетовал при этом на заседании «правительства» Генерал-губернаторства в Кракове, что смертные приговоры приводятся в исполнение недостаточно быстро да и выносятся не сразу после поимки нарушителей. Судебную процедуру надо освободить от излишнего формализма, говорил он. Франк просил его не горячиться, не спешить с выводами, так как грандиозная задача ликвидации евреев будет выполнена другими методами...

ЖИЗНЬ ГЕТТО. КОНТРАБАНДА

Это была борьба слабого, голодающего и безоружного еврейского общества против адской немецкой мощи.

Современник событий

Наглухо запертых в стенах гетто евреев нацисты хотели довести до крайней степени физического и духовного истощения. Спустя год после создания Варшавского гетто, 15 октября 1941 г., тогдашний начальник СС и полиции Варшавы Виганд доложил Франку, что евреи настолько ослаблены голодом, что более не могут быть опасны. Генерал-губернатор поблагодарил эсэсовца за службу.

Во второй половине 1941 г. продовольственная норма, составлявшая в Варшаве для немцев 2310 калорий в день, для поляков — 634 калории, для евреев равнялась 184 калориям, не говоря уже о том, что значительная часть и этого мизерного пайка забиралась юденратом в виде налога или просто разворовывалась. (В 1941 г. поступления от продажи хлебных талонов составляли более двух третей доходов юденрата.) «Евреи вымрут от голода и нужды, и от еврейского вопроса останется только кладбище», — острил губернатор Фишер.

Конечно, если бы точно соблюдались официальные продовольственные нормы, гетто в самом деле вымерло бы в течение нескольких недель. Однако, поскольку его обитатели всячески обходили гитлеровские предписания, реальное потребление на человека составляло в Варшавском гетто к концу 1941 г. в среднем 1125 калорий в день. Это было вдвое меньше самой низкой нормы питания в довоенной Польше, но все же позволяло узникам гетто влачить существование из месяца в месяц, лишь постепенно истощало их жизненные силы.

Быстрее других сгорали те, кто потреблял 800 и меньше калорий, — беженцы на эвакуационных пунктах и уличные нищие.

Чтобы иметь поменьше хлопот с вымиравшим от голода и эпидемий населением гетто, оккупанты предоставили ему внутреннюю автономию под общим контролем немецких властей. В распоряжении юденрата, возглавлявшего администрацию гетто, находилось большое число служащих и полицейских — евреев. Полицию — «службу порядка» — в Варшавском гетто организовал из офицеров и унтер-офицеров запаса, адвокатов и уголовников Юзеф Шериньский — крещеный еврей (прежняя его фамилия была Шинкман) из Люблина, до войны служивший инспектором польской полиции. Получив от немецких хозяев в качестве оружия дубинки и усердно подражая немцам, еврейские полицейские нещадно избивали своих единоплеменников, иной раз до смерти.

Когда стало ясно, что война затягивается, гитлеровцы сочли целесообразным использовать дешевый полурабский труд евреев в военном производстве. Ряд немецких, польских и еврейских предпринимателей получили военные заказы и право нанимать еврейских рабочих. Возникшие таким образом предприятия называли «шопами». Некоторые из них, так называемые плацувки, находились за пределами гетто, и еврейских рабочих — плацувкаржей — водили туда ежедневно в колоннах под охраной. По дороге через «арийскую» часть города плацувкаржей, бывало, осыпали оскорблениями и насмешками хулиганы, которые бежали за рабочей колонной, горлая: «Гитлер милый, Гитлер злотый, научил жидов работать!» Иногда же, напротив, прохожие бросали в колонну пищу, которая молниеносно исчезала под одеждой рабочих.

Самое крупное предприятие такого рода принадлежало немцу Вальтеру Теббенсу, на которого работало до 18 000 человек. Фирма Теббенса захватила в свои руки все конфискованные у евреев швейные и кожевенные мастерские. Гиммлер писал о Теббенсе: «В течение трех лет этот ранее неимущий человек стал если не прямо миллионером, то крупным собственником, — и все лишь потому, что мы, государство, пригнали для него дешевую еврейскую рабочую силу».

Одна из немногих оставшихся в живых работниц фабрики Вальтера Теббенса рассказывала, что вечно пьяный фабрикант расхаживал по цехам с бичом в руке. Таким же владыкой души и тела рабочих и работниц чувствовал себя и директор Ян, его правая рука. Как настоящий рабовладелец, этот фольксдойч из Томашува выбирал себе наложниц из молодых работниц.

Работали у Теббенса по двенадцать часов в день, без выходных и праздников. Забракованную продукцию приходилось переделывать

во внеурочное время. Провинившихся рабочих заводская охрана — веркшютцы — избивала в котельной. Воспользоваться минутой передышки, обменяться новостями рабочие могли только в уборной, но и туда врывались веркшютцы, нанося удары направо и налево. Заработная плата составляла две тарелки супа и от полутора до пяти злотых в день. (Килограмм хлеба на рынке в это время стоил восемь-двенадцать злотых.)

В 1941 г. шопы предоставляли постоянную работу всего лишь 27 000 человек из 110 000 рабочих, проживавших в Варшавском гетто. Предпочтение отдавалось тем, кто являлся с собственным инструментом. Остальным приходилось искать другой выход: люди готовы были выменять все свое имущество на пищу. При избытке рабочих рук, искавших применения, не было недостатка и в отчаянных и предприимчивых головах. Нашлись и среди «арийцев» охотники принять участие в рискованных, но выгодных сделках с голодающими евреями. Несмотря на противодействие немецких властей, Варшавское гетто быстро превратилось в крупный ремесленно-торговый центр общепольского значения.

Изобретательность и фантазия населения гетто, казалось, не знали границ. Тайные фабрики, ютившиеся в замаскированных помещениях, в подвалах, работая по ночам, поставляли на широкий польский рынок ткани, крестьянские куртки, носки, рукавицы, щетки, различную галантерею и бесчисленное множество иных товаров. Сырье нелегально доставлялось из Лодзи, Ченстохова, Томашува и других городов. 20 000 килограммов старого тряпья, оставшегося после истребления евреев в Люблине, привезли польские торговцы: они раздобыли его в местном отделении «вертэрфассунг» — ведомства, занимавшегося сбором еврейского имущества.

В самом гетто тщательно собиралось все, что могло послужить сырьем для переработки, — вплоть до гусиных перьев. На рынке на улице Генсей [Гусиной. — *Прим.ред.*] у бедняков закупались ежедневно тысячи килограммов тряпья. Из молитвенных покрывал изготавливали шали и свитера, из старых конторских книг делали папье-маше для чемоданов и голенищ обуви на деревянной подошве, массовое производство которых также было налажено в гетто. Кожевники обрабатывали шкуры, специально для этой цели завозившиеся с «арийской стороны». Из обломков самолетов (и такое нелегально доставлялось в гетто) делали миски, ложки и прочую алюминиевую утварь. Множество игрушек изготовлялось малолетними детьми. Часовых дел мастерам доставлялись с «арийской стороны» часы — для ремонта. Развилась деревообделочная промышленность — распиловка дерева, изготовление мебели, трубок, мундштуков, предметов мелкой галантереи. Из старых труб делали

ложки. Были налажены химико-фармацевтическое производство, переработка жиров, маслоделие, мыловарение. Возникло литейное дело: изготавливали железные печи, дверные засовы и т.п. Сотни мельниц перемалывали для «арийской стороны» специально доставляемое в гетто зерно. Наряду с 70 легальными пекарнями в гетто работало 800 нелегальных. Собственники подпольных предприятий должны были платить крупные взятки агентам польской и еврейской полиции, однако при дешевизне рабочей силы, гарантированном сбыте и отсутствии налогов «дело» в конечном счете давало хороший доход.

Изделия для черного рынка изготавливались также и на некоторых шопах, где выполнялись немецкие заказы. Нелегальный товар упаковывался вместе с законной, заказанной немцами продукцией. Общая стоимость нелегального экспорта из Варшавского гетто составляла 10 миллионов злотых в месяц, тогда как шопы производили продукции на 0,5–1 миллион в месяц. Нелегальной продукцией еврейских ремесленников не брезгали и представители интендантской службы немецкого вермахта, по дешевке приобретавшие товар через польских посредников.

Экономика гетто не могла развиваться без хорошо налаженной контрабанды. Контрабанда в значительной мере сорвала гитлеровские планы быстрого удушения Варшавского гетто голодом. В записках, оставленных погибшими жителями гетто, не раз встречается пожелание, чтобы после войны был поставлен памятник «неизвестному контрабандисту».

Контрабандным провозом товаров занималась и сама еврейская полиция, на которую оккупационными властями была возложена обязанность помогать немецкой жандармерии и польской «синей» полиции в охране границ гетто. Еврейские полицейские не получали жалованья за свою службу и стремились найти побочный заработок. Руководители еврейской полиции, заинтересованные в том же, осваивали особенно искусных в контрабандном ремесле полицейских от всех служебных обязанностей, кроме дежурства у ворот гетто. Доход от контрабанды полицейские должны были отдавать в общий котел. Во время дележа между ними, а также между полицией и профессиональными контрабандистами часто вспыхивали кровопролитные схватки.

Незаконный ввоз продуктов в Варшавское гетто начался, по словам работника еврейской полиции Пассенштейна (впоследствии погибшего от рук гитлеровцев), сразу же после установления блокады. Первые дни немецкие жандармы, с трудом ориентировавшиеся во все более сложном лабиринте всевозможных запретов и не свыкшиеся еще с мыслью, что евреи должны быть просто-напросто заморены

голодом, беспрепятственно пропускали в ворота гетто возы с продуктами. Затем последовали указания о разрешении ввозить в гетто продукты только через посредство «трансфертштелле» — специального ведомства по товарообмену с гетто. Контрабандисты попытались использовать «социалистическую» демагогию гитлеризма. Они разъясняли страже, что запрет относится лишь к изысканной пище «еврейской паразитической плутократии», но отнюдь не к пище бедняков, такой, например, как картошка. Когда просвещенные своим начальством жандармы перестали поддаваться на уговоры, контрабандисты, работавшие вместе с еврейской полицией, прибегли к новым приемам.

Часто они пользовались нерасторопностью жандармов, проверявших документы на ввозимые в гетто товары. Еврейская полиция умышленной бездеятельностью создавала в воротах скопление транспорта и людей, особенно детей, всегда старавшихся выскочить из гетто, и, пока жандармы с проклятиями разгоняли народ, возы и целые автомашины с контрабандой быстро въезжали в гетто. Бывало и так, что отчаянный шофер, презрев все ухищрения, проскакивал на полном газу ворота и исчезал в гетто прежде, чем жандармерия успевала опомниться.

Нередко дежуривший у ворот еврейский полицейский умышленно допускал какое-либо нарушение служебного распорядка. Педантичный службист-жандарм выходил из себя и долго распекал бестолкового еврея, не замечая, что за его спиной контрабандисты провозят через ворота груженный воз. Подчас в этих же целях с жандармом заводили разговор сентиментального характера: о семье, о Германии, о бомбежках, о войне. В осеннюю и зимнюю непогоду учитывалось и нежелание жандармов мерзнуть на ветру, их тяга посидеть в будке у огонька. Среди еврейских полицейских появились настоящие специалисты — знатоки «жандармской души».

Существовало множество других способов обмануть бдительность охраны у ворот. Разовые разрешения на въезд с возом продуктов использовались по многу раз на протяжении нескольких недель, так как жандармы часто не отбирали их, а лишь требовали показать. Пропуска на овощи использовались для провоза муки, сахара, промышленного сырья: телеги и грузовики нагружали контрабандой и насыпали сверху слой картофеля или овощей. Промышленные товары вывозились из гетто под слоем мусора. Жандармы, опасаясь заразы, редко копались в таком грузе.

Почти все подводы и автомобили оборудовались тайниками: для контрабандных грузов использовали упряжь, тормоза, фары. Нашли способ импортировать на убой коней: в гетто въезжали с законными пропусками две телеги, запряженные каждая двумя лошадьми.

Спустя некоторое время из гетто возвращалась телега с одной лошастью в упряжке, таща за собой «на прицепе» вторую телегу, без упряжки, якобы на ремонт. Вскоре обе телеги снова направлялись в гетто, каждая опять с двумя лошадьми.

Порядки, введенные гитлеровцами в оккупированной Польше, необыкновенно быстро развращали в первую очередь самих немцев. Отдельного немца, взятого вне официальной системы, т.е. действующего по внутренним побуждениям и для себя, писал В.Ястшембовский, на которого мы уже имели случай сослаться, можно определить как вора. Не преступника, не грабителя — это относится к системе, — а просто вора. «Полицейский, обыскивая мою квартиру, украл кусок мыла, помощник мастера на фабрике, где я был рабочим, украл у меня свитер, министр Франк, посетив обреченный на уничтожение Королевский замок, украл орлов с коронационного трона, солдат СС, проверяя мои документы на улице, украл у меня из портфеля 20 злотых». Но дело даже не в этом, продолжает польский экономист. Согласно немецким законам и немецкой морали, польская вещь — бесхозная вещь, присвоение ее немцем не воровство. Но немец воровал у немецких властей и продавал вещь поляку! Воровали почти все немцы. На черном рынке — а он обеспечивал в оккупированной Польше 80% всего потребления — товары, украденные у немецкой армии и администрации самими немцами, составляли половину.

Служба в гетто, по мнению многих жадных и развращенных жандармов, предоставляла особенно благоприятные условия для быстрого обогащения. Жандармы договаривались — всегда стараясь скрыть это от коллег и от начальства — с еврейскими полицейскими и в условленное время пропускали телеги с контрабандой. Возница показывал лишь какой-нибудь листок бумаги, якобы пропуск, чтобы у посторонних не возникало подозрений. Еще более активное участие в контрабанде принимали дежурившие у ворот польские полицейские. Им доставалась львиная доля поборов — в среднем около 60%. Остальное шло немецким жандармам и еврейским полицейским.

Все это могло бы показаться довольно веселой игрой с безобидными и придурковатыми партнерами — немецкими жандармами, если бы речь не шла об игре со смертью. Виртуозами в этой игре контрабандисты и их пособники из еврейской полиции становились в значительной мере по законам простого естественного отбора: нерасторопные, неудачники получали пулю и выбывали. Впрочем, и виртуозы далеко не всегда все предусматривали. Подготовленный транспорт мог запоздать и подъехать к воротам уже после того, как подкупленный жандарм сменится с поста. Если одни жандармы

брали взятки или выполняли свои обязанности спустя рукава, формально, то другие проверяли пешеходов и транспорт со всей тщательностью. Иные, не довольствуясь этим, измывались над евреями и жестоко избивали их по любому поводу. Многое зависело от минутного настроения жандарма, от полученного им из дома письма, взыскания по службе, от разговора в казарме. Некоторым ничего не стоило, срывая злость, пристрелить нескольких первых попавшихся на глаза евреев. Нередко жандарм пулей отвечал на предложение сделки, а иногда соглашался только для вида, чтобы потом задержать и транспорт, и еврейских полицейских.

Даже при налаженном сотрудничестве, если в момент прохождения востов через ворота появлялся патруль СС, жандармы преображались, начинали демонстрировать усердие, обыскивать восты, приказывали сбрасывать мусор, раздевали мужчин и женщин догола даже в трескучий мороз.

Некоторые жандармы были настолько свирепы в своей ненависти, что за любой проступок убивали евреев на месте: за то, что еврейский полицейский подошел к немецкому посту ближе пятидесяти метров, за попытку завязать разговор. Такие постовые без колебания открывали огонь, когда у ворот возникала толча. Не проходило дня, чтобы здесь, у ворот, не погибало по самым различным причинам несколько евреев — полицейских, контрабандистов и просто прохожих. Врываясь в жилища контрабандистов, в их «малины», жандармы тут же убивали всех, кто там находился, невзирая ни на пол, ни на возраст. Случалось, что за участие в контрабанде пристреливали и «арийцев».

Поток контрабанды шел в гетто не только через ворота. Вначале, когда граница гетто проходила по конькам крыш, контрабанду проносили по ночам через отверстия, пробитые в стенах домов и замаскированные с обеих сторон мебелью. Сигналы об опасности во время работы подавали еврейские и польские полицейские, чье присутствие в ночное время на улице не вызывало у немцев подозрений. Специальные трубопроводы подавали молоко из цистерн на «арийской стороне» к кранам в гетто. Через водосточные трубы сыпали крупу, муку, сахар.

Трудности контрабанды значительно возросли после того, как немцы перенесли границу гетто на середину улиц, обозначив ее ограждением из колючей проволоки высотой в метр и кое-где дощатым трехметровой высоты забором. Позже была построена кирпичная стена. Ограждение охранялось постами польской полиции и немецкими патрулями.

По ночам контрабандный товар перебрасывали через колючую проволоку, иногда в ограждении прорезали проход в метр-два ши-

риной. Работа у проволоки шла споро: сотни мешков сахара или зерна перебрасывались за четверть часа, после чего товар мгновенно исчезал в недрах гетто. Появление «на горизонте» немецкого патруля заставляло лишь ускорить темп переброски. Через проходы в проволочных заграждениях проводили в гетто даже коров. Самые бесшабашные контрабандисты работали и днем, приводя в отчаяние связанных с ними еврейских и польских полицейских. При появлении немецкого патруля контрабандисты молниеносно исчезали, полицейским же приходилось давать объяснения под дулом автомата.

У заборов контрабандисты работали, как правило, днем, в момент наибольшего движения пешеходов по обеим сторонам улицы. Отверстия в заборе были закрыты досками, прибитыми лишь слегка или висевшими на петлях. Здесь, у забора, встречались знакомые евреям и поляки. Немцы особенно часто патрулировали эти места, и там ежедневно оказывались убитые и раненые. Передача контрабанды в таких случаях прерывалась лишь на несколько минут и возобновлялась сразу же после ухода немцев.

Когда проволочные заграждения и дощатые заборы были заменены кирпичной стеной, контрабандисты стали пробивать в ней у самой земли полуметровые отверстия, дополняя их иногда подкопом и маскируя свободно уложенными кирпичами и землей. Власти без устали замуровывали эти отверстия, но прежде чем известь успевала засохнуть, контрабандисты снова вынимали кирпичи. Немцы, обнаружив такое отверстие, сейчас же стреляли в него, и люди, постоянно толпившиеся около, далеко не всегда успевали отскочить. Кто-нибудь падал, сраженный пулей. Едва только немцы удалялись, убитого оттаскивали в сторону и контрабандная торговля возобновлялась с прежней интенсивностью. Позже немцы стали без разбору убивать жильцов в домах, стоявших поблизости от отверстий в стене гетто.

Громоздкие предметы — большие мешки, мебель, разобранные машины, фортепьяно — приходилось переносить через стену. Это было намного опаснее работы у отверстий и требовало четкой, слаженной работы большого числа людей. Из подворотен домов гетто и «арийской стороны» по сигналу постовых одновременно выбегали к стене навстречу друг другу польские и еврейские контрабандисты с лестницами и грузом. Каждый быстро занимал свое место и по окончании операции исчезал. Поскольку место работы хорошо просматривалось на большом расстоянии, все зависело от быстроты исполнения.

Одно время по территории гетто проходила трамвайная линия, соединявшая северную часть Варшавы с центром. В гетто вагоны, во избежание контактов между пассажирами и евреями, шли на макси-

мальной скорости под вооруженной охраной. Польские контрабандисты тем временем сбрасывали с трамвайных площадок своим еврейским сообщникам мешки с картошкой. Подкупленные польские полицейские обычно закрывали на это глаза, но немцы нередко стреляли из окон вагонов по евреям, подбирающим мешки.

Профессионалы-контрабандисты подбирались из бывших грузчиков и уголовных преступников, людей физически сильных и изобретательных, готовых ради хорошего заработка на любой риск. Объединившись в шайки, они свирепо расправлялись (пуская в ход сапожные ножи и пистолеты) с теми, кто пытался нарушить их интересы, — с шантажистами-шмальцовниками, конкурентами из других шаяк, с полицейскими, в случае, если те, получив деньги, уклонялись от выполнения взятых на себя обязательств. Такие контрабандисты имели в карманах большие деньги (по несколько миллионов, утверждал Пассенштейн). Свободное время они проводили в кутежах с женщинами и «арийскими» коллегами. Общественные вопросы их не интересовали, денег своих ни голодающим, ни детям они не жертвовали. Товар по большей части принадлежал не им, а польским и еврейским оптовикам, которые хорошо платили контрабандистам. Но в случае гибели товара объединения контрабандистов выплачивали клиентам возмещение.

Польские коллеги еврейских контрабандистов в моральном отношении стояли еще ниже. Столь же беззастенчивые, как и смелые, они сотнями проникали в гетто, чтобы на месте купить товар по самой низкой цене. Немало их было изловлено и убито немцами. Чтобы сбить цену на еврейский товар, польские перекупщики часто распространяли ложные слухи о близкой ликвидации гетто. «Все равно тебе конец. Продай куртку и купи себе что-нибудь поесть», — приставали они к какому-нибудь несчастному плацувкаржу. После уничтожения гетто и, следовательно, прекращения прибыльной торговли с ним польские контрабандисты по большей части занялись шантажом и выдачей евреев, скрывшихся на «арийской стороне».

Кроме «оптовой» контрабанды в гетто была весьма распространена контрабанда по мелочам. Ею занимались польские полицейские и служащие варшавского городского управления, немецкие жандармы и чиновники гестапо, посещавшие гетто по делам службы и проносившие продукты в портфелях и в карманах. Еврейские полицейские, пользуясь предоставленным им вначале правом покидать гетто, проносили ежедневно продукты на десятки тысяч злотых. Спустя несколько месяцев немецкие власти стали арестовывать еврейских полицейских на «арийской стороне».

Плацувкаржи, покидавшие гетто ежедневно в шесть часов утра, старались брать с собой как можно больше денег и тряпья, чтобы

приобрести на «арийской стороне» продукты питания. Деньги зашивали в пальто, закладывали в узлы галстуков и заплечных мешков, под каблуки. На тело, под одежду, наворачивали простыни, скатерти и полотенца, вместо шарфа или кашне на шею наматывали занавески, дамские чулки, платья. При возвращении рабочих жандармы обыскивали их, и если руководитель группы заранее не договаривался со стражей, плацувкаржам приходилось плохо. В лучшем случае жандарм разрешал пронести немного наименее ценных продуктов, забирая сало, мясо и деликатесы. Если на посту оказывались эсэсовцы, они не только отбирали все, но еще и избивали неудачливых контрабандистов до потери сознания. Иногда эсэовец спрашивал у еврея, сколько тот имеет при себе денег, и, обнаружив неточность, избивал или убивал его на месте.

Завзятыми контрабандистами были дети, зачастую четырех-пяти лет. Сотни их постоянно крутились у стен гетто, чтобы при первой возможности проскользнуть через ворота или дыру в стене на «арийскую сторону». Некоторые немцы смотрели на это сквозь пальцы, но другие стреляли по малышам или ловили их и жестоко били. Профессор Гиршфельд видел, как часовой задержал девочку у ворот. Пока немец снимал винтовку с плеча, ребенок, хватаясь за его сапоги, умолял о пощаде. «Ты не умрешь, но контрабандой заниматься больше не будешь», — засмеялся жандарм и выстрелил девочке в ножку...

Свои опасные рейсы дети совершали по несколько раз в день, возвращаясь с продуктами за подкладкой пальто или в небольших заплечных мешках. Часто они были главными кормильцами целых семей. Группами по 10—15 человек дети добирались до пригородных деревень. Принесенные оттуда продукты обычно продавались, чтобы купить что-нибудь похуже качеством, но побольше. «Арийское» население, в том числе и немцы, как правило, жалели детей, вырвавшихся из гетто. Им охотно подавали милостыню, предоставляли ночлег. Лишь некоторые ярые антисемиты помогали полиции ловить еврейских детей. Схваченных отвозили в тюрьму на улице Генсей. С января 1942 г. пойманных на «арийской стороне» детей стали расстреливать; летом 1942 г. маленьких узников тюрьмы на Генсей первыми отправили в газовые камеры.

Излюбленным занятием детей гетто был также шабер — растаскивание и продажа имущества погибших. Немцы, считая все еврейское имущество своей собственностью, наказывали за шабер, как за контрабанду.

Небезынтересно отметить, что гитлеровские вельможи — хотя бы тот же комиссар Ауэрсвальд — ежедневно вымогали у юденрата Варшавского гетто подарки в виде дорогой обуви, парадных мунди-

ров, шелкового белья, роскошной мебели, фарфора, хрусталя, различных яств, дорогих заграничных напитков, т.е. того, что могло появиться в блокированной зоне только контрабандным путем. Когда в апреле 1941 г. делегация из Варшавского гетто обратилась в управление варшавского губернатора с просьбой разрешить ввезти некоторое количество молока для детей, ей ответили, что евреи занимаются контрабандой и торгуют на черном рынке, а следовательно, имеют все необходимое.

Весь поток контрабандного груза — десятки автомашин и повозок, ежедневно доставлявшие сотни мешков, тысячи пакетов с продовольствием и сырьем, — покрывал лишь небольшую часть нормальных потребностей полумиллионного населения гетто. По подсчетам нелегальной прессы, половина Варшавского гетто буквально умирала от голода, 30% «просто голодали», 15% недоедали и только 5% жили в достатке, некоторые даже лучше, чем до войны. (Положения не спасали и продовольственные посылки, которые разрешалось получать жителям гетто. Такие посылки из провинции, где с продуктами было лучше, чем в Варшаве, а также из-за границы давали возможность избежать голода. В масштабах гетто и это было всего лишь каплей в море.)

Оптовая контрабанда, так же как и подпольная промышленность, строилась на капиталистических началах с неизбежными классовыми противоречиями и классовой борьбой, вспыхивавшей даже в исключительных условиях гетто. (По свидетельству экономиста Макса Винклера, проживавшего в гетто, объединение предпринимателей-щеточников в борьбе против рабочего союза обратилось за помощью к гестаповской агентуре.)

Среди тех, кто ворочал экономикой гетто, почти не было довоенных капиталистов, которые в большинстве своем не сумели приспособиться к новым условиям. Их имущество — фабрики и магазины — было захвачено немцами или растащено польскими компаньонами. В лучшем случае довоенные богачи сумели сберечь кое-какие драгоценности, которые теперь постепенно проедали. Варшавское гетто стало в связи с этим общепольским центром нелегальных валютных операций. Перекупщики — главным образом чиновники городского управления и польской полиции, имевшие доступ в гетто, — отлично использовали сложившуюся здесь конъюнктуру, когда люди, оказавшиеся в критическом положении, судорожно сбывали остатки своего имущества, когда каждый, кто собирался бежать из гетто, менял вещи на «твердые» (доллары в золоте), «мягкие» (бумажные доллары), «свиньи» (золотые рубли), без которых нечего было и думать тронуться с места. Черная биржа Варшавского гетто определяла курс доллара по всей стране.

На первые роли в гетто вышли новые люди, освоившиеся с чудовищной обстановкой и сумевшие извлечь из нее пользу. Готовые в любую минуту получить баснословный выигрыш или пулю в затылок, они ни перед чем не останавливались. Поскольку сам характер «дела» требовал постоянного и возможно более тесного контакта с немцами как получателями всевозможных поборов и взяток, некоторые акулы частного капитала стали сотрудничать с гестапо. Таковы были Кон и Геллер, захватившие в свои руки все транспортное дело внутри гетто и промышлявшие кроме того в широких масштабах контрабандой. Летом 1942 г. они оба были убиты их гестаповскими контрагентами, решившими, очевидно, что пришла пора наложить руку на немалые капиталы предпринимателей.

Верхний слой в вымирающем от голода гетто составили преуспевающие коммерсанты, контрабандисты, владельцы и совладельцы шопов, высшие чиновники юденрата, агенты гестапо. Они устраивали пышные свадьбы, одевали своих женщин в меха и дарили им бриллианты, для них работали рестораны с изысканными яствами и музыкой, для них ввозились тысячи литров водки. «До первых мест в нашем загаженном мирке дорвались гнусные паразиты», — записал в дневнике учитель Абрам Левин. На фоне общей нищеты и отчаяния его шокировали принадлежащие к этому узкому кругу женщины и девушки, их элегантные новые костюмы и накрашенные губы, завитые и обесцвеченные волосы. «Возникали рестораны и танцевальные площадки, — вспоминала Ноэми Шац-Вайнкрantz. — Серые стены гетто, голод, смерть на каждом шагу — и в подвалах роскошные увеселительные заведения. Вот «Лурс». Пышно блестят и сияют люстры и мрамор, серебро и хрусталь. Играли наши замечательные музыканты; артисты исполняли не только старые, но и новые номера. Они пели о гетто. Молоденькая певичка с голосом соловья пела так чудесно, как будто никакого гетто не существовало на свете, как будто никто и не знал о немцах. На подносах разносили пирожные и кофе или аппетитный розовый крем с засахаренными орехами». В феврале 1941 г. в «Мелоди-палас» состоялся конкурс на самые красивые женские ноги; в «Мерил-кафе» в конкурсе на лучший танец участвовало пятьдесят пар. Полиция отгоняла от дверей ресторанов нищих. Немцы снимали картины из жизни верхушки гетто на киноплёнку, чтобы демонстрировать потом на экранах роскошь, в которой живет еврейское население оккупированной Европы.

Зажиточные люди гетто обосновались на Сенной улице — широкой, застроенной современными домами с центральным отоплением. Эта улица, на которой не было видно нищих, по которой женщины,

как до войны, ходили в мехах и драгоценностях, казалась обитателям гетто островком покоя и достатка. Осенью 1940 г. жители этого района, чтобы избежать переселения, собрали для немецких властей четыре килограмма золота. Однако гитлеровцам надо было усилить блокаду гетто, и через год они провели границу, которая ранее шла по конькам крыш, посредине проезжей части улицы. Сенную присоединили к «арийской» части Варшавы, а 6000 проживавших на ней евреев переселили в переполненные дома внутренних кварталов гетто. С улиц, заселенных бедняками, туда было согнано еще 18 000 человек.

Беспомощное население гетто всячески обирали еврейская полиция и юденрат. Вечером, минут за 15–20 до девяти, когда пешеходное движение должно было прекратиться, полицейские часто переводили стрелку вперед и хватали прохожих, требуя выкупа. Сотрудники юденратовской «Газеты жидовской» упростили немцев запретить ввоз прессы с «арийской стороны», в результате чего населению пришлось переплачивать за варшавские и краковские газеты контрабандистам. В юденрате ухитрялись брать мзду даже с уличных нищих. Полицейские не стеснялись раскапывать могилы и вырывать у покойников золотые зубы.

С юденратом соперничала группа проходимцев, возглавляемых старым гитлеровским агентом и в то же время ярким сионистом Абрамом Ганцвайхом. Если юденрат был подчинен немецкому комиссару гетто Ауэрсвальду, то Ганцвайх сотрудничал непосредственно с гестапо. Борьба Ганцвайха с юденратом отражала, таким образом, соперничество между гестапо и немецкой гражданской администрацией.

Организовав и возглавив целую сеть якобы общественных организаций (которые не следует смешивать с подлинными организациями общественной взаимопомощи, такими, как «Еврейское товарищество общественной опеки» — ЖТОС или «Центральное правление товариществ общественной опеки» — ЦЕНТОС), Ганцвайх хотел привлечь в них все более или менее активные и влиятельные силы гетто, чтобы поставить их под контроль и на службу нацистам. Среди лжеорганизаций Ганцвайха были «Комитет по борьбе с ростовщицеством и спекуляцией», собиравший взятки с ростовщиков и спекулянтов, «Еврейская скорая помощь», работники которой с красной шестиконечной «звездой Давида» на рукаве и в шапках с голубым околышем обходили дома и вымогали деньги под угрозы доноса о якобы вспыхнувшей эпидемии, «Комитет по контролю мер и весов». «Союз еврейских инвалидов войны 1939 года», «Экономическая взаимопомощь», «Сектор верующих евреев», один из руководителей которого, известный проходимец Глинценштайн, именовал-

ся «раввином», хотя раньше никогда таковым не был, «Секция охраны труда», «Отдел по борьбе с преступностью и нищенством среди молодежи», «Покровительство писателям и художникам», «Антисоветская лига» и другие — на все вкусы и склонности. В просторечии все ведомство Ганцвайха называли «Тринадцать» по номеру дома на улице Лешно, где была его штаб-квартира.

«Тринадцать» заявили о намерении искоренить контрабанду, что на практике свелось к взиманию с контрабандистов еще одного побора. Ганцвайх яростно обличал юденрат как разложившееся учреждение, сборище капиталистических акул, равнодушных к судьбе народных масс. Немало честных людей, в том числе выдающийся педагог и писатель Януш Корчак, первое время принимали демагогию Ганцвайха за чистую монету и сотрудничали с ним. (Подчас «Тринадцать» действительно оказывали материальную помощь тому или иному нуждающемуся человеку, раздавали голодным хлеб и кофе. Сам Ганцвайх несколько раз добивался освобождения людей, арестованных немцами, используя связи с гестапо и непомерно рекламируя потом свои благодеяния. Ему удалось добиться задержания нескольких поляков и фольксдойчей, промышлявших в гетто грабежами.)

Прекрасный оратор, владевший идишем, ивритом, немецким и польским языками, Ганцвайх говорил на собраниях широкой общественности, что победа гитлеровского «нового порядка» в Европе — свершившийся исторический факт, с которым необходимо считаться. По окончании войны, утверждал он, евреи будут вывезены за пределы Европы и получат широкую автономию. Ганцвайх подчеркивал положительные для евреев стороны в создании гетто: здесь они наконец избавились от угрозы растворения в других народах, получили самоуправление и возможность развивать без чуждых влияний еврейскую культуру. Ганцвайх восторгался тем, что в гетто евреи могут занимать должности, которые раньше были для них недоступны, — служить в полиции, работать на почте и на городском транспорте. (Аналогичных взглядов придерживался и сионист Индельман. Он тоже считал гитлеровские планы решения «еврейского вопроса» единственно правильными, а Гитлера — орудием провидения, бичом Божьим, призванным наказать еврейский народ за упорное нежелание покинуть чуждую ему среду.)

С течением времени и о связях «Тринадцати» с гестапо, и о том, что Ганцвайх слал туда отчеты и доносы, стало широко известно в гетто. Все, например, знали, что в апреле 1942 г. по доносу Ганцвайха немцами был задержан председатель юденрата Адам Черняков, вернувшийся потом домой избитым в кровь. Общественные деятели стали избегать Ганцвайха; некоторые в ответ на его пригла-

шения предъявляли фальшивую справку о болезни. Левые круги гетто клеймили Ганцвайха и «Тринадцать» как гитлеровскую агентуру.

Другая шайка гестаповских агентов во главе с Кономи Геллером добилась роспуска «Тринадцати» немецкими властями. Около двухсот человек из числа сотрудников «Тринадцати» перешло после этого в еврейскую полицию. В ночь на 24 мая 1942 г. немцы перестреляли всех тех из группы Ганцвайха, кого смогли обнаружить. Самому Ганцвайху с несколькими помощниками удалось скрыться.

Пребывание в гетто деморализовало молодежь. Дети, вынужденные с самого раннего возраста зарабатывать на жизнь и зачастую кормить всю семью, теряли уважение к взрослым. Появилось множество беспризорных. Школы не работали. На каждом шагу дети видели поругание самых основ морали. Законность стала фикцией. Авторитет приобретал тот, кто силой или хитростью, хотя бы и за счет других, обеспечивал себе сносное существование. Молодежь увлекалась картами, спивалась. Появились детские банды, которые издевались над слабыми, преследовали девушек, воевали друг с другом.

Общественному распаду и распаду личности в гетто могло противодействовать только сопротивление.

У ИСТОКОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Нас разъединяет мировоззрение, разъединяет прошлое. В будущем мы будем, если доживем, бороться за свои идеалы друг против друга. Но сегодня нас все объединяет, нас объединяет общая судьба — подстерегающая нас массовая смерть, нас объединяет одна и та же цель — борьба, сопротивление.

Из выступления Юзефа Левартовского на первом заседании
Антифашистского блока в марте 1942 г.

Хотя в Варшавском гетто господствовали резко антигитлеровские настроения, об активном сопротивлении поначалу думали только немногие члены ушедших в подполье политических партий и организаций. Гнетущее впечатление на людей производили вести о все новых победах германских войск. В том, что немцы в конечном счете потерпят поражение, не сомневался почти никто, но перспектива провести в гетто еще многие месяцы, а может быть, и годы казалась жуткой. О планах гитлеровцев в отношении евреев не знали, говорили, что в случае победы немцев вымрет четвертая часть евреев, а если одолеют англичане, погибнет три четверти, так как война затянется.

Своеобразной формой пассивного сопротивления в это время стало создание Эмануэлем Рингельблумом, членом партии Поале-Сион Левица, подпольного архива Варшавского гетто. Известный ученый, много занимавшийся экономической и социальной историей польских евреев, один из основателей ряда научных институтов, ученых обществ и журналов, Рингельблум обладал огромным личным мужеством и чувством гражданского долга. Он отказался от предложения Делегатуры польского правительства в эмиграции устроить ему побег из Польши. В гетто Рингельблум требовал, чтобы юденрат протестовал против немецких мероприятий.

Рингельблум хотел, чтобы о событиях в гетто, казалось бы невероятных в двадцатом веке, рано или поздно стало известно всему миру. Сразу же после создания замкнутого гетто он, возглавив

целый коллектив научных работников и просто сочувствующих, организовал настоящий секретный научный институт под безобидным религиозным названием «Онег-шаббат» (Общество проведения субботнего отдыха). 22 ноября 1940 г. Рингельблум утвердил рабочий план института. Главная задача состояла в сборе документов. Собирались комплекты оккупационных и подпольных газет, плакатов и объявлений, хроники, мемуары и дневники, написанные в гетто, фотографии, даже такие предметы, как фуражки и нарукавные повязки еврейской полиции. К работе были привлечены люди из всех слоев общества, всех политических направлений, кроме, разумеется, прямых агентов гестапо. Каждому объясняли важность задуманного, говорили о его личной ответственности за точность переданных в подпольный архив сведений. Осторожности ради авторы большей части передаваемых в архив материалов не оставляли своих имен, и лишь немногие знали о местонахождении архива.

Сотрудники архива старались осветить жизнь гетто со всех сторон, собирали материал о работе на немецких плацувках, о юденрате, о политической жизни, о голоде, о моральном состоянии общества, о пессимизме и о юморе, о культуре гетто и о его внешнем облике, о нищих. Вечерами, к концу трудового дня, Рингельблум сортировал и уточнял собранное.

Подпольный архив уделял большое внимание судьбе детей и разработал детальную программу соответствующих исследований. Сотрудники архива распространяли среди детей анкеты, собирали детские дневники и воспоминания, записывали их рассказы, побуждали детей писать сочинения о жизни в гетто, собирали также сообщения взрослых, касающиеся детей. Наиболее интересные работы о детях написали учитель Конинский и литератор Опочинский. Оба они были впоследствии убиты гитлеровцами.

Опочинский представил также репортаж «Еврейский письмоносец», получивший премию на конкурсе, организованном подпольным архивом. М.Пассенштейн, бывший адвокат, работавший теперь в полиции, написал для архива исследование о контрабанде. Винклер, служащий статистического отдела юденрата, писал статьи об экономике гетто. Сам Рингельблум наряду с регулярным ведением хроники событий принял за большой труд «Польско-еврейские отношения во время второй мировой войны», задуманный как часть целой серии работ, посвященных экономической, общественной и культурной жизни евреев в оккупированной Польше. Доктор Леман собирал фольклор, возникший во время войны. (Леман умер в начале 1942 г., и все его материалы пропали.) Менахем Линдер, изучавший материальное положение жителей гетто и смертность в их среде, приступил вместе с Винклером по предложению Рингель-

блюда к обобщающей работе «Два с половиной года в Варшаве», которая осталась незавершенной ввиду гибели обоих авторов. (Линдер был схвачен в ночь на 18 апреля 1942 г. — вероятно, в гестапо узнали о его деятельности. С простреленной головой ученый был выброшен на мостовую, где и скончался.)

С начала 1942 г. работники архива Герш Вассер и Элиа Гутковский стали издавать еженедельный бюллетень, в котором раскрывали читателям истребительные планы гитлеровцев. Гутковский, секретарь архива, написал в середине июня 1942 г. общий отчет о положении в гетто под заглавием «Кровавый итог».

Подпольный архив снабжал информацией антифашистскую печать, обслуживал организации Сопротивления, по поручению которых Рингельблум в течение 1942 г. подготовил для отправки по секретным каналам за границу ряд меморандумов о немецких лагерях смерти и об общем положении евреев под властью Гитлера.

Поскольку оккупанты запретили почти всякое проявление жизнедеятельности в гетто, многое из того, чем занималось его население, объективно носило характер сопротивления предписаниям властей. Контрабандная торговля, нелегальная промышленность — все это существовало вопреки воле оккупантов и невзирая на террор. Врачи и медсестры скрывали от немецких властей случаи заболевания тифом, хотя это нарушение грозило им отправкой в Освенцим. Проявлением сопротивления политике нацистов было широко распространенное в Варшавском гетто (как и по всей Польше) тайное обучение. Выдающиеся педагоги, ученые, литераторы давали молодежи запрещенное гитлеровцами образование — среднее и высшее, университетское и политическое. Тайно издавались учебники. Впоследствии вокруг подпольных гимназий и курсов формировались первые дружины антифашистов.

Осуществлению истребительных замыслов нацизма препятствовали и такие легальные учреждения, как госпитали, народные кухни, детские дома, пункты для беженцев. Среди активистов общественных организаций, ведавших этими учреждениями (ЖТОС, ЦЕНТОС, Общество охраны здоровья и др.), были Юзеф Гитлер-Барский, Фельдвурм, Алеф, Рабинович, Берман. Все они сочетали легальную деятельность с подпольной работой. В помещениях ЦЕНТОС, например, встречались партийные деятели, устанавливали через работников ЦЕНТОС нужные контакты, получали легальные документы, а позже в помещениях ЦЕНТОС расположился отряд Боевой организации.

Было бы неверно считать всякую запрещенную немцами деятельность сознательным сопротивлением. Многие руководствовались в первую очередь низменными, узкокорыстными побуждениями. И

если официальные органы, поставленные во главе гетто немецкими властями, — юденрат и еврейская полиция — противодействовали экономической блокаде гетто, то они же усердно помогали гитлеровцам искоренять всякое проявление общественной активности масс, бесстыдно обирали население, а впоследствии принимали участие в отправке людей в лагерь смерти.

Юденрат, например, преследовал попытки создать в домах комитеты взаимопомощи. Такие комитеты, создаваемые жильцами на добровольных началах, помогали беднякам и больным, организовывали, насколько это было в их силах, дешевое общественное питание, вели просветительскую работу, боролись с произволом юденратовских чиновников. Когда немецкая инспекция устраивала неожиданные проверки домов, в которых, как им казалось, есть случаи тифа, домовые комитеты, всегда бдительные, принимали своевременные меры: запирали помещение, где находился больной, а иногда даже поднимали больного и усаживали за стол вместе со здоровыми членами семьи. Чаще всего, впрочем, от инспекции отделялись обыкновенной взяткой. Юденрат конфисковывал деньги особенно активных домовых комитетов, арестовывал руководителей, не останавливался даже перед разрушением жилищ.

Общественность гетто решительно осуждала деятельность юденрата, но вместе с тем старалась влиять на юденратовских чиновников, чтобы заставить их хоть что-то делать для населения. Легальные общественные организации благотворительного толка вроде ЦЕНТОС старались добиться через юденрат финансовой или иной поддержки. В подполье шли дискуссии насчет допустимости членства в юденрате. Некоторые считали, что оно поможет в какой-то степени защитить интересы народных масс, и ссылались при этом на участие социалистов в органах городского самоуправления довоенной Польши. Другие резонно возражали: люди, работающие в юденрате, не только попадают в атмосферу царящего там морального разложения, но и обязаны по долгу службы сотрудничать с гестапо и другими немецкими организациями, выдавать, например, уклоняющихся от отправки на принудительные работы. Подобные дискуссии проходили и в провинциальных гетто. В Петрокове члены юденрата создали подпольную антифашистскую организацию. В июле 1941 г. их арестовало гестапо. Лишь одному из них — Исааку Самсоновичу — удалось спастись от гибели и добраться до Варшавы.

Вести о начале советско-германской войны ободрили жителей гетто. В скорой победе советского оружия не сомневались, немецким сводкам с фронта не верили. Популярны стали русские песни, их исполняли уличные музыканты. Бурное ликование вызвало осенью

1941 г. известие о взятии Красной Армией Ростова. По этому случаю вспомнили, что «Рош-Тов» по-древнееврейски означает «доброе начало». Рассказывали анекдоты: в Польше немцы ведут войну тотальную, во Франции — моментальную, в Англии — «ратальную» (в рассрочку), в России — фатальную. Отмечая, что Гитлер начал войну с Россией в тот же день, что и Наполеон (на самом деле — на день раньше), остряли: Наполеон надел на случай ранения красную рубашку, а Гитлер — коричневые кальсоны.

Активизировались нелегальные организации, выросло число подпольных газет и журналов. (Всего их издавалось в Варшавском гетто в разное время до полусотни названий.) Погибший впоследствии в Освенциме Ицхак Кацнельсон написал ряд патриотических произведений, одно из которых — пьеса «Иов» — было тут же издано организацией «Дрор», другие же опубликованы вскоре после войны. Тиражом в несколько сот экземпляров вышла антология «Страдания и героизм в истории еврейского народа», составленная уже упоминавшимся сотрудником подпольного архива и преподавателем тайного высшего учебного заведения организации «Дрор» Элиа Гутковским. Издали также сборник статей о государстве, посвященный памяти еврейского националистического деятеля Жаботинского. На книгах — для конспирации — стоял год издания — 1938.

Коммунисты поставили на повестку дня вопрос о вооруженной борьбе. Они полагали, что Красная Армия в ближайшем будущем нанесет решительное поражение немцам, и хотели помочь ей ударом по врагу с тыла. Однако оружия своевременно достать не удалось, а поскольку фронт оставался далеко на востоке, подготовка к вооруженному выступлению прекратилась. К тому же силы коммунистов были раздроблены между целым рядом независимых общепольских организаций — «Серп и молот», «Общество друзей СССР», «Рабоче-крестьянская боевая организация», «Спартак», «Союз освободительной борьбы». В группе «Общества друзей СССР» в гетто было, например, всего пять членов. Они собирались в химико-фармацевтической лаборатории Гендлера (он там изготавливал взрывчатку для своих друзей-подпольщиков с «арийской стороны»), читали нелегальную прессу, обсуждали формы подпольной работы.

Как-то в конце января или начале февраля 1942 г. к Юзефу Гитлеру-Барскому, состоявшему в «Обществе друзей СССР» и официально занимавшему пост генерального секретаря ЦЕНТОС, вошел, спотыкаясь, человек и с улыбкой спросил хозяина, узнает ли он его. Это был старый деятель коммунистического движения в Польше Юзеф Левартовский, проникший в гетто под именем Финкельштейна. Он сообщил Гитлеру-Барскому о возникновении Польской рабочей партии — ППР и о том, что он, Левартовский, упол-

номочен ЦК ППР создать партийную организацию в Варшавском гетто. В гетто пробрались и другие ветераны коммунистического движения — Пинкус Картин («Анджей Шмидт»), заброшенный в Польшу вместе с Марцелием Новотко, Павлом Финдером и другими членами «Инициативной группы», Самуэль Меретик — «Циммерман», взявший на себя организацию печатания и распространения в гетто партийной прессы. Среди тех, кто осуществлял связь между ячейками ППР в гетто и на «арийской стороне», выделялся поляк Ладислав Бучиньский («Казик Денбяк»), в свое время один из руководителей молодежной организации «Спартак» и организатор первых вооруженных выступлений против оккупации в Польше. Он погиб геройской смертью в бою летом 1943 г.

10 марта 1942 г. газета «Морген Фрайхайт» («Завтра свобода»), издававшаяся организацией «Молот и серп», «Обществом друзей СССР» и «Рабоче-крестьянской боевой организацией», объявила о вступлении своих сторонников в ППР. Вступила в ППР и группа, входившая ранее в организацию Польских социалистов в гетто. К лету 1942 г. ППР насчитывала в Варшавском гетто около 500 членов. Партия издавала в гетто газеты и журналы: «Цум кампф» («К борьбе») — политический орган, «Хамер» («Молот»), посвященный вопросам теории, «Функ» («Искра») — газета для молодежи, «Эйникайт» («Единство») — орган борьбы за единый фронт антифашистов.

С ППР стали сближаться левые сионистские (т.е. ставящие своей целью создать в будущем самостоятельное еврейское государство в Палестине) организации социалистического толка: Поале-Сион Левица, Поале-Сион Правица, Хашомер-Хацаир, Гехалуц-Дрор, возглавляемые Мордехаем Анелевичем, Мордехаем Тененбаумом — «Тамаровым», Ицхаком Цукерманом, Цивией Любеткин, Адольфом Берманом и другими. Левартовский быстро завоевал в их среде любовь и доверие. Все они призывали к дружбе с Советским Союзом и к помощи Красной Армии, а Хашомер-Хацаир и Поале-Сион Левица признавали марксизм основой своей идеологии и мечтали о создании в Палестине советской республики. Рассеянные в разных городах Польши ячейки Хашомер-Хацаир поддерживали связь с молодежной организацией польских харцеров (скаутов) «Серые шеренги». Связь между ячейками разных городов поддерживали разъездные инструкторы — евреи и поляки.

К середине 1942 г. в Варшавской организации Хашомер-Хацаир состояло около 800 человек. Жили шомры и халуцы (так себя называли молодые члены Хашомер-Хацаир и Дрор) в коммунах — «кибуцах», складывая заработки в общий котел.

В начале весны 1942 г. стало известно, что в провинциальных городах Польши гитлеровцы приступили к поголовному истреблению евреев. Наиболее активные участники антифашистского подполья не могли сидеть сложа руки и ждать, когда очередь дойдет до Варшавы. Они полагали, что даже если гитлеровцы ограничатся отправкой населения гетто в концлагеря, то и в этом случае, как показал опыт, три четверти вымрет от истощения и болезней. Уж лучше погибнуть в борьбе! Сторонников активных действий пытались переубедить более умеренные. Они говорили, что оккупация пошатнула моральные основы еврейского общества, что богачи и контрабандисты, чьи карманы лопаются от денег в то время, как улицы завалены трупами умерших с голоду, не будут сражаться с врагом, что еврейская полиция и агенты гестапо следят за каждым шагом жителей гетто, что наиболее авторитетные лидеры движения находятся в эмиграции, широкие же массы бедноты впали в отчаяние и апатию. К тому же нет оружия, если не считать нескольких револьверов. Можно ли с ломом, топором, ножом идти против вооруженных до зубов гитлеровцев?

Поскольку организации, ориентировавшиеся на Делегатуру и Армию Крайову, упорно призывали к терпению, сопротивлению моральному, жаждавшая действий молодежь стала искать политических руководителей в ППР. «Почему мы сблизилась с коммунистами? — писал год спустя Мордехай Тененбаум — «Тамаров». — Официальные круги, связанные с польским правительством, видели главное направление своей деятельности в пропаганде, учебе и в гражданской борьбе, особенно в экономической сфере. В каждом активном проявлении беспощадной борьбы с оккупационными властями они усматривали провокацию... Время еще не пришло, нужно ждать! Но мы не могли ждать... Поэтому мы искали другого союзника и нашли его в ППР. Каждый акт диверсии и саботажа являлся помощью для Красной Армии — поэтому надо этим и заниматься, не ждть, братья за оружие».

Социал-демократичекий Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») — одна из старейших и наиболее организованных партий в довоенной Польше — оживил свою деятельность с мая 1940 г. Бундовская молодежная секция Цукунфт насчитывала в Варшавском гетто около 200 членов. Бундовцы создали боевые группы (выступившие в 1940 г., еще до возникновения гетто, против погромщиков-антисемитов) и успешно действующую разведывательную службу. Пользуясь помощью польских подпольщиков-социалистов, руководство Бунда наладило связь с местными организациями своей партии в Кракове, Люблине, Домбровском бассейне и в других регионах. Печатный орган Бунда на польском

языке «За нашу и вашу свободу» распространялся с помощью польских социалистов в Варшаве и в десятках провинциальных городов. От сотрудничества с коммунистами бундовцы долгое время отказывались, сильны в Бунде были и антисоветские настроения. На конференции представителей рабочих партий в конце марта 1942 г., посвященной созданию единых вооруженных сил, представители Бунда Маурици Ожех и Абрам Блюм заявили, что их партия руководствуется решениями общепольских и международных организаций ППС и Второго Интернационала и не может связывать себе руки вхождением в какие-то блоки. Кроме того, Бунд не желает раскрывать перед членами других партий и организаций свои военные секреты, структуру и задачи своих вооруженных сил. Бунд не войдет в какую бы то ни было общую боевую организацию.

В единый Антифашистский блок (АБ), созданный в марте 1942 г., вошли Хашомер-Хацаир, Дрор и обе фракции Поале-Сион. Газеты блока «Дер Руф» («Призыв») стали издавать Юзеф Левартовский от ППР, Шахно Саган от Поале-Сион Левицы и Мордехай Тененбаум от Дрор. Не ограничиваясь чисто еврейскими лозунгами, редколлегия провозгласила своей целью организацию борьбы за независимость Польши.

Еврейские антифашисты, сотрудничавшие с общепольской подпольной организацией КОП (Командование защитников Польши), организовали в 1942 г. бегство из тюрьмы «Павяк» командующего КОП Боруцкого, нескольких польских патриотов и пленных советских офицеров. Надо сказать, что антифашисты Варшавского гетто вообще старались оказывать полякам посильную помощь: собирали деньги, типографское и прочее оборудование для подполья, посылали туда опытных людей на организационную работу.

Антифашистский блок установил контакты с гетто других городов. Связистка АБ Рыся Грынгруз посещала гетто Кракова, Ченстохова и Бендзина; связь с гетто Белостока, Вильнюса, Каунаса и Шауляя поддерживали от имени блока польские харцеры Генрик Грабовский, Ядвига Дудзец, Ирена Адамович и Вальтер.

Анджей Шмидт, Анелевич, Тененбаум, Густав Алеф создали в гетто боевую организацию Антифашистского блока, насчитывавшую к маю 1942 г. более 500 человек. Группы-пятерки боевиков обучались стрельбе, подрывному делу, санитарной службе, слушали лекции о Леккерте, Ботвине и других героях боевых акций — евреях в революционном прошлом Польши.

Большой проблемой было отсутствие оружия и недостаток людей, прошедших военную службу. Те немногие в гетто, кто получил военное образование, в свое время устроились на службу в полицию, и рассчитывать на них было нечего. Единственным преподавателем

военного дела стал ветеран испанской войны Картин — «Шмидт». Его ученики возглавили боевые группы, руководили вооруженным восстанием. (Сам он не дожил до этого момента.)

Во всех гетто, где появились боевые организации, в том числе и в Варшавском, шли споры о методах вооруженной борьбы. Коммунисты требовали немедленно уходить в леса, где можно наносить врагу максимальный урон при минимальных собственных потерях, устраивать диверсии и вести партизанскую войну. Сионисты полагали, что предстоящая борьба примет характер чисто еврейского изолированного восстания, поскольку помощь со стороны других народов считали нереальной. Главную задачу боевой организации они видели в защите населения гетто, как бы тяжелы здесь ни были условия боя.

Антифашистскому блоку не удалось стать массовой организацией. Население гетто, вырванное из привычных условий жизни, с большим трудом осваивало первичные, самые примитивные формы борьбы. Наиболее энергичные среди бедноты искали заработка в шопях, в мелкой торговле и промышляли контрабандой, остальные были пассивны, исчерпывали энергию в уличных скандалах, в крайнем случае находили решимость вырваться из рук еврейской полиции во время отправки на принудительные работы.

При оторванности от внешнего мира и отсутствии регулярной информации настроения масс колебались от необоснованного оптимизма до крайнего уныния. То ждали близкого конца войны и революции в Италии и Германии, где население якобы открыто возмущается расправой над евреями, то утверждали, что народы мира равнодушны к их судьбе. Оптимистические ожидания в целом преобладали, и поскольку только чудо могло спасти евреев, они страстно ожидали чуда. Многие верующие усматривали в окружающих их ужасах верный признак приближения Страшного суда и появления мессии. Повсеместно занимались всевозможными кабалистическими выкладками. Одни говорили, что евреи избавятся от всех бед ровно через девять месяцев после начала войны, ибо их страдания являются родовыми муками перед началом новой жизни, другие обосновывали свои пророчества более сложными подсчетами и ссылались на священные книги. Второго пришествия ждали чуть ли не с субботы на субботу, каждый раз объясняя отсрочку ошибками в подсчетах.

Гетто наполнилось самыми невероятными слухами. В начале 1940 г. несколько раз волнами разносилась весть о том, что Советский Союз предъявил Германии ультиматум, что сражения идут уже недалеко от Варшавы, что в войну против Гитлера вступила Италия. Весной

и летом 1940 г. утверждали, что отступление англо-французов — ловушка, весьма искусный маневр, гибельный для немцев.

16 мая 1941 г. около полудня по гетто с молниеносной быстротой разнесся слух о смерти Геринга. (Рингельблум полагал, что все началось с сообщения о смерти какого-то пастора, то ли Герлинга, то ли Гертлича.) С каждой минутой новость обрастала все более фантастическими, причудливыми подробностями. Уже говорили, что Геринг бежал и получил смертельное ранение после партсъезда, на котором якобы выявились острые разногласия в гитлеровской верхушке. Многие «замечали», что немцы выглядят подавленными, кто-то слышал разговоры о перемирии на фронтах. Люди вздохнули свободнее, уже устраивались импровизированные банкеты, некоторые даже собрались покинуть гетто, уверенные, что теперь никто не осмелится их задержать. Горькое отрезвление, впрочем, не помешало через несколько дней возродиться надеждам — теперь в связи с полетом Гесса в Англию. Снова в гетто заговорили о разногласиях в верхах третьего рейха, об убийстве Геринга и т.п.

Много раз праздновали варшавские евреи смерть Гитлера. Поголовное убеждение, что власть фашистских безумцев не может быть длительной, порождало стремление как-то «пережить» гитлеровцев, не более. Даже среди общественного актива преобладало мнение, что прямая борьба с нацистами бесперспективна и что задача состоит в культурной работе и организации взаимопомощи до момента освобождения.

О том, как неимоверно трудно было организовать в условиях гетто активное сопротивление, убедительно писал Михаил Борвич. Он отмечал, что многие жители гетто не знали условий местности, в которую были переброшены внезапно и насильственно, что были нарушены столь важные на первых порах для всякой конспиративной деятельности контакты людей, знавших друг друга и доверявших друг другу. Крайне трудно было найти в гетто необходимые для подпольной работы свободные помещения, все было до отказа набито жильцами, чуждыми друг другу по культурному уровню и общественным интересам, не связанными ни родственными, ни профессиональными узами. «Исходным пунктом каждого плана, — пишет Борвич, — каждой концепции является определение составных факторов, диагноз ситуации и возможность предвидения. В обычных условиях такая оценка опирается на постоянную регулярную повторяемость определенных явлений. Война эту регулярность нарушила. Ход жизни, соотношение сил, взаимозависимость людей, их роль, положение, права и обязанности, ресурсы и запасы — все это непрерывно менялось. Тем не менее в нееврейском секторе и в этой постоянной неустойчивости с течением времени установилась опре-

деленная типичность, дающая хотя бы точку опоры для предвидения. Напротив, в условиях жизни гетто правил не было абсолютно никаких. Правовые предпосылки сводились к одной-единственной: евреи изъяты из сферы действия какого бы то ни было права. Согласно этому все постоянно перевертывалось вверх ногами: то меняли распоряжения, касающиеся районов обитания, то корректировали и урезали уже существующую территорию гетто. Каждая перемена такого рода влекла за собой немедленно принудительные и внезапные переселения и перетасовки. Евреев переселяли то из деревни в город, то наоборот (так у М.Борвича. — В. А.), размещали то семьями, то по месту и роду работы. То делали вид, что имеет силу одна справка, то другая. Контрибуцию взымали то в деньгах, то мехами, то иными вещами. Один день был не похож на другой, никак не было времени оглядеться, прийти в себя. Планы и начатая работа уже через несколько дней оказывались бесполезными ввиду полной перемены ситуации».

Гестапо присматривалось к оживлению подпольной деятельности в Варшавском гетто. Весной—летом 1942 г. по гетто прокатилась волна арестов и убийств по заранее подготовленным нацистами спискам. В ночь на 18 апреля были убиты 52 человека, принимавших то или иное участие в выпуске нелегальной прессы, а также ряд контрабандистов, работников подпольных пекарен и даже ставших по тем или иным причинам ненужными еврейских гестаповцев. Их трупы были выброшены на улицу. В мае немецкие органы безопасности уничтожили в Варшавском гетто еще 189 человек. На крышах и в подворотнях караулили переодетые под евреев немецкие жандармы. Немало людей арестовала и выдала немцам еврейская полиция. При попытке вынести из гетто типографское оборудование в руки нацистов попали Пинкус Картин и Самуэль Меретик. (Их выдал провокатор, бывший белогвардеец Киселев, назвавшийся представителем ППР с «арийской стороны». Перед казнью арестованные сумели предостеречь товарищей, и Киселев вскоре был застрелен у себя на квартире боевиками Гвардии Людовой.) 3 июля было объявлено о расстреле еще 110 евреев, в том числе десяти полицейских (как утверждалось в плакатах, — из-за вооруженной схватки между еврейскими рабочими и польской полицией на Восточном вокзале).

Репрессии, прокатившиеся и по гетто других городов Генерал-губернаторства, вызвали замешательство в подпольных организациях, в том числе и в Антифашистском блоке. В подполье стали говорить о предательстве, о недостаточной конспирации. Антифашистский блок резко снизил активность как раз тогда, когда Варшавское гетто вступило в самый тяжелый период своей короткой истории.

Стена, окружавшая гетто

Эмануэль РИНГЕЛЬБЛУМ

Зофья КОССАК

Януш КОРЧАК

Надпись у ворот гетто:
Район проживания евреев. Вход воспрещен

Дети в гетто

Мордехай АНЕЛЕВИЧ

ROZPORZĄDZENIE

Dotyczy: oznak dla żydów w obwodzie warszawskim.

Zarządzam, aby wszyscy żydzi zamieszkali w obwodzie warszawskim, nosili widoczne oznaki w czasie przebywania poza własnym mieszkaniem. Zarządzenie to obowiązuje z dn. 1.12.1939 r. i dotyczy wszystkich żydów w wieku ponad lat 12. Temu zarządzeniu podlegają również żydzi przejściowo przebywający w obwodzie warszawskim na czas ich pobytu.

W myśl tego zarządzenia uważa się za żyda tego:

1. który należał lub należy do gminy wyznania mojżeszowego,
2. którego ojciec lub matka należał lub należeli do gminy wyznania mojżeszowego.

Jako oznake należy nosić na prawym ramieniu ubrania opaskę, przedstawiającą niebieską gwiazdę syjoniską na białym tle. Białe tło musi być tak duże, aby przeciętne końce gwiazdy oddalone były od siebie przynajmniej o 8 cm. Szerokość ramienia gwiazdy ma wynosić 1 cm.

Żydzi, którzy tego zarządzenia nie spełnią będą surowo karani.

Za wykonanie tego zarządzenia, zwłaszcza za zaopatrzenie żydów w oznaki, odpowiedzialna jest Rada Starszych gminy żydowskiej.

Wykonanie na terenie miasta Warszawy należy do Prezydenta miasta, a w powiatach wiejskich do naczelników powiatów.

Szczegółowo warszawskiego
(-) Dr. FISCHER
Gubernator

Распоряжение губернатора Варшавы Л.Фишера:

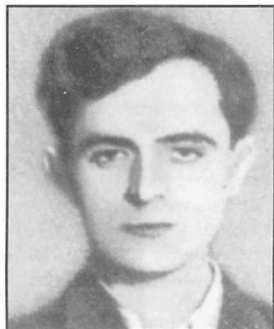
Все евреи, проживающие в варшавском регионе, находясь за пределами своего жилья, должны носить ясно видимые отличительные знаки... Это распоряжение вступает в силу с 1.12.1939 и относится ко всем евреям старше 12 лет...

В качестве знака надлежит носить на правой руке повязку с голубой шестиконечной звездой на белом фоне. Размер белого фона должен быть достаточен, чтобы расстояние между противоположными концами звезды было не менее 8 см. Лучи звезды должны иметь ширину 1 см.

Евреи, не выполнившие это распоряжение, будут сурово наказаны...

Юзеф ЛЕВАРТОВСКИЙ

Мордехай ТЕНЕНБАУМ

Пинкус КАРТИН

Жизнь в гетто

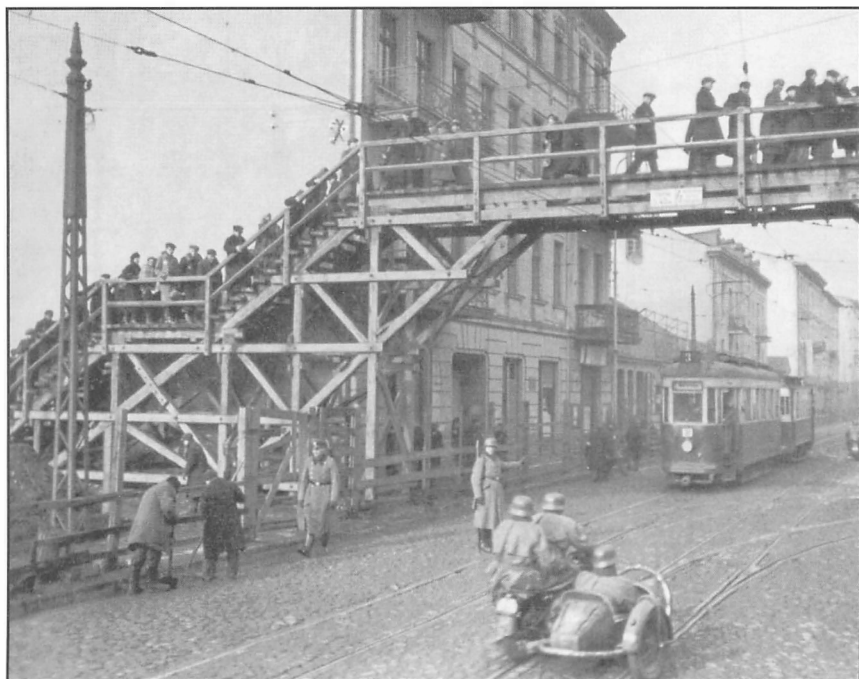
Жители гетто

Подпольная религиозная служба

Самуэль МЕРЕТИК

Мост, связывающий «большое» и «малое» гетто

Эдвард ФОНДАМИНСКИЙ

Еврейская полиция проверяет документы

Строительство стены, отделяющей гетто на улице Свентокшской

Похороны

Люба ФОНДАМИНЬСКАЯ

Барахолка

Смерть на улице

Ицхак ЦУКЕРМАН

Обвешczenie

Dolęczy: kary śmierci za nieuprawnione opuszczenie żydowskich dzielnic mieszkaniowych.

W ostatnim czasie rozprzestrzenili żydzi, którzy opuścili wyznaczone im dzielnice mieszkaniowe, w licznych udowodnionych przypadkach tyfus plamisty. Aby zapobiec groźnemu w ten sposób niebezpieczeństwu dla ludności, rozprzeczł Generalny Gubernator, że żyd, który w przyszłości opuści nieuprawniony wyznaczoną mu dzielnicę mieszkaniową, będzie karany śmiercią.

Tej samej karę podlega ten, kto takim żydom udzielił świadomie schronienia lub im w inny sposób pomaga (np. przez udostępnienie noclegu, utrzymania, przez zabranie na pojazdy wszelkiego rodzaju itp.).

Osądzenie nastąpi przez Sąd Specjalny w Warszawie.

Zwracam całą ludność Okręgu Warszawskiego wyrażnie uwagę na to nowe postanowienie ustawowe, ponieważ odłąd będzie stosowana bezlitosna surowość.

Warszawa, dnia 10 listopada 1941.

(-) **Dr FISCHER**
Gubernator

Распоряжение губернатора Варшавы Л. Фишера, расклеивавшееся по городу:

В последнее время евреи, покинувшие кварталы, назначенные им для жительства, во многих доказанных случаях стали разносчиками брюшного тифа. Чтобы предотвратить опасность, грозящую вследствие этого населению, генерал-губернатор распорядился, что отныне еврей, который незаконно покинет квартал, назначенный ему для жительства, будет караться смертью.

Такому же наказанию подлежат лица, сознательно предоставляющие убежище таким евреям или помогающие им иным способом (например, предоставлением ночлега, еды, любого вида транспорта и т.п.). Приговор будет вынесен Особым судом в Варшаве.

Больше всего от голода страдали дети

Трупы детей, умерших от голода

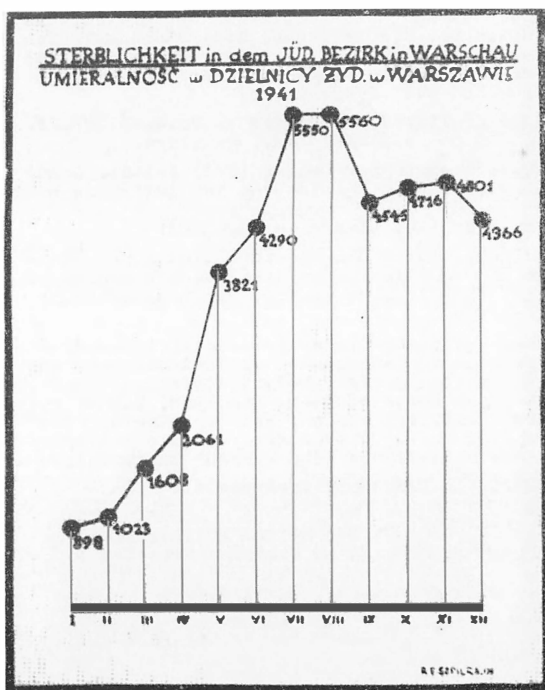

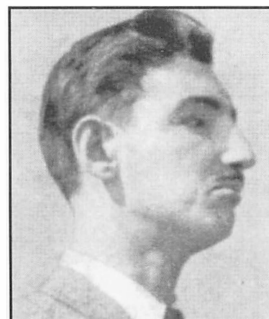
Диаграмма смертности в Варшавском гетто в 1941 г.

Цивия ЛЮБЕТКИН

Лейб РОТБЛАТ

Марек ЭДЕЛЬМАН

29

Abschrift.
Parnschreiben

Absender: Der $\ddot{H}$ - und Polizeiführer im Distrikt Warschau

Warschau, den 22. 4. 1943

Az.: I ab -St./Gr.- 16 07 -Tgb.Nr. 532/43 geh.
Betr.: Ghettoaktion.

An den

Höheren $\ddot{H}$ - und Polizeiführer Ost
- $\ddot{H}$ -Obergruppenführer und General d. Polizei Krüger -
o.V.i.A.

K r a k a u

Verlauf der Ghettoaktion am 22.4.43. Meldung über die Aktion
bis 12.00 Uhr ist bereits durch FS von heute erstattet.

Anschließend wird folgendes gemeldet:

Die schon erwähnte Durchsuchung der restlichen Gebäudekomplexe
durch angesetzte Stoßtruppe, die teilweise Widerstand antraten,
hatte folgenden Erfolg: 1100 Juden zur Verlagerung erfaßt, 203
Banditen und Juden erschossen, 15 Bunker gesprengt. Es wurden
erbeutet: 50 Brandflaschen und andere Beute.

Zur Verfügung stehende Kräfte: Wie durch FS v. 20.4.43 Tgb.Nr.
516/43 geh., gemeldet.

Eigene Verluste: $\ddot{H}$ -Untergruppenführer Dehnke (Tot) feindl. Schuß in
"-Kav.Ers.Abt. eine von ihm getragene Hand-
granate
1 Wm.d. Polizei (Lungendurchschuß).

Bei Sprengungen der Bunker durch die Pioniere sind eine erheb-
liche Zahl von Juden und Banditen unter den Trümmern begraben.
Es war in einer Reihe von Fällen notwendig, zur Ansäuerung
der Banden Brände anzulegen.

Es ist noch zu melden, daß immer wieder Teile der eingesetzten
Verbände seit gestern auch von außerhalb des Ghettos, also aus
dem arischen Teil, beschossen werden. Sofort eindringenden Stoß-
trupps gelang es, in einem Falle 35 poln. Banditen, Kommunisten
zu fassen, die sofort liquidiert wurden. Bei heute notwendigen
Erschießungen ist es wiederholt vorgekommen, daß die Banditen
mit dem Ruf "Hoch lebe Polen", "Es lebe Moskau" zusammenbrachen.

Die Aktion wird am 23.4.43, 7.00 Uhr, fortgesetzt.

Der $\ddot{H}$ - und Polizeiführer
im Distrikt Warschau

gez. Stroop

$\ddot{H}$ -Brigadeführer u.
Generalmajor der Polizei.

F.d.R.d.A.

[Handwritten signature]
 $\ddot{H}$ -Sturmabführer.

◀ Один из отчетов

Штрооп:

Варшава 22.4.1943 ... По вопросу: Акция в гетто Верховному СС- и полицейфюреру Ост, СС-обергруппенфюреру и генералу полиции Крюгеру, Краков

Ход акции в гетто 22.4.43. Рапорт о действиях до 12.00 часов был уже передан сегодня по телеграфу. Окончательно докладываю: Уже упомянутые обыски остатков комплексов зданий выделенными ударными группами, частично встретившие сопротивление, дали следующие результаты: 1100 евреев арестованы для переселения, 293 бандита и еврея расстреляны, уничтожены 15 бункеров. Захвачены 80 зажигательных бутылок и другие трофеи. <...>

При подрыве бункеров саперами значительное число евреев и бандитов было погребено под развалинами. В ряде случаев было необходимо для выкуривания банд устраивать пожары.

Следует отметить, что части введенных подразделений были вчера обстреляны извне гетто, с арийской стороны. Немедленно реагировавшими ударными группами были в одном случае захвачены 35 польских бандитов-коммунистов, которые были немедленно ликвидированы... Акция будет продолжена с 7.00 ч 23.4.43...

Штрооп со своим штабом

**Es gibt keinen
jüdischen Wohnbezirk
— in Warschau mehr !**

Варшавского гетто больше не существует — под таким заголовком Штрооп собрал свои донесения о ходе ликвидации Варшавского гетто

Фотография, приложенная Штроопом к отчету, — это тоже враги Рейха

В дни восстания

Улица Генся после боев

Жителей Варшавского гетто отправляют в Трешлинку

Развалины гетто

ЛИКВИДАЦИЯ

Представьте себе, г-н Керстен, бедную серну, которая щиплет себе спокойно траву, — и вдруг подходит вооруженный охотник и прицеливается, чтобы убить это несчастное животное. Неужели вам, г-н Керстен, это доставило бы удовольствие?

Из домашних бесед Генриха Гиммлера

Это был, в сущности, добродушный человек.

Комендант Освенцима Гесс об Одилоне Глобоцнике

Для наиболее оголтелых, полубезумных фанатиков национал-социализма борьба с евреями, полное их физическое истребление превратились в самоцель, которой должны были быть подчинены все другие интересы гитлеровского рейха. «В еврейском вопросе нужна полная ясность. Экономические нужды не должны в принципе приниматься в расчет при решении проблемы», — поучал уполномоченный имперского министерства по делам оккупированных восточных районов Отто Бреутигам имперского комиссара Остланда Генриха Лозе, попросившего было сохранить жизнь некоторому количеству необходимых, по его мнению, еврейских рабочих. Ганс Франк, со своей стороны, заявлял: «Как старый национал-социалист я должен сказать, что если еврейская шайка-лейка переживет войну, в то время как мы пожертвуем лучшей кровью ради спасения Европы, то эта война явится лишь частичным успехом».

Некоторое время гитлеровцы побаивались восстанавливать против себя общественное мнение нейтральных стран (особенно таких больших, как СССР и США) крутыми мерами против евреев. Во второй половине 1941 г. эти соображения в значительной мере отпали. А приказ Гитлера об истреблении «комиссаров» на оккупированной советской территории позволил Гиммлеру включить в эту категорию всех советских евреев от мала до велика как прирожденных носителей большевистской идеологии. Руководитель «отдела по делам евреев» в имперском управлении безопасности (РСХА) оберштурмбанфюрер Адольф Эйхман организовал осенью 1941 г.

перевозку евреев из Германии, Австрии и Протектората (Чехии и Моравии) на оккупированную советскую территорию, чтобы без лишних формальностей прикончить их там, где действовал «приказ о комиссарах». После вступления США в войну против Германии Гитлер отдал приказ о «биологическом уничтожении» евреев.

Таким образом, к концу 1941 г. сторонники немедленного и полного истребления евреев уже не считались с мнением приверженцев эксплуатации полурабского еврейского труда в интересах военной экономики. Адольф Эйхман «был глубоко убежден, что если бы удалось ликвидировать биологические основы еврейства посредством истребления всех евреев на Востоке, то еврейство уже не поднялось бы после этого удара, так как ассимилированные западные и американские евреи не сумели бы и даже не захотели бы возместить столь гигантскую убыль крови; от этих евреев трудно ожидать сколько-нибудь значительного прироста населения». «В отношении евреев я исхожу только из надежды на их исчезновение, — говорил Франк 16 декабря 1941 г. — Но что же должно с ними произойти? Вы думаете, что их расселят по деревням в Остланде? Нам в Берлине сказали: чего тут церемониться — нам в Остланде и Рейхскомиссариате тоже нечего с ними делать, ликвидируйте их сами. Господа, я должен просить вас вооружиться против какой бы то ни было жалостливости. Нам нужно уничтожать евреев повсюду, где бы мы их ни встретили и где только возможно, чтобы сохранить все здание империи... Нельзя со старыми взглядами подходить к таким гигантским неповторимым событиям».

20 января 1942 г. на совещании, созванном РСХА в Ваннзее, близ Берлина, куда были приглашены и представители «правительства» Генерал-губернаторства, Гейдрих поделился некоторыми соображениями насчет «решения еврейского вопроса». Предлагалось отправить трудоспособных евреев на дорожные работы на Восток, где большинство их должно было погибнуть «естественным путем». Оставшаяся, наиболее жизнеспособная (а следовательно, и наиболее опасная) часть должна будет подвергнуться «специальной обработке». Уполномоченный по четырехлетнему плану Эрнст Нейман, правда, заявил, что работающие на военных предприятиях евреи не должны быть эвакуированы, пока нет соответствующей замены, но глава администрации Генерал-губернаторства Йозеф Бюлер поспешил угодливо заметить, что он приветствует «окончательное решение», что транспортная проблема играет подчиненную роль, что большинство евреев Генерал-губернаторства неработоспособны и, по своей склонности к контрабанде и как носители эпидемий, лишь мешают экономической жизни. Бюлер просил ускорить «решение еврейского вопроса».

От переброски евреев на дорожные работы, впрочем, вскоре отказались, чтобы не затягивать дела, и остановились на решении провести операцию в пределах Генерал-губернаторства. Предстоящая неслыханная по своим масштабам массовая бойня требовала больших и сложных приготовлений. Невозможно было просто перестрелять сотни тысяч, миллионы людей вблизи или посреди таких больших городов, как Варшава. Это могло вызвать сопротивление евреев, волнения среди поляков, нежелательные отклики во всем мире. Нагромождение трупов грозило страшными эпидемиями и сделало бы жизнь в городе невыносимой. Решили приступить к строительству в провинции специальных «лагерей уничтожения», настоящих фабрик смерти, и свозить туда на предмет истребления еврейское население из городов и местечек Польши, а потом и всей оккупированной Европы.

Итак, в начале 1942 г. гитлеровцы приступили к «решению еврейского вопроса» практически. Идеологическое обоснование массовых убийств беззащитных и беспомощных людей содержалось в нацистской литературе. Вот пример: «Недочеловек лишь по видимости похож на человека, на самом же деле он, хотя и обладает руками, ногами, глазами, ртом и чем-то вроде мозга, является совершенно иным, страшным созданием... С чертами лица, напоминающими человеческие, он тем не менее в духовном отношении стоит гораздо ниже любого зверя». Таким образом, уничтожение недочеловеков не являлось по сути убийством. Более того, гитлеровские идеологи сравнивали человеческое общество с живым организмом, в котором составляющие его и выполняющие различные необходимые и полезные функции клетки пожираются ядовитыми бактериями — евреями. Организм должен или очистить себя и окружающую среду от этих бацилл или погибнуть. Нелепо было бы рассуждать о гуманности в отношении подобной «дезинфекции».

Мероприятия по истреблению евреев и конфискации их имущества на территории Генерал-губернаторства получили условное наименование «операция Рейнхард», в честь недавно убитого в Протекторате Гейдриха. Возглавил ее в апреле 1942 г. начальник полиции и СС Люблинского округа Одилон Глобоцник, «старина Глобус», «милый Глобус», как его ласково называли Гитлер и Гиммлер. Горячий поборник радикальных методов «решения еврейского вопроса», Глобоцник считал, что «всю акцию с евреями надо провести как можно быстрее, чтобы она не застопорилась где-нибудь на полпути, если какие-либо затруднения помешают ее продолжению».

Методы массовых убийств обстоятельно разрабатывались и неуклонно совершенствовались. Был накоплен уже богатый опыт. Вначале специальные опергруппы («айнзатцgruppen») попросту рас-

стреливали людей из автоматического оружия, добывая потом раненых из пистолетов. «Частые самоубийства в рядах оперативных отрядов вызваны тем, что постоянное купание в крови становилось невыносимым, — замечает бывший комендант лагеря смерти в Освенциме Рудольф Гесс. — Несколько членов этих отрядов сошли с ума, а большинство при выполнении своей работы поддерживало себя алкоголем». Эйхман также сетовал на то, что «полицейские отряды не раз отказывались проводить казнь женщин и детей».

Щадя нервы своих подчиненных, Гиммлер и его подручные перешли к использованию газов. На оккупированных территориях Польши и Советского Союза появились печально знаменитые «душегубки» — большие грузовые автомобили с герметически закрывающимся кузовом. Людей в них умерщвляли выхлопными газами, которые подавались по специальным трубам. Однако для «окончательного решения еврейского вопроса» производительность душегубок была недостаточна. Лагеря смерти на территории Генерал-губернаторства были оборудованы уже вместительными газовыми камерами. В Треблинке — лагере, предназначенном для «обслуживания» варшавских евреев, — выхлопные газы от моторов нескольких грузовиков и бронеавтомобилей подавались прямо в камеры. «Проходило более получаса, прежде чем в камерах наступала полная тишина, — рассказывал о своих впечатлениях от посещения Треблинки Рудольф Гесс. — Через час камеры открывали и вытаскивали трупы. Мне, однако, говорили, что моторы не всегда работали равномерно, вследствие чего газа не хватало на то, чтобы добить всех, кто находился в камерах. Многие лишь теряли сознание, и их приходилось расстреливать». Все возрастающие масштабы предприятий такого рода заставили гитлеровских рационализаторов впоследствии перейти к применению более эффективного газа «Циклон Б». Испробованный Гессом на советских военнопленных, «Циклон Б» стал основным средством ликвидации тысяч людей в лагерях смерти.

В июле 1942 г. приехавший в Польшу Гиммлер дал указание приступить к уничтожению населения Варшавского гетто и конфискации его имущества. «Оккупированные восточные районы будут очищены от евреев. Проведение этой очень трудной задачи фюрер возложил на мои плечи. Но и без того никто не может снять с меня ответственности. Поэтому я запрещаю всякие возражения», — распался он.

Из эсэсовцев и украинских, русских, латышских и литовских уголовников были сформированы специальные «команды уничтожения». Гауптштурмбанфюрер СС Герман Гейфле, начальник штаба «операции Рейнгард», показал новую технику Адольфу Эйхману. Вся подготовка шла в строжайшей тайне. Даже в секретных немец-

ких документах говорилось не об уничтожении евреев, а только о «переселении», «эвакуации», «специальной обработке». И если в первые месяцы оккупации гитлеровцы в своих антиеврейских распоряжениях стремились более или менее тщательно формулировать понятие «еврей», «еврейское имущество», то в разгар «ликвидации» Гиммлер указывал: «Я настоятельно прошу не издавать никаких распоряжений насчет понятия «еврей». Всеми этими глупыми формулировками мы только сами себе связываем руки».

Чтобы успокоить варшавских евреев, встревоженных нахлынувшими из провинции, где гитлеровцы с конца 1941 г. уничтожали местные гетто вместе с их обитателями одно за другим, немецкая газета «Варшауэр цайтунг» расписала успехи нацистов в перевоспитании местных евреев: эти люди, занимавшиеся ранее всевозможными махинациями, превратились в честных тружеников; в центре Польши возник «производственный район» с десятками тысяч рабочих. Статья внушила многим евреям надежду, что немцы оставят «производственное» Варшавское гетто в покое. Варшавское гетто к тому же было приятно удивлено разрешением оккупационных властей открыть новые школы, технические курсы и детские приюты.

Тем не менее в воскресенье 19 июля 1942 г. в гетто начали поговаривать о предстоящем выселении. Источником слухов была фирма Кона и Геллера, владельцы которой в тот день вывезли свои семьи в пригород Варшавы Отвоцк (что, впрочем, не спасло их от гибели: несколько позже и там немцы устроили поголовную бойню). Чтобы прекратить панику, комиссар гетто Гейнц Ауэрсвальд не поленился лично зайти в юденрат и заверить его председателя Адама Чернякова, что варшавским евреям ничто не угрожает. Черняков немедленно опубликовал соответствующее официальное заявление. Население гетто несколько успокоилось. Полагали, что Кон и Геллер нарочно сеют панику, чтобы поднять цены на перевозку богатых семей в пригород. Слухам о переселении не поверили и руководители антифашистского подполья.

На следующий день, однако, снова стали кружить слухи, и так упорно, что не верить им становилось все труднее. 21 июля, решив, очевидно, что наступила пора создать в гетто панику, гестапо стало хватать людей на улицах и отправлять в «Павяк». Арестовано было и несколько членов юденрата.

22 июля около девяти часов утра в гетто въехала автоколонна, состоявшая из нескольких легковых автомашин и двух грузовиков с солдатами. Немецкие и украинские эсэсовцы быстро оцепили здание юденрата, заняв все выходы, десять эсэсовцев сразу же поднялись наверх к председателю Чернякову. Все, кто находился в

здании, замерли, ожидая, что немцы приехали за заложниками. В кабинете Чернякова в это время гитлеровцы во главе с присланным от Глобоцника Германом Гефле и начальником отдела по делам евреев при варшавском гестапо Рудольфом Брандтом усаживались за стол. Против них сели Черняков, его заместитель Марек Лихтенбаум, секретарь юденрата Варман, заместитель начальника еврейской полиции Якуб Лейкин и другие. Служащий юденрата Рейх вел протокол.

Гефле (за доблесть, проявленную в Варшавском гетто, он будет награжден орденом «крест первого класса за боевые заслуги, с мечами») открыл заседание словами: «Сегодня начинается выселение евреев из Варшавы. Вы знаете, что здесь слишком много евреев. Вам, юденрату, я поручаю провести эту работу. Если вы не справитесь со своей задачей, повиснете в петле сами». Начало акции было намечено на одиннадцать часов. Юденрат должен был ежедневно готовить к отправке по 6000 человек, не считая 100 человек из еврейской полиции — для охраны «переселенцев» перед их посадкой в вагоны. Оставленные переселенцами вещи надлежало снести в указанное немцами место. Их присвоение будет караться смертью, как и всякая попытка самовольно оставить гетто, мешать переселению или уклониться от него.

После полудня на улицах гетто появились конные повозки, на которые еврейская полиция сажала схваченных по дороге нищих. Одновременно началась очистка эвакуационных пунктов, где находили приют беженцы. Действиями полиции руководил Шериньский, выпущенный специально для этого из тюрьмы, куда он был посажен немецкими властями за сокрытие меховых изделий.

В четверг 23 июля полиция, покончив с беженцами и нищими, взялась за обитателей «домов смерти» — самых бедных домов в гетто, где был особенно высок процент смертности. Кроме того, вывели беспризорных детей из «комнаты задержанных» на улице Генсей и из приюта по улице Дзикой. Руководитель Комитета опеки над детьми Берман пытался вмешаться, ссылаясь на обещание руководителей еврейской полиции не трогать детей. Ему объяснили, что сиротский пункт на улице Дзикой причислен к пунктам для беженцев. Берман поспешил к жене Чернякова (она была членом правления Комитета опеки), чтобы просить ее похлопотать перед мужем. Он застал женщину в слезах: муж, подписавший уже списки с 6000 фамилий выселяемых, сказал ей, что покончит с собой, если придется вывозить и детей. В тот же вечер Черняков был вызван в юденрат, где и получил от гестапо приказ, которого так боялся: подготовить к отправке детские дома. После ухода немцев Черняков попросил дежурного полицейского принести стакан воды. Жена, обеспокоен-

ная долгим отсутствием супруга, застала его уже мертвым: Черняков отравился цианистым калием. «Черняков, председатель юденрата, инженер по профессии, был скромным человеком, которого силой заставили занять этот пост... Чернякову нельзя отказать ни в старании, ни в изобретательности. Он вертелся, как рыба в сети, чтобы залатать все более расползающуюся жизнь гетто, пока ему однажды не пришлось понять, что больше ничего сделать не удастся. Он принял цианистый калий». Так отзывается о председателе юденрата одна из его подчиненных Ноэми Шац-Вайнкраutz. Эту оценку подтверждает и Гитлер-Барский, часто встречавшийся с Черняковым по делам ЦЕНТОС: «Он производил на меня впечатление человека, который, оказавшись в вынужденной ситуации, верит, что, работая в этих условиях, он жертвует собой ради общего блага. Он часто повторял, что, хотя юденрат и подчиняется немецким властям и должен выполнять их распоряжения, он, однако, предохраняет население гетто от непосредственного соприкосновения с гитлеровцами и от непосредственных репрессий со стороны оккупантов. Он считал, что деятельность юденрата дает еврейскому населению шансы продержаться дольше». Очевидцы не раз говорили Гитлеру-Барскому, что при переговорах с немцами Черняков всегда держался достойно и старался смягчить распоряжения, направленные против населения гетто.

Каковы бы, однако, ни были личные намерения Чернякова, нельзя отрицать, что в течение многих месяцев он проводил политику оккупантов и покрывал деятельность различных мошенников внутри самого гетто. Какой порядочный человек возьмется хлопотать о чем-нибудь у немцев, говорил Черняков упрекавшим его в том, что он пользуется услугами всякого рода мерзавцев, обещавших за большие деньги «улаживать дела» гетто в гитлеровских учреждениях.

Вслед за Черняковым покончили с собой восемь еврейских полицейских. Остальные, во главе с начальником полиции Юзефом Шериньским, продолжали выполнять распоряжения немцев, надеясь, что их и их семей «операция Рейнхард» не коснется. Место Чернякова занял грубый реакционер и спекулянт Марек Лихтенбаум, который совершенно сознательно помогал гитлеровцам истреблять евреев. Его сыновья сотрудничали с гестапо, бражничали с нацистами, издевались над жителями гетто.

Юденрат цинично призвал население гетто «во избежание жертв» помочь еврейской полиции отправить установленное число людей, так как это-де спасет от репрессий остальных. Юденрат предложил создать группы добровольцев для помощи полиции «в деле выселения». Еврейская полиция пообещала выдать добровольно явившимся на сборный пункт по три килограмма хлеба и по килограмму

мармелада. Изголодавшиеся люди поддались на приманку. Почти никто не сомневался, что гитлеровцы так или иначе избавятся от больных, стариков, инвалидов и прочих нетрудоспособных, однако здоровым людям хотелось верить, что остро нуждающиеся в рабочей силе немцы действительно вывезут их куда-нибудь в трудовые лагеря.

В первые дни «операции» немцы расстреливали нетрудоспособных на кладбище возле гетто, чтобы убедить евреев в том, что остальные останутся жить. Увидев, что поток на сборный пункт добровольцев — людей, не имеющих ни имущества, ни крыши над головой, потерявших зачастую родных и близких, — оказался велик, полиция сократила премию до одного килограмма хлеба и одного килограмма мармелада.

Ежедневно в 16—17 часов собранных в здании еврейской больницы «Чисте» на улице Ставки людей выгоняли ударами дубинок и прикладов на расположенный рядом так называемый умшлагплац — погрузочную платформу возле ветки железной дороги. Здесь происходил отбор — «селекция». Поток людей проходил мимо эсэсовцев; более крепких с виду мужчин отделяли для работы в трудовых лагерях, владельцев не утративших силу документов освобождали — по большей части только после энергичного вмешательства дирекции соответствующих предприятий, остальных же (не менее 90%) загоняли в вагоны для скота, в среднем по 100 человек в каждый вагон, и наглухо запирали. Конвоиры на тормозных площадках были готовы стрелять из автоматов в любого, кто попытался бы бежать. Наиболее усердные из охраны стояли на ступеньках или располагались на крышах вагонов.

Ежедневно отправляли четыре состава по 100—110 вагонов, всего 5000—6000 человек. В вагонах, пол которых во избежание заразы был посыпан негашеной известью, люди должны были провести 20 часов. Из-за невыносимой жары раздевались до пояса, до белья, в том числе и женщины; за литр воды платили железнодорожникам и охране по тысяче злотых. Естественную нужду справляли тут же, во всех четырех углах. Значительная часть «переселенцев» умирала по дороге. Отказывающихся идти в вагон немцы убивали на месте. Так была застрелена певица Марыся Айзенштадт, «соловей гетто», не желавшая расстаться с отцом. Рахиль Штайн, многолетний член городского совета Варшавы, отравилась перед погрузкой.

О том, что поезда из Варшавского гетто направляются в только что организованный в Треблинке лагерь уничтожения, знали лишь в юденрате и в еврейской полиции. Вскоре, однако, по гетто поползли неясные пока, но ужасающие слухи о судьбе депортированных. Юденрат официальным объяснением опроверг «лживые измышле-

ния». Заместитель начальника еврейской полиции Лейкин громогласно назвал эти слухи провокацией, два эсэсовца дали в юденрате офицерское слово чести, что евреев отправляют действительно на работу и что никто из них не будет умерщвлен, а гестаповские агенты распространили письма, якобы полученные в гетто от выехавших. Одна женщина будто бы писала из Барановичей, что работает в поле, нуждается в белье, что хлеб и картошка здесь очень дешевы. В другом письме, «из Белостока», говорилось, что работа очень тяжелая, но питание сносное... «Приходили» письма из Седльца и других районов на периферии.

Подобным «письмам» верили все меньше. Слухи ходили о газовых камерах, о поголовном истреблении «переселенцев». (Первым человеком, вернувшимся в гетто из Треблинки, был двадцатипятилетний Абрам Кшепицкий. Вывезенный 25 августа, он бежал из лагеря через восемнадцать дней. Подпольный архив поручил писательнице Рашели Ауэрбах записать рассказ Кшепицкого.) Поток добровольцев на умшлагплац прекратился, люди попрятались кто куда мог. «Переселение» стали называть смертью «модо германико» (по-германски). Другой излюбленный гитлеровцами способ — положить человека на землю и выстрелить ему в затылок — Рингельблум еще раньше называл смертью «модо теутонико» (по-тевтонски).

Со среды 29 июля гитлеровцы приступили ко второму этапу своей «акции» — окружению («блокаде») отдельных домов и целых кварталов и систематическому прочесыванию их. В первый же день был уничтожен ряд мелких фабрик и мастерских, и весь их персонал — рабочих и мастеров — отправили на умшлагплац. Очевидец так описывает события: рано утром еврейская полиция блокировала ворота дома и затем выгоняла всех жильцов во двор, где они, выстроившись в шеренгу, ожидали проверки документов. Тех, кто не мог представить справку о работе на немецком заводе или в юденрате, грузили на повозки. Жен и детей работающих не трогали, но родителей и прочих родственников не щадили. Жильцы, оставшиеся во дворе, бросали в повозки наспех собранные деньги и хлеб.

Облавы, в которых наряду с еврейской полицией принимали участие отряды немецких, литовских и украинских нацистов, начинались частой стрельбой по всем, кто пытался высунуться из окна или с балкона. После команды «Все вниз!» гитлеровцы разбегались по этажам, сгоняя людей во двор ударами прикладов. Пытавшихся спрятаться пристреливали. Проверку во дворе проводили небрежно, освобождали немногих — по своему усмотрению. Остальных гнали колонной по пять человек в ряд на умшлагплац, стреляя по дороге в каждого, кто нарушал порядок, пытался поговорить или ускольз-

нуть. Стреляли и в случайных прохожих, так что улица, на которую вступала такая колонна, мгновенно пустела. Немцы имели обыкновение повторно блокировать дома, в которых люди, уцелевшие от предыдущего налета, только начинали приходить в себя и успокаиваться. Обычно «блокады» проходили с семи утра до пяти вечера (но иногда и дольше). Возвращавшиеся с работы в немецких шобах и плацувках находили свое жилище разгромленным, вещи разброшанными. Только вечером, после ухода погромщиков, в гетто возобновлялось какое-то подобие нормальной жизни: люди выходили на улицы, появлялись торговцы, открывались некоторые магазины, даже парикмахерские.

Вскоре немцы сочли возможным передать умшлагплац в ведение еврейской полиции. Она исправно нагружала эшелоны своими единоплеменниками, а коменданта умшлагплаца Шмерлинга сами немцы за жестокость прозвали «еврейским палачом». Еврейская полиция принимала участие в обысках, патрулировала улицы, охотилась за уклоняющимися от депортации. Имущество переселенцев, если его не успевали растащить соседи, полицейские забирали себе. Когда немцы стали спускать в полицию план с точным указанием числа людей, которых следует вывезти к определенному сроку (причем каждый полицейский получал разовое задание: сдать на умшлагплац пять человек, сдать двух человек и т.п.), полиция принялась хватать направо и налево всех, кто подвернулся под руку, не обращая внимания ни на какие документы. Один беглец из Варшавского гетто писал в польской подпольной газете о своем посещении служебного помещения еврейской полиции, где он застал группу молодых полицейских. Держа по буханке хлеба под мышкой, они спокойно, даже весело переговаривались: «Коллега, вы уже участвовали сегодня в акции?», «Господа, завтра акция начинается в шесть утра...» «Беззаботная деловая речь их показалась мне страшно циничной. Это интеллигенты, люди с образованием, адвокаты».

К 30 июля, девятому дню «акции», было вывезено уже 60 000 человек. Схватили Бубу Рубинштайна. Это был «нищий, сумасшедший, комик, певец, сатирик и патриот в одном лице, одна из популярнейших личностей в гетто». Везде и всюду пересказывались его остроты о юденрате, о снабжении и о Гитлере. В свое время он не на шутку перепугал юденрат заявлением, что будет кричать на улицах «долгой Гитлера», если не получит немедленной материальной поддержки. Рубинштайн действительно закричал «долгой Гитлера» — когда попал в руки нацистов. В него стали стрелять, но он не замолкал, даже смертельно пораженный двумя пулями.

Первоначальное распоряжение о выселении касалось только нищих, заключенных, сирот, инвалидов, но не затрагивало служащих

юденрата и полиции, медицинского персонала и пациентов больниц, попавших в них до «переселения», а также всех тех, кто работал в немецких учреждениях и на предприятиях, кроме того, еще лиц, не работавших, но трудоспособных, и, наконец, жен и детей тех, кто входил в одну из вышеперечисленных категорий. Но уже на вторую неделю немцы объявили недействительными справки целого ряда организаций и предприятий. Евреи стали охотиться за местом в надежной фирме. Масса людей хлынула в шопы Вальтера Теббенса, Фрица Шульца и других немецких фабрикантов, чтобы любой ценой устроиться там на работу. Это удавалось только тем, кто имел протекцию или деньги — не менее 10 000 злотых, по свидетельству Фогельмана. С большими деньгами, впрочем, удавалось иной раз освободиться даже с умшлагплаца (что отнюдь не избавляло от опасности попасться при следующей облаве).

Используя все имеющиеся связи, актив Антифашистского блока сумел устроить своих членов на работу в шопы, некоторые из которых стали отныне центрами общественной жизни, а позже — очагами вооруженного сопротивления. Герш Берлинский, член партии Поале-Сион Левица, рассказывал о горячих спорах, вспыхнувших в связи с этим среди его товарищей. Шахно Саган говорил, что, работая в шопах, являющихся составной частью немецкой военной промышленности, евреи помогают врагу. Саган предложил попытаться спасти активистов движения от депортации путем фиктивного оформления на работу в юденрат. Большинство руководства Поале-Сион Левицы решило, однако, что единственный выход — устроиться в шопах, ибо на юденрат, переполненный явными и тайными гитлеровскими агентами, полагаться нельзя да и нет гарантии, что немцы не ликвидируют в ходе «выселения» это учреждение, которое им, по-видимому, вскоре перестанет быть нужным.

Пытались устроить на работу детей. Малолетним подделывали документы, девочкам красили губы, надевали на них длинные платья и обувь на высоких каблуках, делали «взрослую» прическу. Известны случаи, когда родители прятали маленьких детей в рюкзаках, предварительно усыпив, чтобы не закричали.

Дети были в числе первых, за кого как за «непроизводительный элемент» взялись гитлеровцы. Хватали беспризорных и безнадзорных, воспитанников детских домов, вообще всех детей, подвернувшихся на улице под руку. Всего было истреблено более 90 000 детей. Их по большей части даже не увозили далеко, а убивали тут же, поблизости от города.

6 августа эвакуировали детский дом, где директором был Януш Корчак (доктор Генрик Гольдшмидт). На его книгах воспитывалось несколько поколений польских и еврейских детей. В руководимом

им детском доме Корчак ввел самообслуживание и самоуправление, он не переставал заботиться о своих воспитанниках и после их выхода из детского дома, а они, в свою очередь, не забывали учителя и, даже оказавшись за тридевять земель, слали ему письма. Человек смелый, он еще в 1939 г., ссылаясь на свое звание майора запаса, отказался выполнить унижительное распоряжение оккупантов о ношении еврейских отличительных знаков и был арестован. Его друзьям и почитателям с трудом удалось выхлопотать освобождение. В гетто Корчак неустанно заботился о детях, добывал для них продовольствие, не оставляя заботами и тех детей, которые не принадлежали к его детскому дому.

Когда на заполненном массой избиваемых людей умшлагплаце появились в полном порядке, по четыре в ряд, двести умытых и аккуратно причесанных воспитанников детского дома с Корчаком впереди (он шел в шинели, высоких сапогах, без головного убора, держа за руку ребенка, за ним следовали жена, воспитатели, медицинские сестры), немцы, дошедшие до неистовства, кричавшие, хлеставшие бичами и стрелявшие, опешили и остановились. Еврейская полиция невольно встала по стойке «смирно», немцы спрашивали, что происходит. В юденрате тем временем поднялся переполох, звонили в разные немецкие инстанции, добиваясь освобождения Корчака. Немецкие власти не возражали: когда дело касалось сотен тысяч и миллионов, убийство одного человека можно было и отложить. Но Корчак отказался воспользоваться этим благодеянием и предпочел разделить судьбу своих воспитанников.

В августе начали отправлять в Треблинку также и тех, чьи родственники служили в юденрате и полиции. За ними последовало большинство работников юденрата. Здание юденрата блокировали немецкие и украинские эсэсовцы, действовавшие, как обычно, вместе с еврейской полицией. Служащих выгнали во двор, несколько человек застрелили на крыше. Председатель юденрата Лихтенбаум называл Брандту поочередно людей, выстроившихся в шеренгу, и говорил, кто чем занимается. «Слишком много», «и этих слишком много» — то и дело раздавалось из уст гестаповца. Жестом он отправлял «лишних» налево, на смерть. Собрannую таким образом колонну в 700—800 человек — работников различных учреждений при юденрате — повели, избивая прикладами и плетью, на умшлагплац.

В августе же блокаде подвергся и дом № 2 на улице Лешно, где находилось бюро Комитета опеки над детьми. Большинство работников комитета, в том числе выдающиеся ученые и педагоги, также были отправлены на умшлагплац. Бежать удалось немногим.

Одни фашисты выполняли свою работу деловито и буднично, как профессиональные скотопромышленники или мясники, другие, пьянея от запаха крови, испытывали патологическое удовольствие. В гетто передавали, что палачи выкололи одной девушке глаза, а пятилетнему мальчику, показавшему эсэсовцу язык, отрезали его перочинным ножом. Брандт, лично проводивший «селекции», заметил скрипку у мальчика, находившегося на умшлагплаце вместе с матерью. Брандт спросил, зачем ему скрипка. Когда мать объяснила, что ее сын очень талантлив и не раз получал премии на конкурсах, гитлеровец попросил мальчика поиграть. Выслушав импровизированный концерт, Брандт приказал отвести мальчика в ту партию, которая отправлялась в Трешлинку, мать же присоединил к тем, кого должны были вернуть на заводы.

Депортация стала охватывать в это время и шопы. На фабриках Теббенса директор Ян обходил цехи в сопровождении членов комиссии «по переселению», указывая пальцем на очередную жертву, после чего приговоренный молча поднимался со своего места. Зачастую при отправке большой группы рабочих или работниц на умшлагплац им говорили, что их переводят в другое здание. Отправляли в первую очередь малоквалифицированных и неквалифицированных работников и всех старше сорока пяти лет. При приближении комиссии пятидесяти-, шестидесятилетние женщины хватали пудреницы и помаду, тщетно пытаясь обмануть зоркий взгляд директора; детей поспешно загоняли под столы.

В руки гитлеровцев попали многие руководители Антифашистского блока. На мебельной фабрике Ландау был схвачен Юзеф Левартовский. Организацию после его гибели возглавил инженер Фондаминьский. Вот что пишет о нем историк Б.Марк: «Талантливый научный работник, инженер Эдвард Фондаминьский («Александр», «Стефан»), родившийся в 1910 г. в Варшаве, — один из самых выдающихся деятелей подполья, бывший активист КПП и в свое время один из руководителей студенческой организации «Факел». Эдвард Фондаминьский, который находился в гетто вместе со своей женой Любой (Алей), также активисткой ППР и движения Сопротивления, был наделен всеми теми чертами, которые рожают привязанность и любовь товарищей. Это была типичная фигура революционного интеллигента, выросшего из народа. Бывшие учителя Фондаминьского, которые очень любили и ценили своего ученика, предлагали ему и жене хорошо законспирированное место на «арийской стороне». Фондаминьские не приняли предложения, не могли его принять, как люди, воспитанные в революционном движении, не могли думать о том, чтобы пассивно существо-

вать; они считали, что их место на боевом посту в гетто. На этом посту они и остались до конца».

Сотрудники подпольного архива учитель Израиль Лихтенштейн и рабочие Нахум Гривач и Давид Грабер в ночь со 2 на 3 августа зарыли в подвале дома № 68 на улице Новалипки десять жестяных банок с документами архива. Осенью 1946 г. эти коробки были извлечены из-под развалин гетто. В записке, найденной в материалах архива, девятнадцатилетний Грабер писал: «Выселение варшавских евреев продолжается с 20 июля без перерыва. Я не могу показаться на улице, но и дома никто не находится в безопасности. Всякая связь с товарищами прервана. Мы остались втроем...» Записка Лихтенштейна гласила: «Я знаю, мы этого не переживем, ибо как долго можно переносить такие муки и оставаться еще в живых?.. И все же я верю в то, что наш народ будет жить...»

Немцы в дополнение ко всему проводили различные переселения внутри гетто, ни на минуту не давая людям передохнуть, опомниться. 12 августа всем жителям было приказано покинуть до 18 часов «малое гетто» (район, расположенный южнее основного массива). С раннего утра тысячи людей с детскими колясками, тележками, заплечными мешками хлынули через переезд и мост, ведущий в большое гетто. Там, на улице Лешно, их встречала еврейская полиция и, не обращая внимания ни на какие документы, почти всех отправляла на умшлагплац.

На умшлагплаце исчезла даже видимость отбора: собранных просто загоняли в вагоны. Десятки тысяч евреев, понявших, что никакие справки не гарантируют от депортации, попрятались по чердакам и подвалам. Разыскивать этих «пещерных людей» гитлеровцы поручили еврейским полицейским, которые хорошо знали топографию гетто. Очень часто, правда, еврейская полиция, обнаружив укрывавшихся, ограничивалась шантажом и взяткой.

Пешеходное движение в гетто почти прекратилось, так как и по вечерам по улицам стали ходить немецкие и украинские эсэсовцы, стреляя в окна, задерживая прохожих. Утром на улицах на каждом шагу в лужах крови лежали трупы. Похоронные бюро, перед которыми высились штабеля окровавленных гробов, работали не покладая рук. По гетто кружили двухэтажные черные повозки, груженные гробами, с которых ручьями стекала кровь, часто трупы были навалены и на крыши этих повозок. Улицы, перерезанные проволочными заграждениями и заборами, покрывал пух из распоротых перин, как снег. Тишина нарушалась только шумом автомобилей, треском выламываемых дверей, криками «алле юден раус!», выстрелами. Прекратилась контрабанда, цены на продукты выросли в десять-пятнадцать раз. Общественные кухни закрывались. Почти единствен-

ный источник снабжения гетто составляли продукты, проносимые плацувкаржами под полой.

С самого начала оккупации польские евреи жили в атмосфере страха, но теперь они испытывали такой ужас, какой не переживший этого кошмара человек вряд ли может представить. Исчезли остроты и анекдоты, многие сходили с ума, матери, не выдержав нервного напряжения, давали своим детям яд. Случаи самоубийства, до того редкие в гетто, к концу лета 1942 г. стали учащаться с каждым днем. Тысячи обитателей гетто обзавелись ампулами с ядом. Люди были парализованы страхом, чувствовали себя совершенно беспомощными. «Страшно!» — то и дело записывает в дневнике в это время Абрам Левин.

В жуткой обстановке многодневной «акции» некоторые теряли человеческий облик, движимые лишь одним животным инстинктом: жить во что бы то ни стало. Люди, устроившиеся на работу в шопы раньше других, подчас проклинали «гнилую интеллигенцию», которая теперь для спасения шкуры осаждает фабрики, подводя под удар «постоянный состав» рабочих. Работницы, ставшие наложницами немецких хозяев, были счастливы и гордились своим положением (как утверждает очевидица Ф.Туск-Шейнвекслера). Немцы, со своей стороны, всячески поощряя моральное разложение, обещали, например, освободить от депортации женщин, которые сдадут на умшлагплац своих детей, а также освобождали тех женщин, чьи мужья помогали найти уклоняющихся от «переселения».

Но были и те, кто мужественно выполнял свой долг. Как всегда, в восемь утра выходили на работу письмоноscopy, доставляя продолжавшие прибывать в гетто письма, телеграммы и посылки. Число почтальонов таяло так же катастрофически, как и численность остального населения гетто. К концу сентября из четырехсот письмоноscopy осталась десятая часть. Работник юденрата Ремба, выдавая себя за врача, ежедневно вывозил в карете «скорой помощи» с умшлагплаца десятки людей. (Немцы панически боялись заразных больных.) Медицинские сестры из еврейского госпиталя на улице Ставки, получив разрешение властей доставлять воду собранным на умшлагплаце людям, захватывали с собой под фартуком кители и повязки врачей. Две сестры проносили мимо охраны бак с водой, возвращались же втроем. Рингельблум неоднократно совершал подобные опасные визиты на умшлагплац, надев на рукав повязку с немецкой надписью «акция по переселению». Несколько групп детей увел с умшлагплаца Гитлер-Барский.

«Под конец страх евреев перед немцами стал больше их страха перед смертью», — отмечалось в послании антифашистских организаций Варшавского гетто. Рингельблум возмущался, что рослые и

сильные, как могучие дубы, носильщики-контрабандисты безропотно шли на умышлагплац в сопровождении нескольких невооруженных и физически значительно более слабых полицейских. Евреи превратились в баранов, писал Абрам Левин, два десятка украинских и немецких эсэсовцев и несколько десятков невооруженных еврейских полицейских ведут на бойню трехтысячные толпы. Антифашистская подпольная пресса польской части Варшавы писала: «Пассивность еврейских масс, которые, за исключением нескольких случаев, подставили без сопротивления головы под нож, не может повториться с нами. Политика успокоения, политика «только бы до весны», «не дразнить», «переждать», «может быть, до нас не дойдет» и т.д. и т.п., эта политика, которая парализовала еврейские массы, которая ведет к отуплению, эта политика враждебна национальным интересам, она разоружает общество».

Кое-кто в гетто предавался мечтаниям о расплате с гитлеровцами в отдаленном будущем: «Прежде всего мы бы приказали им каждые несколько дней перебираться на другую улицу: отсюда — туда, отсюда — сюда, остальным — опять на новое место. Через некоторое время, когда они уже потеряют свои вещи, когда у них вспухнут руки от ношения тяжестей и беспокойство и страх овладеют ими, мы начали бы — опираясь на их собственные принципы — «высылку» их. К сожалению, мы ничего не могли придумать такого, что было бы хуже их собственных методов».

На «арийской стороне» было много разговоров о трусливых, лишенных чувства собственного достоинства евреях, однако все чаще раздавались голоса, призывающие евреев к самообороне, а поляков — к оказанию помощи бегущим из гетто. «Еврейский вопрос не является изолированным, — писала газета Гвардии Людовой «Гвардзиста», — он лишь фрагмент национальной политики гитлеризма, первый пункт программы, предусматривающей систематическое уничтожение европейских народов одного за другим, причем славянские народы, и польский в первую очередь, оказались бы на первом плане... Польское общество должно понять и трезво оценить последствия гитлеровской политики. Уничтожаемым столь зверским способом евреям надо уделить как можно больше помощи и опеки. Это, однако, не решит проблемы, если евреи, осознав свое страшное положение, будут отказываться от бегства, от прорыва через колючую проволоку и стены, от протеста в любой возможной форме и любой возможной ситуации против преступления. Сопротивление за стенами гетто, вооруженный отпор, если это возможно, разоружение конвоя, как это уже имело место, присоединение к сражающимся партизанским отрядам — вот активные формы протеста». В конце августа секретарь Варшавского комитета ППР Ежи

Альбрехт призвал Варшавское гетто к активной борьбе. Погибнут единицы, но спасутся тысячи, писал он. Конечно, находившийся вне гетто секретарь недооценил серьезность положения (как, впрочем, и многие, многие деятели внутри самого гетто): речь шла о гибели тысяч ради спасения единиц.

Польские националисты были против активной помощи гетто, в частности, доставки туда оружия. Одни считали, что оно пролежит у неспособных к борьбе евреев без пользы, другие — напротив, полагали, что вооружившиеся евреи станут опасны не только для немцев, но и для поляков. Командующий Армией Крайовой Стефан Ровецкий — «Грот» сообщал Владиславу Сикорскому в Лондон, что партии правительственной коалиции (т.е. примыкавшие к эмигрантскому правительству и Делегатуре) хоть и возмущены истреблением евреев и требуют от западных союзников возмездия — бомбардировок Германии и репрессий в отношении немцев, проживающих в союзных странах, — однако никаких активных шагов предпринимать не собираются. «Командование ППР использует настроения общественности, критикует пассивность гражданских и военных официальных инстанций и призывает к партизанской борьбе вместе с советскими диверсантами, — сообщал «Грот». — Это грозит развязыванием против нашей воли массовой борьбы под руководством коммунистов».

В Германии в связи с «окончательным решением еврейского вопроса» снова раздавались голоса приверженцев экономической эксплуатации евреев. Еще 22 июня против «переселения» высказывался руководитель отдела труда при «правительстве» Генерал-губернаторства Макс Фрауэндорфер. Ссылаясь на авторитет рейхсминистра Альберта Шпеера, уполномоченного по рабочей силе Фрица Заукеля и инспектора по вооружению в Генерал-губернаторстве Шпиндлера, Фрауэндорфер заявил, что при существующей острой нехватке рабочих рук «переселение» нарушит экономическую жизнь Генерал-губернаторства. Заменить еврейских специалистов нечем ввиду отсутствия польских рабочих соответствующей квалификации. Фрауэндорфер заверял, что, конечно, евреев не следует избавлять вообще от «проводимой СС операции», но на время войны их следует поддерживать в состоянии пригодности к работе.

Компромиссное решение пытался найти работник партийной канцелярии Виктор Брак. Он предложил Гиммлеру стерилизовать два-три миллиона наиболее работоспособных евреев, чтобы избежать таким образом необходимости истреблять их вместе с прочими семью-восемью миллионами (в масштабе Европы). Командование военным округом Генерал-губернаторства передало 18 сентября в верховное командование докладную записку, в которой, сетуя на

самочинные действия гиммлеровских мясников, утверждало: «Начатое без уведомления большей части инстанций вермахта выселение евреев вызвало большие трудности в снабжении и замедление в выполнении срочных военно-хозяйственных заказов». Записка предупреждала, что для возмещения ущерба, наносимого военной экономикой Генерал-губернаторства, пришлось бы отказаться от намеченной отправки в Германию 140 000 поляков и к тому же еще прислать большое число специалистов оттуда, так как подготовка квалифицированной польской рабочей силы займет не менее года. Немедленное удаление евреев имело бы следствием существенное ослабление военного потенциала империи; снабжение фронта и войск, размещенных в Генерал-губернаторстве, было бы, по крайней мере в данное время, застопорено. Авторы записки настаивали на том, чтобы в интересах военного производства передавать евреев в руки гиммлеровцев только по мере подготовки замены, бригаду за бригадой. Они, конечно, обещали приложить все усилия к тому, чтобы избавиться от евреев как можно скорее, но без ущерба для имеющих большое военное значение работ. На данное же время командование военным округом просило приостановить «переселение».

Прочитав записку, взбешенный Гиммлер написал: «В отношении всех тех, кто считает здесь нужным выступать якобы во имя интересов вооружения, а в действительности хочет лишь поддержать евреев и их делишки, я дал указание поступать безжалостно». Однако совершенно не считаясь с мнением хозяйственников и военных рейхсфюрер СС не мог. Жалоба на спад производства в результате «переселения» поступила и от варшавского губернатора Людвига Фишера. Даже руководители полиции и СС в Генерал-губернаторстве пришли наконец к общему мнению, что истребление еврейских рабочих парализовало работу ряда предприятий. Командующий СС и полиции в Генерал-губернаторстве Фридрих-Вильгельм Крюгер обещал доложить об этом Гиммлеру и прибавил, что тот, вероятно, будет удовлетворен, если всех еврейских рабочих переведут в кратчайший срок на лагерный режим.

Не следует усматривать в этих спорах внутри нацистской верхушки какие-то принципиальные разногласия. Противники немедленно-го истребления руководствовались по большей части ничуть не менее низменными мотивами, чем Гиммлер и его окружение. Завязавшие рабовладельцы, без зазрения совести попиравшие человеческие права своих жертв, они были всего лишь более расчетливыми хозяевами и хотели извлечь из двуногого скота, прежде чем пустить его под нож, максимум дохода.

В сущности, и Гиммлер стоял на подобных позициях, когда речь шла о других народах. Выступая 4 октября 1943 г. перед генералами

СС в Познани, он говорил, что если 10 000 русских женщин роют немецкий противотанковый ров, то для него, Гиммлера, безразлично, что станет с этими женщинами, лишь бы ров был выкопан. Что же касается евреев, то для Гиммлера и его сторонников было гораздо важнее перебить их, чем вырыть их руками противотанковый ров. В этом проявлялся иррациональный, патологический характер гитлеровской идеологии. Одурманивая массы мифом о евреях как о главном враге и главной опасности, нацистские фанатики сами оказались в плену своих измышлений. (Разве не является ярким подтверждением тому факт, что отставание Германии в работах над ядерным оружием в значительной мере объясняется недоброжелательным отношением ее партийных идеологов к новейшим «отдающим еврейским духом» достижениям в физике?)

Выполнению гитлеровских планов массового истребления евреев в масштабах всей Европы мешало сопротивление народов оккупированных и «союзных» Германии стран. Особенно оно усилилось к концу 1942 г., когда стало известно о судьбе «депортированных». Даже в странах-сателлитах — Италии, Болгарии, Румынии, вишистской Франции, Венгрии — местные власти, считаясь с настроениями общественности, были вынуждены во многом противодействовать мероприятиям ведомства Эйхмана. В Голландии антиеврейские мероприятия оккупантов вызвали всеобщую стачку, в Дании и Норвегии операция по истреблению евреев провалилась почти полностью из-за массового сопротивления населения, финны вообще не допустили какой бы то ни было дискриминации евреев на своей территории.

К осени 1942 г. «переселенческая акция» в Варшаве начала свертываться. В гетто одно время это связывали с последствиями налета советской авиации на немецкие объекты в Варшаве в ночь на 21 августа и в ночь на 1 сентября. Эти налеты были восприняты как возмездие за немецкие зверства (рассказывали даже о сброшенных с самолетов листовках соответствующего содержания). Немецкие власти объявили в конце августа о предстоящем окончании «акции» и приказали персоналу больницы, помещение которой использовалось под сборный пункт, вернуться на старое место. Правда, после этого с 6 по 10 сентября немцы провели «регистрацию» больных и персонала и отправили еще около 1000 человек в Трешлинку. Кроме того, в первых числах сентября была проведена «большая селекция» на фабриках-шоплах. На щеточной фабрике из 7000 рабочих после «селекции» осталось 3000. Члены семейств, разбросанные по разным шопам, узнавали по вечерам о гибели своих близких. В эти дни погибло много деятелей культуры — художников, поэтов, работавших на шоплах.

Отряды СС и еврейской полиции с особой тщательностью прочесали еще раз все гетто. В течение недели было погружено в эшелоны около 50—70 тысяч человек. Немало людей во время облавы было убито. Фашисты взялись и за плацувкаржей, которые до сих пор находились в сравнительной безопасности. Еще во второй половине августа стали вывозить членов их семей, в сентябре же Брандт принялся лично проводить у ворот «селекцию» возвращавшихся с работы плацувкаржей. Выглядевшие слабыми и больными отправлялись на умшлагплац. Некоторые группы отсылали туда в полном составе. Пройдя ворота, плацувкаржи двигались по гетто, как по вражеской территории, озираясь на каждом шагу и посылая вперед пикеты, чтобы не попасть невзначай на новую «селекцию».

В заключение «акции» немцы 21 сентября окружили дома еврейской полиции на Островской и Волинской улицах и отправили в газовые камеры большую часть полицейских вместе с женами и детьми. В услугах этих людей они больше не нуждались. Не попавшие под «сокращение» полицейские во главе со своими начальниками Лейкиным и Шмерлингом изо всех сил помогали немцам и в этом деле.

Тридцати тысячам человек — рабочим, лицам, привлеченным для собирания имущества депортированных, остаткам полиции и юденрата — гитлеровцы пока даровали жизнь. Инженер Гольдман, погибший спустя несколько месяцев, писал, что это было скопление людей, происходивших из всех общественных слоев, бросивших свою профессию и ухватившихся за ранее незнакомую им тяжелую физическую работу: врачи делали щетки, учителя шили мундиры и чинили обувь, инженеры работали утюгами, адвокаты стояли у станков. Это были по большей части люди, оторванные от своих семей — мужья без жен, жены без мужей, родители без детей, дети без родителей, — потерявшие дом, ютящиеся в случайных квартирах, оставленных депортированными. При этом одним достались квартиры, полные одежды, белья, продовольствия, другим — грязь и насекомые.

В начале ноября Брандт предложил юденрату открыть магазин, кинотеатр, театр, кабаре. Немцы обещали снова увеличить территорию гетто и выдать продовольственные карточки даже тем, кто уклонился от «переселения» в Трешлинку, они объявили амнистию для скрывающихся на «арийской стороне», если те до 1 декабря вернутся в гетто. Были освобождены люди, находившиеся в тюрьмах и на умшлагплаце. Юденрат известили, что гетто будет оставлено в покое. Поступило даже предписание составить производственный план на период до мая 1943 г.

Варшавское гетто состояло теперь из нескольких частей, разделенных «ничьей землей», пребывание на которой евреям было запрещено под страхом смерти. Там жили «нелегальные», не зарегистрированные властями люди, избежавшие «переселения». Каждый шоп представлял собой теперь самостоятельную изолированную зону. Рабочие жили в казармах, не смея покидать их даже для того, чтобы увидеться с женами и детьми. На работу ходили группами, всегда под охраной. Появляться на улицах в одиночку запрещалось под страхом смерти. В случае неотложной необходимости людям приходилось пробираться от дома к дому крадучись, ежеминутно прячась в подворотнях. Каждый должен был нацепить на грудь бирку с рабочим номером и наименованием предприятия. Зарплата, причитавшаяся рабочим, шла в кассу СС. (За один только месяц таким образом было оприходовано полтора миллиона злотых.) Нарушители дисциплины и заболевшие немедленно отправлялись в Треблинку. Получая по одной-две тарелки супа и по 250–500 граммов хлеба в день, рабочие прирабатывали контрабандной продажей вещей, захваченных в опустевших после «акции» домах.

Всего за время «акции», по данным немецкого генерала Штроопа на 3 октября 1942 г., из Варшавского гетто было вывезено 310 322 человека. Позднейшие подсчеты дали следующие цифры: вывезено 280 000, убито во время «акции» в самом гетто 10 000, бежали на «арийскую сторону» 25 000, спрятались внутри гетто 25 000, получили разрешение остаться 35 633 человека. Уцелевшие были по большей части молодыми, сравнительно крепкими людьми в возрасте от двадцати до сорока лет. Напротив, малолетние дети и глубокие старики были уничтожены почти поголовно. По всему Генерал-губернаторству число убитых евреев достигло к этому времени 1 000 000 человек.

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Все мы — солдаты страшного фронта.

Газета «Ойф дер вах» («На страже»), 20 сентября 1942 г.

«Почему гетто не защищалось?» — спрашивали на «арийской стороне». В антисемитски настроенных кругах популярна была ссылка на непреодолимую трусость евреев. Утверждалось, что любые попытки привлечь их в Сопротивление, помочь вооружением и т.п. бесполезны.

От имени польских ученых-антифашистов профессор Станислав Оссовский предложил Адольфу Берману, перебравшемуся после нескольких побегов с умшлагплаца на «арийскую сторону» и написавшему по свежим следам очерк уничтожения гетто, проанализировать причины пассивности евреев.

Берман указал на царившую в гетто обстановку террора, на неравенство сил, на непонимание евреями намерений оккупантов, что способствовало распространению иллюзий. Люди любой национальности, оказавшись в подобном положении, не могли бы вести себя иначе, утверждал Берман. Деятель Бунда Леон Файнер — «Березовский» отмечал в письме члену польского Национального совета в Лондоне Зигельбойму также и роль юденрата, который просто парализовал активность населения гетто. Сказывалось, конечно, и чувство оторванности от мира, отсутствие надежд на помощь извне.

Михаил Борвич, пытавшийся вскоре после войны проанализировать эту проблему на фоне исследования движения Сопротивления в целом, замечает, что отпор оккупантам, как правило, могла дать та часть населения, которая еще не попала в жернова гитлеровской машины: против отправки в Германию боролись не те, кого уже

отправили туда, а те, кто находился на родине; крестьяне из «усмиряемых районов» героически дрались в партизанских отрядах, но обычно оказывались беспомощными, если враг заставал их в окружении семьи, среди безоружного гражданского населения. Подобная крайне неблагоприятная для борьбы ситуация была для евреев нормой.

Гитлеровцы почти всегда умели нанести удар внезапно и ухитрялись внушить своим жертвам, перед тем как их уничтожить, надежду на пощаду. История уничтожения еврейских гетто в Польше полна примеров такого рода. В некоторых случаях немцы давали обреченным всевозможные справки и пропуска, будто бы гарантирующие право на жизнь, чем создавали иллюзию «привилегированности» и раскалывали население гетто. В одном из провинциальных гетто немцы, начав «акцию» и перебив около тысячи человек, отпустили остальных, заявив, что произошла ошибка. Люди разошлись по домам, вернулись и те, кто успел было скрыться. Тогда гитлеровцы возобновили «акцию» и истребили всех до последнего человека.

Это вероломство, представлявшееся его жертвам виртуозным осуществлением продуманного заранее во всех деталях адского плана, было нередко попросту проявлением жестокой борьбы за власть между гитлеровскими вельможами (и подчиненными им ведомствами), борьбы, в которой вопрос о праве распоряжаться жизнью и имуществом евреев играл не последнюю роль. Так получалось, что Франк, пользовавшийся большим доверием Гитлера, оспаривал право СС учинять облавы на евреев без предварительного согласования с администрацией Генерал-губернаторства, а Гиммлер и его любимец Глобонник, дерзко вторгаясь в пределы компетенции Франка, истребляли и тех евреев, которых гражданские власти намеревались оставить за собой.

Трагический опыт компрометировал в глазах еврейских масс общественную деятельность. Сколько усилий потрачено было на организацию больниц и детских домов, а в результате именно их обитателей отправили в газовые камеры в первую очередь. Как будто те, кто хотел помочь больным и детям, выполнили за немцев работу по сбору в одно место «непроизводительного элемента». Людей, готовых к отчаянному сопротивлению, зачастую сдерживал страх за близких: зная бесчеловечность врага и в то же время не до конца понимая его намерение поголовно истребить евреев, они опасались дать повод для новых жестокостей. Индивидуальные акты сопротивления были малорезультативны, к тому же свидетели этих проявлений человеческого достоинства, как правило, погибали, не успев никому рассказать об увиденном. Такие акты не причиняли врагу ни физического, ни морального ущерба и лишь давали палачам

повод предстать героями перед начальством, получить награду, поощрение и поощрение к новым свершениям в том же роде.

Нельзя сказать, что в Варшавском гетто не предпринимались попытки организовать сопротивление «операции Рейнхард». Вскоре после ее начала, 28 июля 1942 г., активисты различных партий, как входивших в Антифашистский блок, так и других, собрались на совместную конференцию, чтобы решить, что делать. Приглашены были представители подпольного архива, владелец мебельной фабрики Александр Ландау, человек, тесно связанный с Хашомер-Хацаир и посвятивший всего себя и все свои капиталы делу Сопротивления, Ицхок Гитерман, деятель Джойнта, помогавший деньгами движению Сопротивления.

Левартовский и руководители молодежных левых организаций — Цукерман («Антек») и Тененбаум («Тамаров») от Гехалуца, Х.Каплан от Хашомер-Хацаир — напомнили, что евреи в гетто Литвы и Белоруссии уже истреблены, и призвали противодействовать немцам всеми возможными средствами. Их поддержал Гитерман. Однако большинство было за политику выжидания. Бундовец Ожех пространно говорил, что война вступила в решающую фазу и вскоре будет создан второй фронт, что призыв к общему восстанию должен прозвучать, когда силы Германии будут ослаблены. Нужно проявить выдержку и ждать, когда обстановка созреет и польский рабочий класс призовет еврейские массы к совместной решительной борьбе. Без помощи же со стороны польского рабочего движения вооруженная акция не имеет надежды на успех. Оржех говорил: не следует впадать в шовинизм; гибнут не одни евреи, на смерть увезены и тысячи поляков. Это не означает, продолжал он, безропотного подчинения воле гитлеровцев, — надо призвать массы всячески укрываться от депортации.

Киришенбаум заявил от имени партии сионистов, что злодеяния немцев в Литве и Белоруссии не могут повториться в Варшаве. Он, Киришенбаум, уверен, что здесь, в сердце Европы, немцы не решатся на такое. Не будем играть с огнем, не будем забывать о коллективной ответственности и навлекать на себя несчастье...

Самооборона равнозначна гибели, вторил Киришенбауму его товарищ по партии Шипер. Я верю, говорил он, что нам удастся сохранить основную часть гетто. Идет война, все народы несут потери. Мы тоже должны жертвовать кем-то ради спасения нации. Фридман, руководитель крайне правой организации Агуда, воззвал: «Я верю в Бога и верю в чудо. Бог не допустит уничтожения своего народа. Мы обязаны ждать, ждать чуда. Борьба с немцами бессмысленна. Немцы нас перебьют в несколько дней. Я спрашиваю вас, мои друзья, тех, кто верит западным союзникам, почему вы впадаете в

отчаяние? Вы же верите в то, что союзники придут и принесут нам свободу? А вы, друзья, рассчитывающие на революцию и Советский Союз, ведь вы верите, что свободу вам принесет Красная Армия? Так доверьтесь Красной Армии. Дорогие друзья, больше выдержки и веры, и мы будем свободны!»

Демагогические речи перетрусивших вождей еврейского народа произвели убийственное впечатление: слишком велик еще был в глазах молодых людей их авторитет. Представители молодежи ушли с конференции обескураженными.

Большинство населения Варшавского гетто в то время не могло осознать цели гитлеровцев во всем их объеме. Даже тогда, когда стало известно о газовых камерах Трешлики, преобладало мнение, что дело ограничится истреблением «нетрудовых элементов», численность которых определяют в 100–150 тысяч человек, тогда как рабочих и членов их семей 200–250 тысяч. Почти ежедневно распространялся слух, что «акция» немцев идет на убыль и вот-вот закончится. Иллюзии, что «переселение» коснется только «нетрудовых элементов», а остальным ничто не угрожает, были вредны именно потому, что как раз на рабочих в первую очередь и рассчитывали лидеры партий Антифашистского блока в организации сопротивления. Между тем, как мы видели, многие считали, что надо беречь силы для предстоящей в будущем решительной схватки с оккупантами и не следует сейчас бросать наиболее боеспособную часть населения гетто — молодежь и трудоспособных мужчин — на гибель в бессмысленном и безнадежном восстании. На листовки Антифашистского блока, призывавшие к борьбе, нередко смотрели как на немецкую провокацию. Рабочие шопов обычно срывали расклеенные воззвания.

По сути дела, на позиции несопротивления стояли и правые сионисты. Они полагали, что ради спасения еврейского народа надо отказаться от общей антифашистской борьбы, что можно пожертвовать частью еврейского населения (даже очень значительной), лишь бы другая часть (как бы мала она ни была) сохранила шанс пережить войну. С этих позиций легко было оправдать деятельность юденратов, составлявших для гитлеровцев списки своих соплеменников на предмет их уничтожения. Таким образом, правые сионисты не только в какой-то степени оправдывали всевозможных негодяев из среды самих же евреев, но, противопоставляя евреев другим народам, усугубляли их изоляцию. Когда надежды уцелеть развеялись, тем, кто еще мог преодолеть страх и тупую покорность, стали напоминать о традициях ортодоксального иудаизма, согласно которым «смерть за веру» — это в конечном счете победа над грубой силой врага. По сути дела, эти традиции служили самооправданием

для людей слабых духом, пассивных, не способных на энергичные действия.

Молодежный актив решил выступить самостоятельно. Хотели поджечь шопы, перебить часовых и патруль СС, проломить в нескольких местах стену гетто и бежать на «арийскую сторону». Однако осуществить эти планы было невозможно, и в первую очередь из-за нехватки оружия — на 18 августа боевые группы Варшавского гетто имели только один не очень исправный револьвер. Генрик Котлицкий принес его с «арийской стороны» и через Гитлер-Барского передал командиру Гвардии Людовой в Варшавском гетто Густаву Алефу. Партия оружия — девять револьверов и пять гранат, собранная для Варшавского гетто поляками — членами ППР, попала в руки гестапо. К тому же боевые группы, принадлежавшие к разным политическим направлениям, пока еще действовали независимо друг от друга и, поддерживая дружеские контакты, не имели общего руководства. Так что на первых порах все ограничилось поджогом нескольких шопов и расклейкой на стенах полицейских комиссариатов плакатов «Смерть еврейским полицейским, которые помогли немцам перебить 200 000 собратьев!»

В первой половине августа коммунисты (Левартовский) и левые сионисты, встретившись на конференции на фабрике Ландау, договорились приступить к вербовке в партизанские отряды людей с «арийской внешностью», без акцента говорящих по-польски. Нескольким таким группам молодежи действительно удалось выбраться из гетто и уйти к партизанам. Однако из-за недостаточной подготовленности и слабой связи с польскими партизанскими отрядами и местным населением еврейские партизанские группы погибали одна за другой сразу же по выходе из гетто. Как правило, даже не желавшие иметь дело с немцами крестьяне очень неохотно помогали евреям. Реквизиции же, к которым неизбежно приходилось прибегать еврейским партизанам, а также акты возмездия за доносы (поджог стогов, сараев и т.д.) вызвали страшное озлобление крестьян. «Еврейское партизанское движение не имело возможности развиваться, — пишет одна из активных участниц польского движения Сопротивления Гелена Балицка-Козловска. — Отряды, которым крестьянин неохотно дает хлеб, которые не находят помощи ни у деревенского ребенка, ни у рабочего в лесу, не могут просуществовать долго. Почти все боевики погибли, перебитые немцами или элементами из НСЗ» (Народовые Силы Збройне — ультраправая организация). Историк Моше Каганович подчеркивает, что евреям — испокон веков обитателям городов — трудно было обосноваться и выжить в суровых условиях леса, особенно зимой. Немцы и их сообщники из местного населения чувствовали себя в лесах намного

лучше. Единственным выходом для еврейских партизан было влиться в польские партизанские отряды. Но к тому времени, когда на польских землях развернулось широкое партизанское движение, почти все вырвавшиеся из гетто евреи уже были перебиты.

Однако позже уцелевшие евреи находили себе место в отрядах Гвардии Людовой и Армии Людовой, а некоторые из них, как, например, командир первой группы ГЛ в Варшавском гетто Густав Алеф — «Болковяк», стали крупными партизанскими командирами.

В Варшавском гетто тем временем боевые группы; создаваемые разными политическими организациями, стали сотрудничать — делиться опытом, планами и скудным вооружением. Молодежные организации Хашомер-Хацаир, Дрор, Гордония и Акиба создали объединенную боевую организацию, которая, в свою очередь, поддерживала связь с Гвардией Людовой. ГЛ одолжила боевикам Акибы свой единственный пистолет, и 20 августа Израиль Канал ранил из этого пистолета начальника еврейской полиции Юзефа Шериньского. Немцы не реагировали на покушение (посчитав, что это проявление борьбы между евреями), а подавляющая масса населения находилась в оцепенении и сначала было поверила слухам, распускавшимся юденратом и полицией, будто выстрел в Шериньского был произведен переодетым поляком.

Постепенно настроения в гетто стали меняться. Учащались случаи стихийного отпора, появлявшиеся листовки уже не считали немецкой провокацией. Евреи начали запирались от нацистских палачей в домах, баррикадировали входы, хотя это неизменно заканчивалось поголовным истреблением бунтарей. Передавали, что один еврей схватил немца за горло, другой вырвал у фашиста карабин. Группа обитателей гетто напала на еврейскую полицию. Бывший директор театра Северин Майде ударил пришедшего за ним немца по голове пепельницей (и был, конечно, тут же застрелен). Сопrotивлялись и на умшлагплаце, прямо у готовых к погрузке вагонов. Гитлеровцам все чаще приходилось пускать в ход оружие. Польский инженер Круликовский, работавший на восстановлении моста через Буг, по которому ежедневно шли на Треблинку эшелоны с евреями, рассказывает, что люди постоянно выскакивали из вагонов, конвой открывал стрельбу, и немцы, охранявшие мост, уходили в сторону, чтобы не попасть под шальную пулю.

Многим евреям, воспользовавшись растерянностью охраны, удалось бежать с умшлагплаца во время налетов на Варшаву советской авиации. Воздушные налеты вообще заметно подняли дух варшавских евреев.

Есть сведения, что около половины из 10 000 человек, убитых во время «переселения» летом 1942 г., оказывали сопротивление при

аресте. Однако неповиновение решительно и безжалостно пресекалось гитлеровцами и на общий ход «акции» не влияло.

Когда «переселенческая акция» была приостановлена и люди уже не были парализованы страхом, гетто охватило чувство сожаления и стыда за то, что евреи безропотно позволили себя истреблять. Тут и там восклицали: «Если бы мы знали!», с энтузиазмом рассказывали об актах индивидуального сопротивления, возмущались юденратом, который не протестовал, не призвал население к борьбе или даже к коллективному самоубийству, а услужливо выполнял чудовищные распоряжения оккупантов. Все больше говорили о сопротивлении в гетто других городов Польши, о еврейских партизанах, о боевых акциях Армии Крайовой и Гвардии Людовой, в которых евреи принимали участие. За подготовку вооруженного сопротивления теперь ратовали все без исключения общественные деятели гетто.

Когда стали анализировать потери, понесенные Варшавским гетто, оказалось, что политический и общественный актив пострадал значительно меньше, чем неорганизованная часть населения. Такие качества, как сплоченность, взаимовыручка, бдительность, умение ориентироваться в ситуации, быстрота и решительность действий, помогали активисту избежать опасности, в то время как рядовой обыватель пассивно ожидал своей участи или панически мчался навстречу гибели. Так, целая группа «шомров» — членов Хашомер-Хацаир — сумела выскочить по дороге в Трешлинку из вагона и вернуться в гетто. Немного позже эти смельчаки отличились в вооруженной борьбе против фашистов.

29 октября боевики Ружаньский, Гровер и Эмилия Ландау (дочь погибшего к тому времени фабриканта Ландау) убили Якуба Лейкина, замещавшего Шериньского на посту начальника еврейской полиции. На стенах домов появились листовки о том, что Лейкин был казнен за сотрудничество с оккупантами во исполнение приговора, вынесенного членам юденрата, еврейской полиции, веркшютца и руководителям шопов. Акты возмездия, говорилось далее, будут продолжаться. Через месяц боевики Шульман, Браудо и Кранштейн застрелили руководителя экономического отдела юденрата Израила Фюрста, доверенного человека СС и гестапо.

В течение октября–ноября партии, вошедшие весной в Антифашистский блок, создали общий орган — Еврейский национальный комитет — ЖКН («Жидовски Комитет Народовы»). Поначалу представители молодежных организаций Мордехай Анелевич, Ицхак Цукерман и Арье Вильнер не соглашались с созданием наряду с военным командованием еще и политического руководства, так как боялись, что «политики» снова, как и во время «большой акции»,

связжут боевую организацию по рукам и ногам. Однако Герш Берлинский и Поля Эльстер, представлявшие Поале-Сион Левицу, настояли на создании органа политического руководства.

Удалось — не без содействия Главного командования Армии Крайовой — преодолеть тактические разногласия с Бундом и сформировать из представителей Бунда и ЖКН Еврейскую координационную комиссию — ЖКК. Боевые группы партий, поддерживавших ЖКК, слились в единую Еврейскую боевую организацию — ЖОБ («Жидовска Организация Бойова»). Вошла в ЖОБ и Гордония — молодежная организация сионистской Партии труда (Хитахдут), не принадлежавшей к ЖКН.

Правая политическая группировка «сионистов-ревизионистов» долгое время держалась в стороне от единого фронта антифашистских партий Варшавского гетто. (Интересно, что в других городах Польши сионисты-ревизионисты участвовали в еврейских боевых организациях.) Некоторые из видных сионистов-ревизионистов в свое время даже сотрудничали с «Тринадцатью» Ганцвайха. Сдвиг в их позиции произошел после лета 1942 г. В августе группа молодежи, примыкавшей к сионистам-ревизионистам, вырвалась с помощью представителей Гвардии Людовой в леса под Люблином, где сражалась вместе с польскими партизанами. Спустя несколько месяцев некоторые члены этой группы вернулись в гетто и объединились с организацией бывших солдат и офицеров во главе с Давидом Апфельбаумом. (Организация Апфельбаума существовала с 1939 г., называлась первоначально «Свет» и была в 1942 г. преобразована в Еврейский союз борьбы.) Возникла новая организация — «Союз мести», вскоре влившаяся в ЖОБ.

Вожакам «Союза мести» претили партийный дух, пронизывавший всю деятельность ЖОБ, предъявляемые к боевикам идейные требования, строгая дисциплина. Уже к началу 1943 г. «Союз мести» откололся от ЖОБ и принял наименование Еврейский военный союз — ЖЗВ («Жидовски Звёнзек Военны»). В противоположность ЖОБ, стремившейся создать федерацию отрядов, сплоченных единым мировоззрением и политической программой, ЖЗВ провозгласил принцип широкого объединения всех, кто готов сражаться. Поэтому в ЖЗВ оказалось, в частности, немало контрабандистов, которым был закрыт доступ в ЖОБ. Руководящие посты в ЖЗВ заняли сионисты-ревизионисты.

Командующим («комендантом») ЖОБ стал Мордехай Анелевич. Это был молодой человек двадцати четырех лет, среднего роста, с узким бледным лицом. Таким его запомнил Эмануэль Рингельблюм, у которого Анелевич часто брал книги по истории. Активный деятель Хашомер-Хацаир с довоенных лет, член руководства этой ор-

ганизации, Анелевич в гетто вначале занимался культурно-просветительской работой. У себя на квартире в доме № 8 на улице Лешно он держал радиоприемник и, регулярно слушая сводки с фронтов, передавал информацию в бюллетень, ежедневно издававшийся в гетто на трех страницах. Анелевич готов был пожертвовать всем, чтобы выручить кого-либо из арестованных. Еще до начала «операции Рейнхард» он понял, какая судьба ждет гетто, и решил посвятить себя активной борьбе. Научные кружки и семинары для него более не существовали, он жалел, что потратил три года на культурно-просветительскую работу. «Мы не поняли новой гитлеровской эпохи», — говорил Анелевич.

Устав ЖОБ был подписан в ночь на 2 декабря 1942 г. Кроме Анелевича в штаб вошли: его давний друг коммунист Михал Розенфельд; член партии Поале-Сион Левица, бежавший в 1939 г. из немецкого лагеря, лодзинский рабочий Герш Берлинский; халуц Ицхак Цукерман — «Антек»; бундовец Марек Эдельман.

ЖОБ и ЖЗВ наладили связь с польскими организациями Сопротивления, получали от них оружие и взрывчатку.

Руководители ЖЗВ имели старые контакты с польскими военными организациями «Корпус безопасности» (КБ) и «Польское народное движение за независимость» (ПЛАН), от которых получали оружие в довольно значительных количествах, в том числе и пулеметы. Для переброски оружия были прорыты тоннели на «арийскую сторону». Один из таких тоннелей, длиной в 50 метров, был выложен одеялами, заглушавшими шаги. Командующий ПЛАН капитан Цезарий Кетлинг лично побывал в Варшавском гетто и познакомился с военными приготовлениями ЖЗВ. В феврале и марте 1943 г. ЖЗВ провел целый ряд удачных покушений на агентов гестапо и эсэсовцев.

ЖОБ получала значительно меньше оружия, так как Армия Крайова, с которой ЖОБ была связана, относилась к намерениям евреев все еще скептически, несмотря на настояния горячего сторонника польско-еврейского сотрудничества Генрика Волиньского — «Вацлава», референта по еврейским делам при Главном командовании АК. У Гвардии же Людовой оружия было мало (на декабрь 1942 г. ГЛ имела в Варшаве 13 пистолетов и 17 гранат).

По мере сил помогали антифашистам гетто Социалистическая боевая организация (СОБ), возглавляемая Лешеком Раабе, и примыкавшая к АК молодежная организация «Серые шеренги», в рядах которой выделялся дружеским расположением к евреям Александр Каминьский. Командующий АК Стефан Ровецкий с некоторым оттенком обиды извещал Сикорского о том, что «евреи из различных коммунистических групп (АК подозревала все партии гетто, входив-

шие в ЖКК, в прокоммунистических настроениях. — В.А.) просят у АК оружия, как будто бы у нас его полные склады». Ровецкий добавлял, что дал евреям «на пробу» несколько pistols, хотя и не уверен, что они будут использованы. Действительно, в декабре ЖОБ получила от АК 10 pistols, в январе — 49 pistols и 50 гранат.

Некоторое количество оружия удалось приобрести у итальянских солдат. Вооружение и боеприпасы для еврейских подпольщиков нелегально изготавливались и на шопах. Впоследствии эсэсовский генерал Штрооп жаловался, что обнаружил на военных заводах в гетто полный хаос: все производство находилось в ведении евреев, которые имели полную возможность производить для себя различное оружие, особенно ручные гранаты и «коктейли Молотова» (бутылки с горючей смесью). Ручные гранаты, бутылки с зажигательной смесью и мины изготавливались также в тайных мастерских гетто. Самодельным порохом или смесью серы с динамитом наполнялись электролампы, заготавливались банки с кислотой. Очень эффективными впоследствии оказались самодельные ручные гранаты из запаянных отрезков стальных труб.

Среди представителей ЖКК постоянно шли споры о тактике борьбы. Было ясно, что нужно драться, если немцы возобновят «акцию по ликвидации» гетто. Но как поступить, если фашисты решат вывезти из гетто сотню-другую человек? Начинать ли в таком случае восстание, ставя под удар все население, или выждать и продолжать подготовку к вооруженной борьбе? А как поступить, если немцы возьмут тысячу человек? В конце концов руководители боевой организации решили, что не позволят немцам вывезти ни одного человека. «Вы берете на себя ответственность за судьбу всего населения гетто», — говорили им колеблющиеся. А колеблющихся было много. Некоторые из них, главным образом относящиеся к инженерно-техническому персоналу шопов, пытались уверить себя и других, что максимальное повышение производительности труда может спасти евреев от гибели как «полезный для военного производства» элемент. Другие полагали, что гитлеровцам важно сохранить хотя бы видимость существования гетто во избежание международных осложнений.

К концу 1942 — началу 1943 г., когда на фронтах произошел решительный перелом в пользу антифашистской коалиции, резко активизировалось Сопротивление и в оккупированной Польше. В восточных районах Генерал-губернаторства — на Замойщине — против гитлеровцев, принявших было «очищать» территорию от местного населения, выступили с оружием в руках партизанские отряды ГЛ, АК и БХ («Крестьянские батальоны» — массовая военная орга-

низация крестьянской партии «Строництво Людове»). Ряд смелых налетов на нацистов совершила в Варшаве Г.Л. Перешла к крупным диверсионным актам АК. Возбешенные гитлеровцы в первые недели 1943 г. организовали по всей Варшаве облавы, хватая тысячи людей на улицах, в жилищах и даже в костелах.

В начале января под усиленной охраной — по две бронемашины спереди и сзади — Варшаву посетил Гиммлер. Объехав гетто, рейхсфюрер выразил крайнее недовольство тем, что не выполняется его приказ от 9 октября 1942 г. о переселении еврейских специалистов в концлагеря. Усмотрев в этом злостный саботаж со стороны немецких фабрикантов, наживавшихся на дешевом труде евреев и забывших о высших идеалах, Гиммлер пригрозил им отправкой на фронт. Благоприятное впечатление на рейхсфюрера произвел один лишь Франц Конрад, руководитель «вертэрфассунг» — ведомства, занимавшегося сбором еврейского имущества.

Согласно указаниям Гиммлера, эвакуация гетто должна была начаться немедленно, с тем, чтобы к середине февраля вывезти около 25 000 человек. Полковник Фердинанд фон Заммерн, комендант СС и полиции в Варшаве, при соблюдении строжайшей секретности назначил «акцию» на 18 января. Даже немецкая охрана и руководство заводов в гетто не были предупреждены.

Ранним утром 200 немецких жандармов и 800 латышских и литовских эсэсовцев вместе с польской полицией отправились в гетто на облаву и приступили к блокаде отдельных домов. Для участия в «акции» прибыл и комендант Треблинки Эйпен. На умшлагплаце он собственноручно застрелил 24 человека, затем пообедал и убил еще двоих евреев, прислуживавших ему за столом.

Персонал еврейского госпиталя, предупрежденный доброжелателями за несколько часов до начала событий, спрятав ходячих больных за шкафами и в различных каморках, укрылся в подготовленном бункере. Немцы стали было обыскивать помещения, но интендант госпиталя доктор Штабхольц предупредил их, что там принимали тифозных больных. Гитлеровцы поспешили ретироваться, перед уходом прямо в постелях перестреляв всех лежащих больных.

Новая немецкая «акция» застала население гетто врасплох. Возвращавшихся с работы плацувкаржей задерживали в воротах и отправляли на умшлагплац. Штаб ЖОБ, готовивший большую демонстрацию на 22 января (полгода со дня начала «операции Рейнхард» в Варшаве), теперь едва успел опубликовать листовку с коротким призывом к сопротивлению. Ее текст гласил: «Евреи! Оккупанты начали второй акт уничтожения. Не идите на смерть без сопротивления! Сопротивляйтесь! Берите в руки топор, лом, нож, запирайте

дома! Пусть берут вас силой! В борьбе у вас еще есть возможность уцелеть. Боритесь!»

Пятьдесят боевых групп — «шестерок», которыми располагала ЖОБ, оказались разбросанными по разным районам гетто, далеко друг от друга, без общего плана действий. К тому же они были плохо вооружены. Например, три боевые группы в районе улиц Лешно, Новополе и Смоча имели на всех только два пистолета и одну ручную гранату (ею был вооружен Израиль Канал, стрелявший 20 августа в Шериньского). Совершенно недостаточно было патронов. Тем не менее фашисты сразу же встретили сопротивление.

Группа Ицхака Цукермана открыла огонь по гитлеровцам с крыш домов на улицах Заменгофа и Мурановской. Первую гранату бросила Эмилия Ландау, погибшая вскоре в завязавшейся схватке. В подворотнях, на лестницах, в узких коридорах и подвалах боевики ЖОБ во главе с Анелевичем, Цукерманом, Артштейном бросались на гитлеровцев с гранатами, бутылками, банками с серной кислотой, с топорами, ножами, ломami и кастетами, швыряли булыжники. Анелевич с товарищами в первый же день «акции» разоружил немецкого жандарма, а на следующий день возглавил нападение на конвой, этапировавший колонну евреев на умшлагплац. Под градом пуль и гранат немцы бежали, бросая оружие. Подоспевшее на помощь гитлеровцам подкрепление запалило дом, где забаррикадировался комендант ЖОБ. Анелевич чудом выбрался из горящего здания.

На третий день «акции» гитлеровцы уже не рисковали входить в дома и подвалы и посылали туда еврейских полицейских. Если в первый день нацистам удалось схватить для «переселения» 3000 человек, то на второй день — уже вдвое меньше, а на третий — только несколько сот. За три дня гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными 60 человек. Гетто напоминало настоящее поле боя: по улицам разъезжали танки и полевая артиллерия, дымились полевые кухни, солдаты оборудовали огневые точки. На Мурановской площади, где расположился немецкий штаб, стояли столы с разложенными планами, подъезжали и отъезжали связные на мотоциклах и велосипедах.

Отпор, полученный в гетто, стал неожиданностью для немцев. Облава превратилась в серьезную боевую операцию, к которой Замерн и его люди не были готовы. К вечеру 21 января он прервал «акцию» и, объявив о своей победе, вывел войска из гетто. Командующий Варшавским округом ГЛ Болеслав Ковальский — «Ришард» объявил накануне боевую тревогу в гетто. Ударные группы ГЛ собирались вступить в бой, но не успели из-за прекращения военных действий.

Январская оборона подняла авторитет ЖОБ. События убедили людей, что с немцами можно сражаться, что их можно заставить отступить. Польское подполье охватило энтузиазм. Нелегальная печать тиражировала преувеличенные слухи о сотнях убитых немцев, о подбитых танках.

Главное командование АК под нажимом общественного мнения, Еврейского отдела при Главном командовании АК, Бюро пропаганды и информации АК и таких организаций, как Совет помощи евреям, «Серые шеренги», «Кедив», все более склонялось к действительному сотрудничеству с антифашистами гетто. «Информационный бюллетень» АК писал, что «эхо выстрелов и взрывов, которое разлетелось в середине января в Варшавском гетто, нашло отзвук по всей Польше. Польское общество с признательностью встретило это доказательство решимости и мужественной воли к сопротивлению». Январские бои убедили командующего АК генерала Стефана Ровецкого — «Грота» и командующего Варшавским округом АК полковника Антони Хрущеля — «Монтера» в том, что оружие, переданное евреям, не останется неиспользованным. В феврале 1943 г. «Грот» отдал приказ по всей стране оказывать помощь жителям гетто в вооруженном сопротивлении немцам. В провинции, впрочем, командиры АК, как правило, саботировали это распоряжение. Да и в самой Варшаве офицеры АК не стеснялись говорить боевикам ЖОБ в глаза, что помогают им скрепя сердце только из политических соображений. Об этом докладывал референт по еврейским делам при Главном командовании АК Генрик Волиньский — «Закшевский»: «Евреи мне говорили не раз, что офицеры Конара (Хрущеля — «Монтера». — В.А.) очень любили и уважали «Юрека» (Арье Вильнер, представитель ЖОБ на «арийской стороне» до дня ареста — 6 марта 1943 г. — В.А.), но без нужды говорили ему о своей недоброжелательности и недоверии к евреям, что тот болезненно переживал. Например, в присутствии эскорта из наших людей, который под руководством Юрека переносил оружие в гетто, офицеры, выполнявшие приказ — они точно и отважно провели эскорт и сдали оружие за стенами гетто, — высказывали отрицательное отношение к евреям».

Антисемиты старались взбунтовать наиболее отсталую часть солдатской массы АК против «юдофильской» политики ее руководства. Орган крайне правой организации «Меч и плуг» «Политика» выступил против «попыток еврейской пропаганды» вызвать ради спасения остатков гетто польское восстание, которое отвлекло бы внимание немцев от еврейской проблемы и могло бы «стать началом немецко-еврейского сближения (!)».

В ходе январских боев ЖОБ потеряла много людей. (В январе 1943 г. в Варшавском гетто был застрелен 1171 человек против 65 человек в декабре 1942 г. и 118 в феврале 1943 г. Цифру в 1000 убитых во время январской «акции» дает и Рингельблум.) Из 50 боевых групп ЖОБ уцелело лишь 22. Среди погибших были Ицхок Гитерман и участник покушения на Лейкина 29 октября 1942 г. Элиаш Ружаньский. Однако, несмотря на большие потери, боевая организация стала фактическим хозяином в гетто. Теперь можно было практически беспрепятственно готовить территорию к новой обороне — создавать укрепленные позиции, склады, укрытия, минировать отдельные участки. Появилась возможность заняться кардинальной очисткой гетто от коллаборационистов и предателей.

Массовый характер приобрело строительство подземных укрытий («бункеров»), начавшееся еще с середины 1942 г. (Тогда это делалось под предлогом создания бомбоубежищ ввиду участвовавших воздушных налетов на глубокие немецкие тылы.) По ночам гетто наполняли звуки пил, стук молотков и кирок. Повсюду откачивали воду, свозили кирпичи. «Неистово рыли штольни, — вспоминает член ЖОБ Божиковский. — Днем евреи собирали в развалинах домов доски, камни и другой строительный материал, ночью же шла стройка. По мере наших сил, способностей и находчивости мы создавали бункеры максимально возможной прочности и в то же время с известным комфортом. Нам приходилось рыть как можно глубже и хорошо маскировать вход. Большинство бункеров имело по несколько выходов, чтобы можно было ускользнуть, если немцы откроют один из них».

В течение нескольких месяцев вырос настоящий подземный город, о подлинных размерах которого немцы не имели даже отдаленного представления. Отдельные помещения соединялись подземными и наземными (через стены, чердаки, крыши) ходами, получившими ироническое наименование «еврейской автострады спасения». Эти коммуникации связывали между собой и разные районы гетто, которые гитлеровцы после «акции» 1942 г. старались изолировать друг от друга. Важное значение имели тоннели на «арийскую сторону».

Создавались укрытия для людей, для складов продовольствия и запасов воды. Некоторые бункеры имели принудительную вентиляцию, уборные, ванны, газопровод, электричество, радио. Инженер Гольдман сконструировал для группы инженерно-технических работников щеточной фабрики подземелье площадью в 64 кв. м, высотой три метра, с отдельными помещениями для гостиной, спальни, склада, кухни с электроплитками и печью на каменном угле. Вода подавалась от двух водоразборных колонок, кроме того был вырыт колодец и поставлена помпа. Электричество поступало от городской

сети через два самостоятельных трансформатора, дополнительный кабель был подключен к городской сети на «арийской стороне», независимо от энергосистемы гетто. Была поставлена и динамо-машина на шесть ватт с ручным приводом. Наряду с электрическим вентилятором была оборудована система естественных воздушных каналов. Бункер находился под двором, вход в него из подвала дома закрывала подвижная стена весом в две тонны.

Конечно, справиться с таким объемом работ было по силам только людям, имевшим в своем распоряжении достаточно рабочей силы и материалов (Гольдман, например, занимал видный административный пост на немецком заводе). Каждый из трех десятков человек, для которых Гольдман строил бункер, внес в качестве пая 10 000 злотых. Основная же масса укрытий строилась беднотой. Это были тесные норы, в которых едва можно было шевельнуться.

ЖОБ и ЖЗВ строили укрепленные позиции с железобетонными стенами и крышами, оборудовали их бойницами и нишами для боеприпасов. Только после январских сражений боевики гетто в полной мере оценили значение подземных бункеров. До этого многие из них считали позорным прятаться под землей, мечтая о схватке с врагом на улице — «лицом к лицу».

Боевая организация быстро пополнила свои поредевшие в январе шеренги. Учитывая первый боевой опыт, командование наладило связь между секторами гетто и боевыми группами, организовало продовольственное снабжение (в дни январской обороны большинство боевиков голодало). Все бойцы ЖОБ были переведены на казарменное положение. У ворот и днем и ночью выставлялись посты.

11 февраля боевики ЖЗВ застрелили эсэсовца, через неделю — двух немецких жандармов. Комендант умшлагплаца Шмерлинг избежал возмездия только потому, что сломал ногу и не показывался на улице. Десятки агентов гестапо поплатились жизнью. Тех, кто сотрудничал с немцами, охватила паника, еврейская полиция попряталась. (Впрочем, и в ее рядах нашлись люди, связавшиеся с боевой организацией и снабжавшие штаб ЖОБ ценной информацией.) Потухли и всевозможные шантажисты и вымогатели.

21 февраля боевики ЖЗВ захватили пятерых шпииков на квартире в районе щеточной фабрики. После проверки документов четверо негодяев были расстреляны, пятому — Скоковскому — удалось раненному уйти на «арийскую сторону», где он был обнаружен и убит только несколько месяцев спустя. У себя дома был застрелен давний немецкий шпион Альфред Носсиг, регулярно посылавший из гетто немецким органам безопасности рапорты, убиты агенты Фюрстен-

берг, Вайнтрауб, отец и сын Пружанские, Элиаш, Адерс, Пик, Бжезиньский, Небель, веркшютц Пат, Зингер.

Оповещения о приведенных в исполнение приговорах расклеивались на улицах гетто. В одном из них, датированном 3 марта 1943 г., ЖОБ после перечисления ликвидированных предателей объявляла, что «обладает исчерпывающими списками всех, кто, оставаясь на службе у немцев, забыл, что является евреем и человеком. Боевая организация предостерегает всех этих негодяев: если они немедленно не прекратят своей позорной деятельности, все они будут расстреляны! Всем офицерам и работникам Службы порядка (еврейской полиции. — В.А.) делается предупреждение, чтобы они не мешали деятельности ячеек Боевой организации. Пусть они помнят, что от пули боевиков их не уберезет ни обербандит Брандт, ни бункер, ни бегство на так называемую арийскую сторону. Предупреждаются все директора шопов в гетто и вне гетто, чтобы они не агитировали и не уговаривали рабочих выехать добровольно. Евреи! Немецкие бандиты не оставят нас надолго в покое. Поэтому мы призываем вас сплотиться под знаменем борьбы и Сопротивления. Прячьте ваших жен и детей, а сами поднимайтесь на борьбу против гитлеровцев кто с чем может. Еврейская Боевая организация рассчитывает на вашу полную моральную и материальную поддержку».

Оружия по-прежнему не хватало. Анелевич, не скрывая горечи, писал 13 марта руководителям Делегатуры и АК: «Положение ухудшается с часу на час. Ближайшие дни могут стать последними для Варшавского гетто. Готовы ли мы? В материальном отношении — очень плохо. Из 49 выделенных нам пистолетов можно использовать только 36, так как боеприпасов не хватает. Наши запасы уменьшились после многочисленных акций, проведенных за последние недели, в ходе которых мы истратили много боеприпасов. В настоящее время на единицу оружия у нас приходится чуть более десяти патронов. Положение катастрофическое».

Требовались деньги. На черном рынке пистолет стоил тогда 10–15 тысяч злотых, патрон — 60–120 злотых. Недешево обходилось содержание боевиков в казармах. Боевые организации стали взимать поборы с толстосумов — предпринимателей и спекулянтов, совладельцев шопов, руководителей рабочих колонн — Аполиона, Ротштайна, Нойфельда, Шенберга и других. Нередко боевики ЖОБ отбирали необходимые суммы силой, а тех, кто скрывал свои капиталы, арестовывали. Одна свидетельница событий, беспокоившаяся, не являются ли экспроприации ЖОБ и ЖЗВ обычными грабежами, пишет (женщина эта погибла, но записки ее сохранились), что сомнения рассеялись после того, как однажды боевики, выяснив

имущественное положение арестованного ими ремесленника, отпустили его и вернули конфискованные было 8000 злотых.

В ночь на 30 января 1943 г. боевики ЖОБ во главе с членом штаба Гершем Берлинским совершили налет на кассу юденрата. Они обезоружили и связали охрану и забрали 150 000 злотых. В феврале Израиль Канал, Берлинский, Артштейн и другие среди бела дня экспроприировали в банке 100 000 злотых. Немного позже в юденрате было взято еще 710 000. Немецкая и польская полиция, услышав выстрелы, уже не спешила на место происшествия. Однажды польской полиции удалось захватить транспорт ЖОБ с деньгами и оружием. Немедленно явились подкрепления ЖОБ из боевой группы Артштейна. Они окружили полицейских в здании банка, оборвали телефонную связь, и полицейским пришлось вернуть добычу. В то же время ЖОБ и ЖЗВ объявили беспощадную войну еврейским и польским уголовникам, которые, занимаясь грабежом, нередко выдавали себя за боевиков подпольных организаций.

Средства, добытые боевыми организациями, расходовались и на общественные нужды в самом широком смысле. Очевидцы рассказывают, как на вечер поэта Шленгеля, весь сбор от которого предназначался беднякам гетто, ворвалась пятерка вооруженных боевиков в масках. Приказав всем поднять руки и повернуться к стене, боевики провозгласили: «Еврейский военный союз жертвует для бедняков 10 000 злотых, которые и вручает г-ну Шленгелю». После этого они немедленно скрылись. Конечно, отмечала одна из свидетельниц происшествия, деньги можно было бы передать и другим, менее эффектным способом, но тогда эта сцена вызвала восторг в сердцах присутствующих в зале.

Появившийся в это время после долгого отсутствия основатель «Тринадцати» Абрам Ганцвайх объявил о создании еще одной военной организации — «Польской боевой организации», ПОБ, командующим которой стал капитан Юзеф Левицкий — «Ленцкий». В листовках, подписанных Ленцким, говорилось, что отмщение немцам близится, мужчины должны быть наготове, так как час пробьет не сегодня-завтра; надлежащий момент, правда, еще не наступил, но время, к сожалению не терпит и дальнейшее промедление равнозначно гибели последней горстки еще уцелевших евреев. ЖОБ и ЖЗВ усмотрели в деятельности ПОБ гестаповскую провокацию, имевшую целью вызвать бойцов Сопротивления на преждевременное выступление. Некто Шайн, сотрудничавший с Ганцвайхом, стал выпускать газету «Жагев» («Факел»), название которой истолковывали как начальные буквы слов «Еврейская гвардия свободы» («Жидовска Гвардия Вольносци»). Газета изобиловала ультралевыми лозунгами, призывами к восстанию. Ни ПОБ, ни «Жагев» не

нашли отклика в гетто, почти все (59 из 60) сотрудники газеты Шайна и он сам были убиты боевиками ЖЗВ.

Гитлеровцы уже давно отмечали, что Варшавское гетто превращается в «гнездо разложения и бунта». В феврале Гиммлер распорядился приступить к полной ликвидации Варшавского гетто и к переводу его обитателей в концлагеря Люблинского дистрикта. Понимая, что депортация вызовет большие трудности, немцы на первых порах прибегли к разного рода маневрам. Фабриканты во главе с Теббенсом пытались уговорить евреев поехать добровольно. Восемь мастеров-евреев, специально привезенных из Люблина, расхваливали условия, якобы ожидавшие там «переселенцев». Им вторила еврейская администрация фабрик. Но на этот раз ЖОБ и ЖЗВ сорвали планы гитлеровцев. Боевики открыто, на глазах у всех, расправились с изменниками, жестоко избили люблинских «пропагандистов», застрелили директора, помогавшего Теббенсу агитировать, и освободили шестьдесят рабочих, отправленных на умышлаг-плац под конвоем трех десятков немцев. Перепуганная охрана не оказала сопротивления. ЖОБ также подожгла склады и фабричные здания. Лишь немногие рабочие теперь подчинялись указанию покинуть гетто, и немцы выводили их украдкой, опасаясь налета боевиков.

Анелевич в эти дни разговорился на улице со случайным встречным. Прощупывая собеседника, комендант ЖОБ стал говорить о том, что по всей стране немцы уничтожают гетто, что скоро придет конец и евреям в Варшаве. «Что за конец! — услышал он в ответ. — Того, что было, больше не будет. Нас больше не поведут, как быдло, на смерть». — «А что вы сделаете, если за вами придут?» — «Что сделаю?.. Соберемся, возьмем топоры, ломы, молотки, уйдем в подвал или забаррикадируемся в квартире: пусть приходят. И если кто из них сунет голову в комнату, — тот мой. Десять из них падет от моего топора, пусть я буду одиннадцатым. Как раньше, нас уже не возьмут».

Такие настроения в гетто не были единичными. Другой случайный собеседник говорил Анелевичу то же самое: «Что значит, нас возьмут? Нет, так легко это у них уже не выйдет, запремся в домах, забаррикадируем ворота, вооружимся топорами, и пусть нас берут. Пусть бьют гранатами, бомбами, подкладывают мины и динамит. А как только кто-нибудь из них войдет внутрь — от нас живым не выйдет. Если гибнуть, то как люди, а не как овцы в стаде». Анелевич почувствовал, что люди в гетто преобразились, и в значительной мере благодаря деятельности подпольных организаций.

13 марта боевики ЖОБ напали на группу немцев, грабивших дома на улице Милой. Одного из грабителей — офицера люфтваффе

(военной авиации) — застрелили. Сразу же начались нападения на гитлеровцев по всему гетто. Рудольф Брандт вызвал отряд СС, который в целях усмирения перебил около 200 первых подвернувшихся под руку человек.

События 13 марта стали новым тревожным сигналом для гитлеровцев. Теббенс, назначенный комиссаром по «переселению», попытался вступить в переговоры с ЖОБ и развернул публичную полемику с подпольем. В воззваниях за своей подписью он уверял, что еврейские рабочие, «депортированные» в последнее время, живы и здоровы. «Еврейские рабочие военных заводов! — взывал фабрикант. — Не верьте тем, кто хочет сбить вас с толку... Отправляйтесь в Травники и Понятово. Там вы сможете жить до конца войны. Вожаки ЖОБ вам помочь не могут. Положитесь лучше на руководителей немецких предприятий».

Однако евреи уже больше не верили таким призывам. Председатель юденрата Марек Лихтенбаум, выслушав выговор своего немецкого начальства по поводу недопустимого положения в гетто, отвечал: «Власть в гетто не в моих руках. Здесь правят другие». «В гетто остались закоренелые бандиты, — говорил Брандт. — С ними нужен другой язык».

Именно в эти дни Рингельблум и его товарищи закопали материалы подпольного архива за вторую половину 1942 и начало 1943 г. Эта часть архива была извлечена из-под развалин гетто в декабре 1950 г.

БУНТ ОБРЕЧЕННЫХ

*То, что мы пережили, превзошло самые смелые наши надежды...
Я видел Сопротивление в Варшавском гетто. Во всем его
величии и великолепии.*

Из письма командующего ЖОБ Мордехая Анелевича своему заместителю
на «арийской стороне» Ицхаку Цукерману

Ежедневные вооруженные нападения на немцев, поджоги, забастовки в польской части Варшавы усиливали желание гитлеровцев как можно скорее покончить с Варшавским гетто, которое, по их мнению, со временем могло стать центром общепольского Сопротивления. «Разрушение гетто и создание концлагеря необходимо, так как иначе мы никогда не восстановим спокойствия в Варшаве, а преступность при наличии гетто не может быть искоренена, — гласила февральская директива Гимmlера. — Представьте мне общий план разрушения гетто. В любом случае нужно добиться, чтобы место, где до сих пор обитало 500 000 недочеловеков и которое никогда не было пригодно для немцев, исчезло с лица земли, а Варшава — город с миллионом населения, всегда представлявший собой опасный очаг разложения и бунта, уменьшился в размерах».

Командующий СС и полицией в Генерал-губернаторстве Фридрих-Вильгельм Крюгер считал, что начальник СС и полиции Варшавы Заммерн не справляется со своими задачами в гетто, и поручил заниматься этим ответственным делом группенфюреру СС генерал-лейтенанту Юргену Штроопу. Член нацистской партии и СС с 1932 г., Штрооп имел большой опыт борьбы с немецким антифашистским подпольем, с национально-освободительным движением в оккупированных странах Западной Европы, в СССР. Срочно вызванный Крюгером из Львова, он прибыл в Варшаву вечером 17 апреля 1943 г. Ввиду того, что Гимmlер торопил, а план проведения операции в Варшавском гетто был уже разработан,

Штрооп, чтобы не терять времени, приказал Заммерну приступить к действиям и уже в ходе операции передать свои полномочия.

Заммерн намеревался ликвидировать гетто за три дня. Вечером 18 апреля гетто было оцеплено кордоном польской полиции. В два часа ночи на 19 апреля оцепление было усилено патрулями немецкой жандармерии и отрядами аскаров — пособничавших фашистам украинцев, латышей, эстонцев, словаков и хорватов, которых Оди-лон Глобоцник прислал из лагеря в Травниках. Постовые стояли через каждые пятнадцать метров. Прочесали улицы разведгруппы польской полиции и латышских фашистов. Брандт, всю ночь проверявший оцепление, также проехался по гетто в своем черном автомобиле. Все, казалось, было спокойно.

Для участия в операции немцы выделили более 3000 человек, вооруженных, по словам Штроопа, как на фронте — 2000 СС, 234 немецких жандарма, 367 польских полицейских, 337 так называемых аскаров, прибывших из лагеря в Травниках, 35 гестаповцев, а кроме того еще саперов и артиллеристов из гарнизона, дислоцировавшегося в Варшаве. В польской части Варшавы на всякий случай было поднято по тревоге еще около 7000 полицейских и эсэсовцев, а в Варшавском дистрикте приведено в боевую готовность до 15 000 человек.

На рассвете 19 апреля Заммерн лично направился с отрядом в 850 человек в район улиц Налевки и Заменгофа в северо-восточной части гетто (так называемое центральное гетто, или, как его называли немцы, «рест-гетто» — «остаток гетто»). Отсюда Заммерн хотел рассылать солдат и полицейских по всему гетто для вылавливания скрывающихся евреев.

Впереди колонны латыши гнали группу еврейских полицейских. Человек пятнадцать из них, пытавшихся бежать, были расстреляны возле юденрата. За еврейскими полицейскими следовали мотоциклисты, затем легкие танки старых французских марок, бронеавтомобили и грузовики с немецкими и украинскими нацистами. Была здесь и автомашина с громкоговорителем, через который гитлеровцы призывали евреев добровольно выходить из укрытий. Колонну замыкали санитарные машины и полевая кухня.

В гетто ожидали нападения и подготовились к нему. Командованию ЖЗВ и ЖОБ стало известно о предстоящей немецкой акции еще накануне вечером. В половине третьего ночи разведчики сообщили о подходе к гетто крупных сил врага. В боевые группы был разослан сигнал боевой тревоги «Ян-Варшава». Боевики получали боеприпасы, продовольствие и цианистый калий — для самоубийства в случае необходимости. На одеялах уносили бутылки с горючей

смесью. В четыре часа утра все боевые группы находились на своих позициях.

В пятнадцати местах были заложены мины, на улицах и в подворотнях высились баррикады из опрокинутых повозок и мебели, окна закладывали подушками и мешками с песком. В некоторых домах были заранее разрушены лестничные марши и припасены стремянки, в ряде зданий — замурованы входы. Патрули боевых организаций непрерывно следили за передвижениями неприятеля. Улицы опустели: предупрежденное население попряталось в укромных местах. Возвращения на стенах домов призывали «К оружию!», «Погибнуть с честью!» На самом заметном месте — на здании костела — развешалось красно-белое полотнище польского национального флага, на других домах повстанцы вывесили красный флаг и бело-голубое еврейское знамя. На видных местах, так, чтобы можно было прочесть с польской части Варшавы, появились большие плакаты: «За нашу и вашу свободу!», «Мы сражаемся за Польшу!», «Поляки, помогите нам!».

Разбрасывались в гетто и листовки ганцвайховской ПОБ: «Братья! Пробыл час борьбы и мести оккупанту. Все, кто может носить оружие, — в ряды сражающихся! Старики и женщины — на помощь. К оружию!» Листовки были подписаны «командующим капитаном Ленцким». ЖОБ и ЖЗВ немедленно публично отмежевались от ПОБ как от организации, не имеющей никакого отношения к Сопротивлению.

Еврейская боевая организация состояла в это время из двух с лишним десятков боевых групп общей численностью около 700 человек. В каждой группе были члены только одной политической партии, так как считалось, что люди, состоявшие в течение долгого времени в одной партийной организации, будут сплоченнее в бою. Пять боевых групп состояли из членов Дрор; Бунд, Хашомер-Хацаир и коммунисты — члены ППР имели по четыре боевые группы; Поале-Сион Левица, Поале-Сион Правица и молодежные организации Акиба, Гордония и Ханоар Хациони (объединявшая молодежь партии «общих сионистов») организовали по одной группе.

Численность отрядов ЖЗВ достигала 400 человек. Если ЖОБ имела в своем распоряжении единственный пулемет, то только один отряд ЖЗВ на Мурановской площади — правда, самый крупный — имел два тяжелых и один легкий пулемет и восемь автоматов. Рингельблум, посетивший штаб-квартиру ЖЗВ за несколько дней до начала боев, застал там большое оживление: принимались рапорты от боевых групп, пересылались приказы в разные концы гетто. В штабе был первоклассный радиоприемник, позволявший получать последние известия со всего мира, тут же стояла пишущая машинка;

большие комнаты были увешаны оружием, сумками с боеприпасами, немецкими мундирами. Работа штаба уже не носила конспиративного характера: если бы явились жандармы, их просто не выпустили бы живыми. «Моритури те салютант, Иудеа!» («Идущие на смерть тебя приветствуют, Иудея!») называлась газета, печатавшаяся на гектографе сионистами-ревизионистами накануне боев.

В это время обе боевые организации — ЖОБ и ЖЗВ — снова сблизились, обменивались информацией, договорились о координации действий. ЖЗВ, лучше вооруженный, чем ЖОБ, передал ей часть своего оружия. Павел Френкель из ЖЗВ, первым узнавший в ночь на 19 апреля о начале немецкой акции, немедленно уведомил Анелевича.

Кроме членов боевых организаций в гетто было много тех (как полагают, около 6000), кто обзавелся оружием на свой страх и риск и, не желая подчиняться дисциплине ЖОБ и ЖЗВ, организовал оборону непосредственно по месту жительства или работы. Такие «дикие» бойцы зачастую были вооружены не хуже членов боевых организаций.

Учитывая подавляющий военный перевес неприятеля, командование ЖОБ наметило две фазы боевых действий. Предполагалось вначале атаковать врага на улицах, используя фактор внезапности, и в течение некоторого времени не допускать его на территорию гетто. Затем, когда фашисты развернут все свои силы и технику, боевики ЖОБ и ЖЗВ должны будут укрыться в тайных убежищах и покидать их только для партизанских нападений. ЖОБ намеревалась затянуть борьбу на месяцы и причинить врагу чувствительный ущерб. Этот план был согласован и с командованием ЖЗВ.

Первое вооруженное столкновение 19 апреля произошло на умшлагплаце. Руководитель «вертэрфассунг» Франц Конрад в половине пятого утра направил под охраной несколько сот еврейских рабочих якобы, как обычно, на работу, на самом же деле — прямо к железнодорожной платформе, чтобы начать с них новую депортацию. Через полчаса подоспевшая боевая группа ЖОБ освободила рабочих. Конраду удалось бежать.

В центральном гетто, куда направился Заммерн, общее руководство еврейскими боевыми группами осуществлял Израиль Канал. Немцы прошли по улице Налевки, свернули затем на улицу Генсю и уже подходили с песнями к улице Заменгофа, когда повстанцы начали атаку. Боевые группы ЖОБ коммуниста Генека Зильберберга, члена Дрор Захариа Артштейна и члена Акибы Лейба Ротблата — «Лютетка» забросали врага из окон и с балконов домов на углу улиц Налевки и Генсей гранатами и бутылками с зажигательной смесью, открыли огонь из нескольких имевшихся у них винтовок.

Растерявшиеся от неожиданности фашисты бросились бежать, оставив убитых и раненых. Повстанцы гнались за ними, стреляя из револьверов.

На перекрестке улиц Заменгофа и Милой, на которой располагались главные силы ЖОБ, ее штаб, склады, казармы и наибольшее число укрепленных позиций, вступили в бой четыре другие боевые группы ЖОБ, состоявшие из бундовцев, коммунистов, членов Дроп и Хашомер-Хацаир.

Пропустив группу еврейских полицейских, повстанцы атаковали немцев сразу с четырех сторон. Был подожжен немецкий танк. (Говорили, что на него бросилась с балкона шестнадцатилетняя девушка, которая облила себя бензином и подожгла.) Фашисты поспешили укрыться в подворотнях, откуда офицеры тщетно пытались выгнать солдат. Среди убитых и раненых, оставшихся на мостовой, были два еврейских полицейских. Один из них, Фельд, как утверждают, сказал: «Я счастлив, что погибаю от пуль наших парней, защитников нашей чести».

В половине восьмого утра перед Штроопом, находившимся еще в ванной, появился совершенно растерянный Заммерн. Все пропало, сказал он, немцы выброшены из гетто, неизвестно даже число убитых и раненых, нужно просить из Кракова тяжелую авиацию. Штрооп поспешил взять руководство в свои руки. Появившись с адъютантом Калеске в гетто, он было уселся под деревом возле юденрата и развернул карту, но был обстрелян повстанцами и предпочел перебраться со своим штабом на улицу Железную, за пределы гетто. Штрооп решил пока отказаться от облав и, не распыляя сил, рассечь гетто рядом мощных ударов. Теперь немцы осторожно пробирались вдоль стен под прикрытием огня тяжелых пулеметов, танков, артиллерии и огнеметов, сооружая баррикады и стремясь обойти повстанцев с флангов, ударить им в тыл.

Но даже атакованные с двух сторон, повстанцы неоднократно заставляли врага отступать. Из гетто тянулись вереницы раненых гитлеровцев в обгоревшей одежде.

Длительное время огонь повстанцев не позволял нацистам снова вступить на улицы Милую, Заменгофа, Мурановскую и Налевки. Однако боеприпасы повстанцев стали иссякать, и материальный перевес гитлеровцев становился все чувствительнее. Боевики ЖОБ переходили по чердакам и крышам на новые позиции, но противник напирал, заставлял покидать верхние этажи и уходить под землю. К полудню войска Штроопа овладели позициями повстанцев на улице Заменгофа, во второй половине дня после шестичасового боя повстанцы, потерявшие одного из своих командиров — Генека Зильберберга, покинули угол улиц Налевки и Генсей. Фашисты ворва-

лись в горевшую больницу на Генсей и перебили больных и медперсонал.

Ареной жестокого боя стала Мурановская площадь в северной части центрального гетто. Действовавшие в этом районе боевые группы ЖЗВ сумели еще ночью мобилизовать всех проживающих поблизости и имеющих оружие мужчин. В рядах ЖЗВ здесь оказались и сторонники левых партий, в том числе и ППР, не желавшие оставаться в стороне из-за того, что ЖОБ не имела в этом районе своих боевых групп.

Перестрелка на Мурановской площади началась еще утром, но только с четырех часов дня, после того как была сломлена оборона на углу улиц Налевки и Генсей, фашисты развернули массированное наступление на позиции ЖЗВ. Атака ударной группы унтерштурмфюрера Демке на выдававшееся вперед большое железобетонное здание поначалу захлебнулась под градом пуль, бутылок с зажигательной смесью и ручных гранат. Но против танковых орудий, расстреливавших повстанческие позиции с расстояния в пятьдесят метров, повстанцы были бессильны. Теряя одну позицию за другой, они под руководством Павла Френкеля и Леона Родала переходили по чердакам или под землей на новую позицию, чтобы возобновить бой.

Немецкие войска подверглись обстрелу с крыш и из окон и в частях гетто, лежащих в стороне от основных очагов борьбы. Группа повстанцев вела огонь по противнику из домов, расположенных вне гетто, куда удалось пробраться подземным ходом.

Около 80 повстанцев после рукопашной схватки были взяты в плен. 300 немцев, вооруженных карабинами и ручными гранатами, повели их на умишлагплац. Как изменилось положение с лета 1942-го! Тогда двое-трое фашистов вели на убой тысячные колонны евреев, теперь трое-четверо охраняли *каждого* еле держащегося на ногах еврея!

На Мурановской площади сражение шло до наступления темноты, когда Штрооп, понимая, что ночью повстанцы окажутся в более выгодном положении, приказал своим силам покинуть гетто. Обрадованные боевики высыпали на улицу, обнимались, пели тут же сложенную песню «Сталинград-геттоград».

Генерал-губернатор Людвиг Франк докладывал в это время в канцелярию Гитлера о том, что «со вчерашнего дня мы имеем в Варшаве дело с хорошо организованным восстанием в гетто, которое приходится подавлять при помощи пушек». Штроопу он сообщил, что операциями по подавлению восстания следует охватить и районы Варшавы за пределами гетто. Варшавский губернатор Фишер, принявший Штроопа в своей огороженной колючей проволокой

резиденции, сетовал, что обстановка в городе становится опасной, ситуация в гетто угрожающая, говорил, что восстание евреев — это сигнал к общему восстанию в Варшаве, чего ни в коем случае нельзя допустить ввиду стратегического значения этого города. Он требовал самых энергичных мер.

Повстанцам был направлен ультиматум о сдаче, на который они не ответили. «Все без исключения хотели драться, — восклицает в своих воспоминаниях Нозми Шац-Вайнкраutz, — все благословляли смерть в бою с врагом. Какое счастье — померяться с ним, почувствовать, что можно отомстить за своих близких, почувствовать себя не безоружным ведомым на бойню животным, а человеком который умеет сражаться, стрелять, облить танк бензином, человеком, который может целиться в немца и видеть его мертвым».

Утром следующего дня штурм возобновился. Прилегающие к гетто улицы заполнялись немецкими солдатами, на площадях устанавливали орудия, на крышах — тяжелые пулеметы. Еврейские повстанцы, подобравшись к стене гетто, время от времени швыряли в сгрудившихся немцев гранаты.

Штрооп прежде всего хотел покончить с опорными пунктами ЖЗВ на Мурановской площади (куда по подземному ходу на помощь евреям прибывали члены польских подпольных организаций). С немалым трудом гитлеровцам удалось овладеть особенно раздражившими их польским и еврейским флагами. В борьбе за эти флаги был убит Демке: от повстанческой пули у него в руках разорвалась граната. Рассвирепевший Штрооп приказал по этому случаю расстрелять несколько сот человек из числа захваченного населения. Трофейные знамена были перенесены в помещение полиции в гетто.

Теснимые врагом боевики ЖЗВ отступили по подземному ходу на «арийскую сторону». Одна из групп была вывезена из Варшавы в гробах польскими подпольщиками капитана Иваньского. Полиция и жандармы вскоре настигли эту группу и уничтожили всех. Вырваться удалось только небольшой группе, которая, разгромив по дороге полицейский участок, примкнула к партизанскому отряду Польской народной армии — ПАЛ («Польска Армия Людова»), военной организации левых социалистов.

Другая вышедшая из гетто группа ЖЗВ, засыпав за собой подземный ход, укрылась на чердаке одного из домов вблизи гетто. Все погибли, выданные жильцом дома.

Часть защитников Мурановской площади отступила в глубь гетто.

Южную часть гетто — так называемое производственное гетто, — где находились заводы Теббенса и Шульца, гитлеровцы хотели оставить до поры до времени в покое. Фабриканты, используя отсрочку, пытались уговорить рабочих «эвакуироваться» добровольно.

Теббенс даже 19 апреля уверял, что в центральном гетто происходит лишь обыск для изъятия оружия, так что все могут работать спокойно. Потом он стал говорить рабочим, что их переселят в «рабочий лагерь частного характера» в Понятове, где их будет охранять только вермахт и где их ждут хорошие условия, даже спортплощадки с плавательным бассейном и детский сад. Фабриканты заявляли, что они, к сожалению, уже не могут добиться, чтобы еврейских рабочих оставили в Варшаве. «Вы должны благодарить своих единоверцев-разбойников», — возмущался Шульц. Его помощник — еврей предложил немецким властям 100 000 злотых за избавление своей дочери от «эвакуации», но получил отказ.

Желающих отдать себя в руки немцев не находилось. Рабочие вооружались чем могли и присоединялись к организованным в «производственном гетто» боевым группам ЖОБ и ЖЗВ. 20 апреля около шести часов утра эти боевые группы обстреляли и забросали бутылками и самодельными ручными гранатами немецкую колонну, которая вступала в сопровождении танков в гетто с юга — по улицам Лешно и Смоча. В очередном рапорте командованию Штрооп отмечал, что немецкая колонна не могла пробиться в гетто до тех пор, пока специально выделенные штурмовые группы, включавшие саперов и огнеметчиков, не овладели оборонительными позициями повстанцев.

Несмотря на большие потери (одна из боевых групп ЖОБ потеряла в этот день 40 человек из 56), повстанцы сражались отчаянно. Ими было подожжено несколько фабричных зданий. В доме № 5 по улице Смоча они объявили нацистам, что сдаются, и, подпустив ближе, встретили огнем из револьверов, бесполезных в перестрелке на большом расстоянии.

Фабриканты, стараясь спасти оборудование предприятий, упростили Штроопа временно прекратить бои и обязались за день подготовить к добровольной эвакуации 4000–5000 рабочих. Генерал согласился, так как это отвечало его собственным планам.

Главные силы немцев были по-прежнему заняты в восточной части гетто. Там, на Мурановской площади, битва уже шла на нет, но разгорелся бой на территории щеточной фабрики. Оцепление большого комплекса зданий щеточной фабрики немцы начали в четыре часа утра. Рабочие скрылись в потаенных убежищах. Пять боевых групп ЖОБ и отряд ЖЗВ (всего около 100 человек, вооруженных по большей части самодельными револьверами, ручными гранатами, бутылками с зажигательной смесью и несколькими винтовками) заняли позиции у окон верхних этажей. Среди командиров были член Поале-Сион Левицы Герш Берлинский, член ЖЗВ Хаим Лопата, коммунист Юрек Гриншпан. Общее командование осуществ-

влял Марек Эдельман, бундовец. Пока гитлеровцы не перешли в наступление, один из повстанческих командиров прямо со стены гетто обратился к населению «арийской стороны», закончив свою речь возгласом: «Нех жие Польска!»

Ровно в три часа дня около 300 немцев под личным руководством Штроопа атаковали фабрику. В воротах под ногами у фашистов взорвалась мина, и они отступили. Через полтора часа была отбита с помощью самодельных бомб и бутылок с горючей смесью вторая атака. Гитлеровцы прислали парламентариев (впервые признав, таким образом, еврейских повстанцев воюющей стороной) и предложили рабочим добровольно покинуть укрытия. Только 28 физически и морально сломленных людей из 4000 работавших на фабрике приняли предложение.

Отказавшись от дальнейших попыток взять фабрику штурмом, нацисты стали обстреливать территорию из тяжелых пулеметов. По позициям евреев било четыре орудия. Повстанцы пытались отстреливаться, но толпившееся вокруг артиллерийских позиций любопытствующее население крайне затрудняло задачу.

Начались пожары. (В ряде случаев, особенно в первые дни боев, фабричные здания и склады поджигали боевики ЖОБ и ЖЗВ, стремясь нанести ущерб немецкому имуществу и заодно помешать противнику развернуть в гетто войска. Позже поджоги стали страшным средством борьбы с повстанцами.) С одной-двумя винтовками на группу бойцы ЖОБ и ЖЗВ были бессильны причинить сколько-нибудь серьезный урон державшемуся на расстоянии противнику, но они упорно продолжали сражаться. У бойницы погиб один из руководителей Бунда в гетто инженер Михал Клепфиш. На шестой час сражения немецкие автоматчики стали окружать повстанцев, передвигаясь по чердакам. Прорвавшие кольцо еврейские боевики укрылись под землей, чтобы, переждав некоторое время, внезапно атаковать. Отправленный на разведку патруль подобрал труп Клепфиша. На следующий день он был захоронен во дворе с воинскими почестями. Главное командование польских вооруженных сил, находившееся в Лондоне, посмертно наградило Клепфиша серебряным крестом Виртути Милитари, что вызвало возмущение антисемитов.

21 апреля немцы не показывались перед щеточной фабрикой. Штрооп понял, что избранная тактика (разрушение повстанческих позиций артиллерийским огнем с целью вытеснить и затем выловить боевиков) неэффективна, так как евреи неизменно успевают перейти на новое место, и решил поджечь фабрику. Новый метод вполне себя оправдал. Штрооп сообщил начальству в Краков: «Благодаря поджогу зданий в течение ночи евреи, еще укрывавшиеся, несмотря на все наши розыски, на чердаках, в подвалах и других

потаянных местах, вышли наружу, пытаясь как-то избежать огня. Множество их — целые семьи, уже охваченные пламенем, — прыгали из окон или пытались выбраться на связанных простынях и т.п. Были приняты меры, чтобы эти евреи, как и все прочие, были тотчас же ликвидированы».

Повстанцы не могли уже дольше держаться в горящих, наполненных дымом зданиях щеточной фабрики. В ночь на 22 апреля, укутав мокрыми тряпками лица, они перешли на Францишканскую улицу через дворы, усыпанные битым стеклом, кирпичами, кусками жести, обгоревшей утварью и обугленными трупами. Разбив метким выстрелом немецкий прожектор, боевики не дали врагу проследить направление отхода. На следующий день боевые группы, отошедшие из района щеточной фабрики, установили связь со штабом ЖОБ.

Штрооп тем временем бросил свои главные силы на прочесывание южной части гетто — района заводов Шульца и Теббенса. Небольшие штурмовые отряды по 36 солдат разыскивали и в случае сопротивления взрывали убежища евреев. Некоторые подземелья гитлеровцы залили водой. Каждую штурмовую группу сопровождали пять сотрудников полиции безопасности, хорошо знавших гетто. В течение дня было схвачено свыше 5000 человек.

Многие евреи искали спасения в подземной канализации. Спускавшихся на звук голосов немцев и еврейских полицейских встречали выстрелами. Когда гитлеровцы закупорили канализационные трубы, чтобы затопить подземелье, евреи сломали поставленные перемычки. Штрооп распорядился пустить под землю газ. Через несколько дней спустившиеся в канализацию эсэсовцы обнаружили там множество трупов, уносимых водой.

Главный штаб ЖОБ все еще пытался координировать действия боевых групп и поддерживать связь с антифашистами на «арийской стороне». По ночам боевики ЖОБ, обмотав тряпками ноги, чтобы не создавать шума, вновь занимали кварталы, которые немцы считали уже очищенными, поджигали немецкие склады и предприятия, присматривали укрытия для населения, распределяли продовольствие. «Дел было по горло, — вспоминает член штаба ЖОБ Цивия Любеткин. — Надо было раздать жиденский суп. Разведчики, патрульные и боевые группы получали задания. Несколько раз мы обнаруживали еще действующий телефон, тогда мы пытались установить связь с товарищами вне гетто. В покинутых бункерах искали продукты».

Положение повстанцев быстро ухудшалось. 21 апреля, передав на «арийскую сторону» о решимости драться до последнего, штаб ЖОБ сообщал, что боеприпасы на исходе. «Револьверов можете не присылать», — передавало 22 апреля командование ЖОБ своим пред-

ставителям на «арийской стороне». «Оружие ближнего боя не имеет для нас значения, — писал Мордехай Анелевич на «арийскую сторону» на пятый день восстания. — Мы редко используем его. Зато нам крайне нужны гранаты, карабины, пулеметы, взрывчатка».

В пятницу 23-го немцы сняли все телефонные точки в гетто. Повстанцы пытались было поставить свои собственные аппараты, но убедились, что связь была отключена совсем. Группа бойцов ЖОБ во главе с Натаном Шульцем выбралась в этот день из гетто, чтобы взорвать резиденцию Брандта на улице Железной, но по дороге была остановлена и перебита. На ушлаглаце гитлеровцы расстреляли членов президиума юденрата во главе с Марексом Лихтенбаумом. Их трупы выкинули на свалку. Через несколько дней та же участь постигла остатки еврейской полиции.

Штрооп, начинавший военную карьеру простым солдатом во время первой мировой войны и не поднявшийся тогда выше вице-фельдфебеля, прозябавший затем много лет на скромной должности землемера и лишь в канцеляриях и служебных кабинетах СС ставший значительной величиной, теперь с удовольствием входил в роль полководца. В борьбе с повстанцами Штрооп прибегал то к одной, то к другой хитрости, то к одной, то к другой тактике. Штурмовые группы то прочесывали гетто по частям, то переходили к одновременному массированному наступлению. 23 апреля Штрооп распустил слух об окончании акции, а на следующее утро приступил к операциям на три часа позже обычного, надеясь, что евреи поверят в уход немецких войск и покинут убежища.

Гвардия Людова сразу же после начала боев в гетто выделила для ЖОБ большую часть своих варшавских запасов оружия — двадцать пять винтовок с патронами. Руководители ППР — Павел Финдер, Владислав Гомулка и другие — держали связь с ЖОБ через Фондаминьского. Станислав Скрипий — «Сильвестр», командовавший ГЛ в Варшаве, разработал по поручению начальника штаба ГЛ Францишека Южвяка — «Витольда» план помощи восставшему гетто. 20 апреля боевая группа ГЛ обстреляла и заставила замолчать немецкую артиллерийскую батарею на Новинярской улице; 21 апреля квартирмейстер ГЛ Эдвард Бониславский — «Збышек» отправился в район боев, чтобы наладить переброску в гетто оружия. Наткнувшись на немецкий патруль, он погиб в неравном бою. 22 апреля ГЛ совершила несколько диверсий на железной дороге в районе Варшавы, а 23 апреля попыталась осуществить комбинированную атаку тремя группами на немецкое оцепление у стен гетто. Выполнить задачу удалось только одной из них: она забросала гранатами немецкий автомобиль. Три эсэсовца были при этом ранены. (Штрооп упоминал в донесениях об обстреле немецких войск с «арийской

стороны». Захваченные в плен и тут же расстрелянные «бандиты-коммунисты» кричали, по словам Штроопа, умирая: «Да здравствует Польша!») Вести о боевых действиях ГЛ в помощь повстанцам воодушевили бойцов ЖОБ, о чем Анелевич сообщал на «арийскую сторону» Ицхаку Цукерману.

Командование Армии Крайовой было ознакомлено с планами ЖОБ за несколько недель до начала боев и привело в состояние боевой готовности свои ударные силы — «Кедив». 23 апреля «Монтер» (Антони Хрущель) писал Цукерману: «Армия Варшавы верит евреям ввиду проявленного ими духа сопротивления, поздравляет их и хочет оказать им помощь. С 19 часов 20 минут 19 апреля 1943 г. мы в акции». «Монтер» решил сделать в стенах гетто несколько проломов, через которые евреи могли бы уйти в район Пущи Кампинос — лесной местности на северо-западе от столицы. План почти полностью провалился. Лишь небольшая группа — десять человек из отряда грузчиков Раковера, бывшего унтер-офицера и участника кампании 1939 г., — пробилась с оружием в руках через оцепление в районе еврейского кладбища на Жолибож, откуда АК переправила ее дальше в Кампинос. Группа боевиков «Кедива» АК под командованием поручика Юзефа Пшенного — «Хвацкого», подбегая к стене гетто, попала под внезапный перекрестный огонь немецких пулеметов с крыш соседних домов. Мина, которую боевики несли к стене, взорвалась у них в руках посреди мостовой. Два человека были разорваны в клочья, один тяжело ранен, двое получили пулевые ранения в руки и ноги.

В дальнейшем боевые группы ГЛ, АК, ПЛАН, Милиции РППС, СОБ и других антифашистских боевых организаций продолжали вооруженные демарши у стен гетто, беспокоили немецкое оцепление, обстреливали патрули, расчеты орудий и пулеметов, грузовики с солдатами. Члены молодежной организации «Серые шеренги» проносили в гетто оружие. Все эти действия, конечно, не могли повлиять ни на ход, ни, тем более, на исход боев, однако в известной мере поднимали дух еврейских повстанцев и поддерживали чувство солидарности с ними среди участников польского подполья.

Некоторые офицеры АК, в том числе и члены Главного командования, были неприятно удивлены чрезмерной, но их мнению, готовностью «Монтера» втянуть АК в рискованные операции в гетто. Ведь Лондонское эмигрантское правительство уже в течение нескольких лет предостерегало против каких-либо крупных вооруженных выступлений в Польше! Не унимались реакционные, откровенно антисемитские элементы польского подполья. Офицер АК Янишевский в беседе с Цукерманом — «Антеком» пригрозил, что если ЖОБ будет поддерживать связь с ППР, он, Янишевский, при-

кажет своему отряду принять участие в уничтожении гетто. (Впоследствии сам Янишевский был казнен по приговору АК за сотрудничество с немцами.) Печатные издания АК замалчивали боевые действия отрядов АК в помощь гетто, опасаясь возмущения антисемитов в рядах АК.

Между тем генералу Штроопу дали знать, что в Берлине недовольны затяжкой операции в Варшавском гетто. Гиммлер, заподозрив Штроопа в чрезмерной гуманности, требовал не считаться ни с чем и проявить максимум твердости. И Штрооп решил распространить метод поджога домов, занятых повстанцами, на все без исключения кварталы гетто. Это вызвало недовольство Одилона Глобоцника, все еще надеявшегося вывезти в Люблин имущество евреев, и немецких фабрикантов, не успевших эвакуировать из гетто оборудование своих фабрик. Но Штрооп более не считался с ними.

25 апреля гетто было охвачено пожаром. Варшаву затянули тучи дыма. Сполохи огня освещали город ночью, как днем, дома на «арийской стороне» сотрясались от детонации. Погода в течение всего восстания стояла сухая, и ничто не мешало быстрому распространению пожаров. Несколько раз огонь перекидывался на дома на «арийской стороне». Условия ведения боев резко ухудшились для повстанцев. До сих пор они, выдерживая убийственный обстрел, стремились подпустить противника поближе и открыть по нему огонь с крыш, чердаков и из окон верхних этажей. Нередко немцы были вынуждены часами гоняться за повстанцами в лабиринтах комнат и коридоров больших зданий, не будучи никогда уверенными, что район, казалось, уже проверенный, не занят снова просочившимися бойцами. Теперь гитлеровцы, держась на более или менее безопасном расстоянии, попросту выжигали квартал за кварталом, готовые расстрелять любого, кто попытается выбраться из горящего дома.

Штрооп с удовлетворением отмечал, что его люди в ходе операции становятся «все тверже». Они строго запрещали польским пожарным, участвовавшим в военных действиях в гетто, спасать погибающих евреев. В Варшаве рассказывали, что один пожарный был застрелен на месте за то, что направил струю воды на женщину, появившуюся на балконе в горящем платье.

Невыносимый жар заставлял повстанцев покидать бункеры и отступать под пулями фашистов по охваченным пламенем чердакам и крышам. ЖОБ помогала жителям тех домов, оставаться в которых из-за бушевавшего пожара было невозможно. В сопровождении бойцов гражданское население организовано переходило в другие дома. Нередко арьергардным группам ЖОБ приходилось жертво-

вать жизнью, сдерживая преследующих гитлеровцев. Так погиб на улице Милой командир боевой группы бундовец Давид Гохберг.

Упорство защитников гетто не было сломлено. «Только тогда, когда вся улица и все дворы по обеим ее сторонам были полностью охвачены огнем, из домов вынырнули евреи, — сообщал Штрооп. — Некоторые из них, объятые пламенем, пытались спасти жизнь, прыгая из окна или с балкона на улицу, куда предварительно выбрасывались постели, одеяла и т. п. Снова и снова мы были свидетелями того, как евреи и бандиты, несмотря на опасность сгореть живьем, предпочитали вернуться в огонь, чем попасть в наши руки. Снова и снова евреи возобновляли стрельбу». Некоторые, по словам Штроопа, «со сломанными костями пытались тем не менее переползти через улицу в еще не охваченные или частично охваченные огнем кварталы».

Заживо сгорели тысячи людей. Леон Найберг, член боевой организации, рассказывает: «В подвале дома № 2 на Вальной улице лежит немецкий еврей Гош. Он был спрятан на четвертом этаже и почти задохся в дыму, когда до него дошел огонь. Лестниц в доме уже не было, поэтому он спрыгнул вниз, сломав себе руки. Позвоночник тоже поврежден. Вчера он был еще в сознании и уполз в подвал, но сегодня у него уже агония. Его лицо измазано запекшейся кровью. Во дворе дома № 4 по Вальной лежат трупы двух детей и женщины. У них сожжены волосы и изуродованы лица. Есть у них и огнестрельные раны. То, что вчера еще дышало, — сегодня лишь куча костей и тряпья. Трупы инженера Т.Шьера и двух неизвестных, которые все задохнулись в дыму, лежат в подвале на Свентерской, дом 38».

А вот что пишет Поля Эльстер: «Вспоминаю семнадцатилетнюю девушку с обугленными ногами. Ноги девушки были обвязаны тряпками, она нечеловечески кричала, чтобы ее добили. Она лежала вместе с другими и из-за тесноты проходящие то и дело спотыкались о нее и ударяли. Она стонала нечеловечески. Этот крик: «Убейте меня!» забыть нелегко. В другом месте лежала семья — сестра и два брата, тоже вытащенные из горящего бункера. Сожженные лица, глаз совсем не видно, лежат и стонут... Еще в другом месте лежит годовалый ребенок, уже не стонет, не плачет, у него, видно, нет больше сил. Лица ребенка не забуду в жизни. Лежит — ручки и ножки сожжены, на личике — совершенно нечеловеческая боль... У матери ребенка были совсем сожжены руки и лицо, так что она не могла держать на руках свое дитя, и, когда она обратилась к «аскару», чтобы он убил ее и ребенка, «аскар» решил на этот очень гуманный шаг, поднял карабин, выстрелил и убил мать; ребенка же оставил на произвол судьбы».

«Некоторые в приступе отчаяния, — вспоминает другой свидетель, — бросались с верхних этажей на мостовую. На подоконнике показывалась фигура, обьятая пламенем. Эта фигура быстро наклонялась. Потом что-то мелькало в воздухе, как торпеда. Эта торпеда ударялась о мостовую, на которой красный цвет крови сливался с красным цветом пламени». Павшие духом люди стали выходить из укрытий, чтобы сдать фашистам.

Повстанцы вынуждены были отказаться от обороны зданий и укрылись под землей. Появляться на улицах они могли только по ночам. Связь командования с боевыми группами на местах стала нарушаться. «Сведений о положении у Шульца и Теббенса не имею, связь прервана. Щеточная фабрика горит уже третий день. Контакта с группами не имею», — писал 23 апреля Анелевич на «арийскую сторону» Цукерману. Группа, посланная 25 апреля штабом ЖОБ для связи на «арийскую сторону», погибла, попав в засаду.

26 апреля бои в гетто достигли наивысшего напряжения. «На ожесточенное и упорное сопротивление наткнулись почти все штурмовые группы, посланные в гетто», — отметил в рапорте Штрооп. Фашисты снова прибегли к поджогу домов и к взрывам подземных укрытий — «единственному и решающему средству вынудить эти отбросы, этих недочеловеков выйти на поверхность». В этот день гитлеровцы смогли вывезти из гетто всего 30 человек. 362 еврея, согласно рапорту Штроопа, были убиты в бою и 1330 застрелено сразу же после пленения, не считая погибших внутри сгоревших домов и взорванных бункеров. Командование Гвардии Людовой на «арийской стороне» получило в этот день последнее донесение штаба ЖОБ. В нем говорилось о колоссальных потерях, о том, что для защитников гетто наступили последние дни.

Люди не выдерживали многодневного пребывания под землей, жары, дыма, оглушающих взрывов. Во многих бункерах кончались запасы продовольствия. «Почти ни в одном из бункеров, в которых находятся наши товарищи, нельзя ночью зажечь свечу: нет воздуха», — писал Анелевич. «Каждую ночь евреи, вышедшие из своих темных душных убежищ в поисках родных и друзей, бродили по улицам, — вспоминает Цивия Любеткин. — Немецкие солдаты прятались по ночам в развалинах и прислушивались». Патрули, обмотав по примеру евреев ноги тряпьем, неотступно преследовали вышедших из укрытий. За ночь они убивали от тридцати до пятидесяти человек. В этих стычках несли потери и гитлеровцы.

27 апреля огнем были охвачены двадцать из двадцати шести улиц гетто. 320 гитлеровцев проводили «очистку» домов по улице Низкой в северной части гетто. Повстанцы ожесточенно отстреливались, а когда огонь, охвативший здание, не оставлял более другого выхода,

они, как пишет Штрооп, с проклятиями в адрес Германии, фюрера и немецких солдат прыгали подчас с высоты пятого этажа. На балконе одного из горящих домов появилась молодая женщина с ребенком. Она обратилась к находившемуся неподалеку Штроопу: «Я не прошу у вас пощады, но помните: вас не минет наказание за все, что сейчас делается с нами». Когда пламя подобралось к балкону, она взяла ребенка на руки и бросилась на мостовую.

На улице Новолипки в домах № 40 и 41 гитлеровцы взорвали обнаруженные ими бункеры, защитники которых ответили на предложение сдаться выстрелами. Один бункер был уничтожен вместе с людьми, другой лишь треснул. Многие из его защитников приняли цианистый калий. Боевик Гелена Штерлинг была убита в тот момент, когда, расстреляв все патроны, бросилась на врага с вертелом. Не выдержал испытания и великолепный бункер инженера Гольдмана: взрыв уничтожил электропроводку, водопроводные трубы, заварил выход.

Оборона гетто распадалась на все менее значительные очаги сопротивления, совершенно не связанные друг с другом. Реже становились партизанские вылазки. Даже действовавшие на одной улице боевые группы подчас не могли установить связь. Иссакали силы рабочих заводов Шульца и Теббенса. О переживаниях пятидесяти человек — мужчин, женщин, детей, больных, стариков, набившихся в одно из подземных убежищ «производственного гетто», — рассказывает в письме брату Юзефу Гитлеру-Барскому, датированном маем 1943 г., очевидец Исаак Гитлер. Было так жарко, пишет он, что все разделись до рубах и кальсон. Здесь же в углу находилась параша. Спички гасли в спертom воздухе. Боевики приносили пищу и поддерживали порядок. Каждую ночь они выходили на партизанские вылазки. Возвращалось их все меньше к меньше. Сверху то и дело слышались шаги немцев. К концу пятых суток последняя пятерка боевиков не вернулась с вылазки. Еще двое суток люди в подземелье лежали, тесно прижавшись друг к другу, утратив силы и надежду. При приближении немцев закрывали детям и кашляющим рот подушками. В соседнем убежище мать задушила своего плакавшего ребенка.

27 апреля Теббенс снова призвал к «переселению», ругаясь, что никто не будет убит. Измученные люди стали покидать укрытия и заполнили заводской двор. Помощник Теббенса (еврей) усердно поддакивал ему. Неожиданно во дворе появились вооруженные боевики ЖОБ. На глазах у немецких солдат они призвали людей не верить лживым обещаниям. Завязалась перестрелка, толпа рассеялась. Многие рабочие Теббенса были позже схвачены фашистами и отправлены на умшлагплац, но на соседнем заводе Шульца борьба

продолжалась. Обезумевший от злобы Штрооп обвинил в этом самого фабриканта. 29 апреля в районе шопов снова появились регулярные войска.

Немцам удалось взорвать здание, под которым был вырыт бункер для склада боеприпасов ЖОБ. Дом рухнул, похоронив всех, кто находился в нем и под ним.

Командование ЖОБ по договоренности с Гвардией Людовой постановило эвакуировать за пределы гетто часть боевых групп из района заводов. Операцию подготовили представители ППР Францишек Ленчицкий и поручик ГЛ Владислав Гайк — «Крзачек». Сорок повстанцев с оружием в руках спустились в канализационные трубы на улице Лешно, успев перед этим поджечь немецкую фабрику в доме № 72. Раненых пришлось оставить на попечение связной Леа Корн (немцы обнаружили бункер и всех убили). Боевиков между тем связная Регина Фуден — «Лилит» вывела на Огородовую улицу, где их укрыл на своем чердаке рабочий-поляк Рышард Трифон. Затем Владислав Гайк и связной ЖОБ Тобиаш Шейнгут вывезли всю группу на грузовиках в Ловмянки, за семь километров от Варшавы. Регина Фуден, не слушая возражений начальников, вернулась в гетто к оставленным раненым товарищам, на смерть.

Той же подземной дорогой попытался пробраться на «арийскую сторону» еще один отряд ЖОБ, но гитлеровцы, предупрежденные о случившемся, часть люков взорвали, у других поставили охрану. Весь отряд ЖОБ был уничтожен. Квартира Трифона, ставшая во время восстания как бы перевалочным пунктом для беглецов из гетто, была вскоре выдана немцам. В ожесточенной схватке погибли все евреи, которые там оказались.

Жаркий бой вновь разгорелся на Мурановской площади. Остатки боевых групп ЖЗВ вместе с польской группой капитана Иваньского из Военной организации Корпуса безопасности (КБ) восстановили связь с «арийской стороной» через тоннель на Мурановской улице. Штрооп, уведомленный анонимным письмом предателя из штаба КБ, немедленно послал на место отряд лейтенанта Диля. Когда начался бой, на помощь бойцам ЖЗВ подошла боевая группа ЖОБ, а также капитан Иваньский с десятью автоматчиками, в числе которых были его сын и брат. Немцев пропустили на середину площади и затем атаковали со всех сторон. Исход боя решило появление немецкого танка. Повстанцы рассеялись, потеряв 24 человека убитыми. Погиб и брат капитана Иваньского Вацлав. Тяжелые ранения получили сын капитана Роман и командир отряда ЖЗВ Давид Аппельбаум.

Штроопу не раз казалось, что сопротивление в гетто должно уже пойти на убыль. «На пятый день нам, очевидно, удалось добраться

до самых крупных террористов и активистов, которые до этой поры смеялись над всеми нашими усилиями разыскать их и депортировать», — сообщал он 23 апреля. 25 апреля он было решил, что в гетто уже уничтожены «все бандиты и саботажники». Но вскоре нацистскому генералу пришлось признать преждевременность своих выводов. Явно озадаченный, он писал 28 апреля: «Сегодня мы снова встретили и сломили во многих местах очень сильное сопротивление. Становится все яснее и яснее, ввиду затяжки операции, что нам теперь противостоят настоящие террористы и активисты».

Основные силы ЖЗВ были к концу апреля действительно разбиты (впрочем, и 30 апреля группа ЖЗВ подожгла военные склады на улице Пшеязд на «арийской стороне»), но ЖОБ продолжала сопротивление. 1 мая бойцы гетто собрались на торжественные митинги, слушали доклады и радиопередачи из Лондона и Москвы, пели «Интернационал». Слова «это есть наш последний и решительный бой» обрели особый смысл в устах людей, не сомневавшихся в своей близкой гибели. Командование ЖОБ постановило усилить боевую активность. Штрооп в очередном рапорте писал об особой ожесточенности сопротивления в этот день. Никто не сдался 1 мая добровольно. Какой-то пленный выхватил спрятанный револьвер и трижды выстрелил в немецкого офицера. На улице Налевки гитлеровцев атаковали среди бела дня. Когда немецкие саперы собрались взорвать один из люков, появившийся из-под земли повстанец на их глазах схватил взрывчатку и скрылся с ней.

Тяжелые бои вели бойцы ЖОБ на фабриках «Трансавиа» и «Вишневский—Серейский» на улице Ставки в северной части гетто. Возглавляемые Эдвардом Фондаминьским повстанцы попали в окружение, понесли большие потери, но все же прорвались на улицу Милую и явились в штаб ЖОБ в доме № 18.

На Францишканской улице (северо-западная часть гетто) в доме № 30 немецкие штурмовые группы обнаружили подземный бункер, в котором засели остатки защитников щеточной фабрики во главе с Марекком Эдельманом и Гершем Берлинским. Нацисты забросали ручными гранатами вход, однако часть повстанцев, выбравшись через запасный выход, обстреляла врага с тыла. Немцы отступили, унося раненых. На следующее утро они возобновили атаки на бункер и снова были отбиты. Лишь на третьи сутки, применив газы, они овладели укреплением. 160 защитникам бункера из 300 удалось скрыться; часть из них засела в доме № 22 по той же улице, часть ушла в бункер штаба ЖОБ на улице Милой. Как и большинство граничащих с «арийской стороной» улиц гетто, вся Францишканская была к этому времени разрушена. На этой улице погиб в обнаруженном гитлеровцами бункере Абрам Гепнер — один из не-

многих деятелей погрязшего в коррупции и предательстве юденрата, оставивших по себе хорошую память. До войны он был купцом, а когда занял пост заведующего отделом снабжения юденрата, саботировал жестокие немецкие приказы, стараясь достать для гетто побольше продовольствия. В тайне от юденрата он давал детям и бедноте больше продуктов, чем им официально полагалось, сотрудничал с Сопротивлением. Гепнер отказался от предложения укрыться на «арийской стороне», решив разделить судьбу гетто.

«Повсюду были разбросаны тела наших товарищей, — пишет Любеткин. — На гниющие по улицам трупы садились стаи ворон. По гетто бессмысленно бродили сошедшие с ума от ужасов пребывания под землей». «Нижеподписавшийся исполнен решимости продолжать операцию до тех пор, пока не будет уничтожен последний еврей», — бодро докладывал начальству Штрооп. Сам Крюгер, начальник полиции и СС Генерал-губернаторства, прибыл с инспекцией из Кракова, чтобы потом лично доложить о ходе операции Гиммлеру.

4 мая главные силы Штроопа снова прочесали «производственное гетто». Некоторые из схваченных фашистами людей, сломленные и павшие духом, показывали врагу расположение подземных бункеров. Нашлись и давно сотрудничавшие с оккупантами мерзавцы, которые теперь пытались купить себе жизнь, сдав соплеменников. Но подавляющее большинство захваченных гитлеровцами евреев, по признанию Штроопа, отказывались служить врагу проводниками.

ЖОБ организовала специальные группы для уничтожения предателей. 6 мая боевики ЖОБ настигли и пристрелили на месте гестаповца Фреда Орлеана. Связной ЖОБ Тобиаш Шейнгут уже за пределами гетто убил подосланного немцами шпиона. В качестве шпионов гитлеровцы использовали и детей, запуганных и морально изуродованных жизнью в гетто. Одного такого мальчика боевики поймали в районе фабрики Шульца. «Надо было бы прикончить его на месте, потому что он пришел выслеживать и доносить, но ему десять лет, а теперь так жалко молодых. Может быть, из него что-нибудь еще вырастет», — сказал командир боевой группы, передавая мальчика в руки людей, прятавшихся в бункере.

Обнаружив бункер, гитлеровцы взрывом заваливали вход, после чего пускали газ внутрь. Евреи, вынужденные покинуть убежище, не раз бросались на них с оружием, швыряли гранаты. Женщины стреляли из пистолетов, вытащенных из-под платья. Гитлеровцы стали раздевать пленных догола.

Штрооп сетовал, что для разрушения домов взрывами требуется много времени и огромное количество взрывчатки. «Самым лучшим способом уничтожения евреев остается поэтому поджог... Недочело-

веки, бандиты и террористы по-прежнему укрываются в бункерах, где жара из-за пожаров стала невыносимой. Теперь эти твари слишком хорошо поняли, что перед ними встал выбор: или до последней возможности оставаться в укрытиях, или выйти на поверхность и попытаться убить или ранить людей из СС, полиции и вермахта, которые не прекращают натиска... В течение первых шести дней бой против евреев и бандитов был тяжел, но только теперь, как оказывается, в наши руки попадают евреи и еврейки, которые командовали в те дни. Каждый раз при обнаружении бункера находящиеся внутри евреи оказывают сопротивление, используя все имеющееся в их распоряжении оружие».

Сопротивление концентрировалось в центральной части гетто, там, где на улице Милой под домом № 18 находился бункер штаба ЖОБ. Это чрезвычайно разветвленное подземелье тянулось на целые кварталы, в нем легко можно было заблудиться. Первыми хозяевами бункера были уголовники, подчинявшиеся Шмулю Ашеру, огромному детине, богачу. Его шайка оборудовала бункер кухней, водопроводом, электрическим освещением, собрала значительные запасы продовольствия, которые, однако, быстро иссякли, когда в бункер набились сотни людей, на что устроители подземного убежища, естественно, не рассчитывали. Каждое помещение бункера имело свое название, помогавшее ориентироваться: «Треблинка», «Травники», «Понятово», «Пески» и т.п. Смысл этих названий стал особенно символичен, когда отсеки с потолками ниже человеческого роста, рассчитанные на 8—10 человек каждый, заполнили десятки людей, обливающихся потом от страшной жары.

В первые дни боев бункер заняла группа носильщиков Давида Малованчика и Мойзеша Чомпеля. Они еще в 30-е гг. участвовали в отрядах самообороны, а в гетто сражались против немцев и в январе, и теперь, в дни апрельского восстания. Чомпель и Малованчик впустили в бункер группу ЖОБ, а те, в свою очередь, передали его штабу ЖОБ. Прежние владельцы не возражали. По мере разгрома по всему гетто опорных пунктов ЖОБ в бункер на улице Милой устремлялись остатки боевых групп, а также население из сожженных или разрушенных домов. Здесь оказалось около 300 человек, в том числе 80 боевиков и почти все члены подпольного руководства Хашомер-Хацаир и ППР в гетто.

Штрооп узнал, где расположен штаб ЖОБ, от пленных. 6 мая в очередном донесении он писал, что «идет по следам бандитов» и что есть надежда «добиться завтра успеха в отслеживании партийного правления». На следующий день он доложил, что ему теперь известно месторасположение «партийного правления».

Между тем штаб ЖОБ, понимая, что продолжать борьбу уже невозможно, отдал приказ остаткам боевых групп пробиваться на «арийскую сторону». Однако почти все, кто пытался покинуть гетто, погибли. 7 мая немцы уничтожили две группы ЖОБ, одна из которых вышла по канализационным трубам к саду Красинских, а другая перебралась из дома № 74 на улице Лешно в дом № 71, расположенный на противоположной стороне улицы, за стеной гетто. Необходима была помощь польских антифашистов. Несколько групп связанных отправились на «арийскую сторону». Почти все они погибли, но Симхе Ратгаузеру удалось добраться до Цукермана — «Антека» и связаться через него с руководством Варшавской организации ППР и Гвардии Людовой. Стали готовить спасательную экспедицию.

В это время штаб ЖОБ послал Цивию Любеткин на Францишканскую улицу, где еще действовал отряд боевиков щеточной фабрики под руководством Марека Эдельмана и Герша Берлинского, после ухода немцев вновь обосновавшийся в своем бункере. С Францишканской улицы можно было выйти подземным ходом в канализационную сеть. Однако очередная группа связанных, направленная в этот день штабом ЖОБ на «арийскую сторону», наткнулась на эсэсовцев и была перебита, а спасательная экспедиция с проводниками из рабочих городской канализации, направленная Гвардией Людовой подземным путем в гетто, несколько дней добиралась до ставшего совершенно неузнаваемым района боев. Участь штаба ЖОБ была решена.

8 мая нацисты окружили дом № 18. Они обнаружили все пять выходов из бункера и атаковали их одновременно, используя газовые бомбы. Штрооп пригласил к окруженному штабу корреспондентов немецких, итальянских, венгерских, финских и шведских газет. Им сказали, что задержана группа еврейских коммунистов и советских парашютистов.

Гражданское население покинуло бункер, но боевики ЖОБ решили держаться до конца. Гитлеровцы пускали газ малыми дозами, то и дело повторяя предложение сдаться. Они рассчитывали, что защитники бункера не выдержат и их можно будет взять живыми. Арье Вильнер крикнул: «Лучше покончить с собой! Мы не должны попасть в их руки живыми!» (Работая представителем ЖОБ на «арийской стороне», он уже побывал в лапах гестапо. Выдержав ужасающие пытки, он никого не выдал и бежал из застенка. Лучше других он знал, как поступают гитлеровцы с пленными.) Газ уже заполнял помещения, многие, чтобы прекратить мучения, решили покончить жизнь самоубийством. Лейб Ротблат перед тем, как застрелиться, дал яд своей старой матери. Когда были уже мертвы

Фондаминьский, Анелевич, его подруга Кира Фухрер и многие их товарищи, кто-то вдруг обнаружил, что один из выходов остался незамеченным гитлеровцами и не охраняется. Четверо оставшихся в живых, полуотравленные газом, бросились по нескончаемой веренице подземных переходов на воздух.

Заваленный трупами бункер штаба ЖОБ был разрушен, и добравшиеся наконец до этой части гетто Симха Ратгаузер и польские проводники решили попытаться спасти боевиков на Францишканской улице. Около 60 человек, включая Берлинского и Эдельмана, двинулись под землей к люку на улице Простой (Прямой. — *Прим. ред.*), где их ожидали люди из Гвардии Людовой.

Добравшись до люка на улице Простой, отряд должен был дожидаться темноты. Люди промокли в грязной жиже, продрогли до костей. Наступила ночь, но сигнала покинуть люк не последовало: оказалось, что не нашли грузовика для выезда из города. К утру сидевшие под землей повстанцы совершенно обессилели, некоторые уже не подавали признаков жизни, кто-то решил возвращаться в гетто. Особенно страдали Михал Розенфельд, Тося Альтман и Иегуда Венгровер, отравленные в бункере газом. Венгровер, мучимый жаждой, напился прямо из канализационной трубы. На следующий день он умер.

Стало ясно, что люди не выдержат больше пребывания под землей. Решили покинуть люк днем, немедленно. По телефону вызвали два коммерческих грузовика и, направив на шоферов револьверы, начали погрузку. Зеваки, торчавшие на балконах, высунувшиеся из окон, с изумлением наблюдали, как из люка вылезали грязные с головы до ног люди, с трудом забирались в кузов машины и падали пластом.

Погрузка продолжалась около получаса, когда вдруг поступило сообщение, что поблизости появились немцы. Началась паника: боевики, преграждавшие прохожим доступ на улицу Простую, не могли больше справляться с наплывом пешеходов, а шофер второй машины в суматохе отъехал с пустым кузовом. Из люка больше никто не показывался, и повстанцы тронулись в путь. Уже в дороге выяснилось, что человек пятнадцать-двадцать остались под землей.

Автомашина благополучно добралась до леса, где уже находилась группа повстанцев из «производственного» гетто. Три человека на той же машине поехали за оставшимися товарищами. Вернувшись на улицу Простую, они нашли ее оцепленной немецкими солдатами и латышскими эсэсовцами. Какая-то женщина — свидетельница эвакуации из люка — указала фашистам на подъехавших. Их тут же расстреляли. Оставшиеся под землей, потеряв терпение, попытались выйти самостоятельно, но все были перебиты.

С гибелью штаба ЖОБ организованное сопротивление в гетто быстро пошло на убыль. В развалинах еще долго бродили небольшие группки повстанцев — люди Захария Артштейна и Меллона из ЖОБ, Хаима Лопаты и Янека Пики из ЖЗВ, социалиста Берки, носильщика «Моше-большевика» и другие. Более двух десятков повстанцев во главе с Лейзером Шершенем, бежавшим за три месяца до восстания из Треблинки, обосновались на пятом этаже сгоревшего дома на Вальной улице. Выбирались они оттуда по ночам с помощью веревочной лестницы.

Евреи готовили на кострах пищу из случайно добытых продуктов, перестреливались с немецкими патрулями, рыскали по ночам в поисках пропитания и укрытия на день, выменивали друг у друга то, что удавалось вытащить из разрушенных бункеров, иногда отнимали друг у друга оружие. Между ними и немцами случались серьезные бои, в которых 11 мая погибли 53 повстанца, а 12 мая — 133.

Пользуясь взрывчаткой и газами, гитлеровцы теперь довольно легко преодолевали сопротивление в обнаруженных ими бункерах. 10 мая, впервые с начала боев, сдалась целая группа повстанцев — 59 человек. Остатки разгромленных боевых групп пробивались с револьверами в руках поодиночке или небольшими кучками на «арийскую сторону». Одни из них перебирались с помощью приставных лестниц и веревок через стену гетто, другие из последних сил рыли подземные ходы, которые, однако, гитлеровцы нередко успевали обнаружить до окончания работ. Несколько групп были выведены из гетто людьми капитана Иваньского. Бывший веркшютц инженер Шлядковский, договорившись с поляками из Старого города, выводил из гетто группу за группой по канализационным трубам, не забывая, правда, взимать за это по 15 000 злотых с человека.

За пределами гетто, в «арийской части» Варшавы, куда устремились уцелевшие боевики, участились вооруженные столкновения. Четверо боевиков ЖЗВ из группы Павла Френкеля, пробравшейся из гетто еще в апреле и укрывшейся в доме на Гжибовской улице, потеряв терпение, вышли на свой страх и риск на улицу, остановили извозчика и заставили его под угрозой оружия ехать за город. Встретив по дороге двух польских полицейских, извозчик поднял крик. Боевики выскочили из повозки, вынули бомбы. Через несколько секунд все — евреи, извозчик и полицейские — были мертвы. Погиб и боевик Бекерман из той же группы ЖЗВ, также не выдержавший мук ожидания. Сразу по выходе на улицу он был опознан немцами, отстреливался и погиб. Оставшиеся десять человек сидели в укрытии до 10 мая, когда немцы, предупрежденные членами ультраправой польской подпольной организации «Меч и

плуг», окружили дом и забросали повстанцев ручными гранатами. Большинство бойцов ЖЗВ были убиты на месте, трое захвачены живыми и расстреляны. Уничтожена была почти целиком и группа коммуниста Арона Брыскина, укрывавшаяся на «арийской стороне» в доме № 14 по улице Медовой. Ее выдал дворник, которого впоследствии казнила Гвардия Людова.

«Восстание угасало постепенно, и трудно установить точный момент его окончания», — пишет историк Б.Марк. Время от времени немцы обнаруживали не замеченные до того бункеры. Штроопу, которому уже несколько раз казалось, что борьба окончена, пришлось 13 мая снова отметить: «Ныне стало ясно, что попадающие теперь в наши руки евреи и бандиты являются членами так называемых боевых групп. Это все молодые парни и женщины от 18 до 25 лет. При захвате одного бункера произошла схватка, во время которой евреи не только стреляли из пистолетов калибра 0,8 и польских пистолетов «Вис», но и бросали в эсэсовцев польские гранаты «апельсины». После того, как часть из находившихся в бункере была схвачена и начался обыск, одна из женщин — что случалось уже часто — молниеносно сунула руку за пазуху и, вытащив ручную гранату — «апельсин», сдернула предохранитель, бросила гранату в обыскивавших ее людей и быстро спрыгнула в укрытие. Только благодаря присутствию духа удалось избежать жертв». Это была Сара Розенблюм, член ЖОБ. После этого, добавляет Штрооп, саперы уничтожили бункер с остававшимися там евреями, подложив более крупный, чем обычно, заряд взрывчатки. На следующий день немцы пустили газ сразу в 183 люка. Прятавшиеся в канализационных трубах, чтобы спастись от отравления, вынуждены были выйти в центре гетто, где их уже поджидали гитлеровцы.

13 мая губернатор Варшавы Людвиг Фишер оповестил горожан о разрушении гетто — «гнезда большевизма и бандитизма». Он призвал население выполнить свой «долг» и выдавать властям находящихся еще на свободе «евреев и коммунистических агентов». 15 мая немцы разрушили на территории гетто последние дома, за исключением восьми зданий — немецких казарм, госпиталя и тюрьмы «Павяк». 16 мая Штрооп официально объявил об окончании «большой акции» и начал отвод своих сил. «Еврейского гетто в Варшаве больше не существует», — рапортовал он. 18 июня 1943 г. Штрооп за свои подвиги в гетто был награжден железным крестом первого класса, а 29 июня Гиммлер утвердил его в должности начальника СС и полиции Варшавы. Ежедневные рапорты Штроопа, запечатлевшие деяния гиммлеровского воинства в Варшавском гетто с 19 апреля по 16 мая 1943 г., были собраны вместе и в роскошных переплетах вручены самому рейхсфюреру СС и начальнику СС и

полиции «Ост» Крюгеру. Один экземпляр на память о свершениях на поле брани Штрооп оставил себе.

На догоравших развалинах Варшавского гетто был оставлен батальон немецкой полиции. Немцы прочесывали местность, перерезали последние водопроводные трубы, отравляли все обнаруженные резервуары и источники воды, забрасывали колодцы полусгнившими трупами, обливали керосином найденные остатки пищи, взрывали и заваливали дороги. Ежедневно они засыпали все люки, но евреи, намеревавшиеся бежать из гетто по канализационным трубам, по ночам раскапывали их. В течение мая были обнаружены и ликвидированы почти все остававшиеся подземные укрытия. 16 мая, в день официального окончания «большой акции», гитлеровцы обнаружили большой бункер в доме № 38 на Свентоерской улице и, пустив газ, заставили выйти 60 укрывавшихся там евреев. Восемнадцатилетнему Киршенбауму, полумертвому, с гангреной ног, отказавшемуся выдать другие известные ему бункеры, немцы прострелили руку. Он продолжал упорствовать, и ему выстрелили в ногу.

Столкновения с разрозненными кучками повстанцев происходили еще в июне и июле. Полковник охранной полиции Харинг отмечал впоследствии, что «ввиду ставшего известным противнику уменьшения сил отдельные банды пытались возобновить свою деятельность. Во время все новых и новых схваток с бандами, имевшими хорошее вооружение и руководство, приходилось в жестоких подчас боях подавлять отдельные гнезда сопротивления, оборудованные в развалинах, подвалах, канализационных колодцах». В этих боях в начале июня погибли последний командир группы ЖЗВ в гетто Янек Пика и член штаба ЖОБ Захария Артштейн, которому удалось было сколотить из обломков боевых групп значительный отряд. К этому времени евреи настолько ослабели от голода и перенапряжения, что не могли даже добросить до врага ручную гранату.

18 июня 1943 г. губернатор Фишер, принимая у себя во дворце Ганса Франка, с гордостью показал ему на развалины гетто. От Гимmlера пришло предписание сровнять территорию бывшего гетто с землей, засыпать все подвалы и канализацию, покрыть весь район слоем чернозема и разбить там большой парк. В середине июля немцы принялись систематически взрывать развалины в гетто, однако кучки вооруженных евреев снова прокрадывались в уже, казалось, очищенную зону. Поэтому осенью немцы, прочесывая бывшее гетто, снова (еще раз) стали взрывать развалины. Но и в конце 1943 г. они натыкались на вооруженные группки евреев, оказывавших сопротивление. Подобные случаи имели место даже летом 1944 г., спустя год после подавления восстания в гетто!

По подсчетам Штроопа, во время боев в Варшавском гетто с 19 апреля по 16 мая было убито около 7000 евреев, кроме того, около 5000—6000 погибли внутри зданий и бункеров от огня и взрывов. 56 065 человек, согласно рапорту Штроопа, были схвачены и вывезены из Варшавы. (Многие из них выскакивали на ходу из поездов, получая увечья или погибая под пулями охраны. Группа евреев пыталась выскочить из вагона ночью во время стоянки поезда на Гданьском вокзале. Немцы открыли огонь и перебили 36 человек. Переноса трупы, работавшие на вокзале еврейские рабочие обнаружили, что одна женщина еще жива. С помощью железнодорожника-поляка ее удалось переправить в рабочую казарму; немец-инспектор, которому сказали всю правду, разрешил ей остаться.)

Немецкие войска в ходе операции разрушили 631 бункер. Спаслись из Варшавского гетто во время и после восстания смогли, согласно позднейшим подсчетам, около 3000 человек.

Немецкие потери в Варшавском гетто оцениваются по-разному. Подпольная пресса Варшавы писала о 120, 300, 400, даже о 1000 убитых. Штрооп называет другие цифры — 16 убитых и 90 раненых. Позже, уже находясь в польской тюрьме, он говорил на допросах, что легкораненые, оставшиеся в строю, не заносились им в списки, как и потери польской полиции (которые, впрочем, не могли быть, по его мнению, особенно велики, так как эта полиция не участвовала в операциях внутри гетто). Штрооп утверждал при этом, что в его отчетах не было какого-либо умышленного сокрытия потерь.

Сам факт многонедельных боев в гетто, применение артиллерии, танков, бронированных автомобилей, тяжелых пулеметов, огнеметов и газов, зарево пожаров и гул взрывов, неоднократные неудачные атаки гитлеровских отрядов — все это наводит на мысль об огромных потерях, которые они должны были бы понести. Следует, однако, принять во внимание чудовищное неравенство сил. Мало сказать, что вооруженным до зубов фашистам противостояли почти безоружные повстанцы, — почти целиком отсутствовали условия и для сколько-нибудь эффективной партизанской борьбы. Опыт истории учит, что партизанская война может вестись с успехом в тылу врага, силы которого связаны борьбой на фронте, во всяком случае, там, где благоприятны условия местности, где есть возможность избегать боя с главными силами противника, действовать на его коммуникациях, нападать врасплох, атаковать тыловые части и разрозненные группы. Еврейским же повстанцам приходилось вести непрерывную борьбу на территории, ограниченной несколькими улицами, где маневр сводился к передвижению на сотню-другую метров. В такой обстановке обороняющиеся не могли избежать больших потерь, им было крайне трудно, почти невозможно, ото-

рваться от противника при отходе, избежать окружения, а то и полного уничтожения своих сил.

Среди командиров повстанцев не было кадровых офицеров, не было людей с военным образованием. Они могли воспользоваться опытом лишь нескольких бывших солдат и унтер-офицеров, служивших ранее в польской армии и участвовавших в сентябрьской кампании 1939 г. Подавляющее большинство боевиков составляли юноши и девушки 18–25 лет, не бравшие в руки оружия до вступления в боевую организацию.

О крайне плохом вооружении повстанцев говорит тот факт, что немцы смогли захватить всего-навсего девять винтовок и пятьдесят пистолетов и револьверов, да еще патроны, бутылки с зажигательной смесью, ручные гранаты и взрывчатку. Явно смущенный такими мизерными трофеями, захваченными у полностью окруженного и уничтоженного противника, Штрооп писал: «Надо учесть, что в большинстве случаев нам не удавалось захватить оружие потому, что евреи и бандиты, прежде чем попасть в плен, выбрасывали его в такие бункеры и укрытия, которые мы не могли обнаружить. Выкуривание бункеров также мешало нашим людям обнаруживать и собирать оружие. С тех пор как нам пришлось взрывать бункеры, мы уже не могли искать оружие».

Если даже согласиться с явно натянутыми аргументами нацистского генерала, то и тогда количество оружия, находившегося в руках защитников гетто, не превысит нескольких десятков винтовок, чуть большего числа пистолетов и револьверов и нескольких пулеметов. О том же говорят и свидетельства участников восстания. Понятно, что с таким вооружением повстанцы были способны лишь задерживать — ценой собственных больших потерь — продвижение гитлеровцев на том или ином участке, но не могли нанести им существенный урон. Противник, держась за пределами досягаемости повстанческих револьверов и ручных гранат, мог заливать позиции повстанцев потоками пуль и снарядов. Еще более безопасным для него было выжигание целых кварталов, взрывание бункеров.

Для партизан, действующих «в обычных условиях», решающее значение имеет поддержка населения, конечно, если противник хоть сколько-нибудь заинтересован в нормальной хозяйственной жизни в районе партизанских действий. В Варшавском же гетто главной целью врага было как раз уничтожение гражданского населения, которое не только не могло ничем помочь партизанам, но и само нуждалось в их поддержке.

С учетом всех этих обстоятельств незначительность вражеских потерь не только не уменьшает в наших глазах героизма повстанцев, но, напротив, повышает его значение. Куда легче было бы сражаться

и умирать, «скашивая ряды врага, как траву, устилая его трупами улицы гетто». Насколько больше нужно решимости и мужества, чтобы много недель непрерывно противостоять натиску противника почти с голыми руками, с оружием, не дающим почти никакого эффекта!

Гитлеровская печать, в расчете на быстрое завершение «большой акции» сообщавшая вначале всего лишь об «эпидемии в гетто», о «нападении на гетто польских бандитов» и т.п., была вынуждена вскоре отказаться от напрасных попыток скрыть факт вооруженной борьбы. Зато усилилась антисемитская пропагандистская кампания. Писали о еврейско-большевистском заговоре, о немецких дезертирах, советских парашютистах и бежавших военнопленных, которые якобы возглавляют сопротивление в Варшавском гетто, великолепно вооруженные советским оружием.

Затянувшиеся бои в гетто ослабили престиж немецкого оружия в глазах населения польской части Варшавы, которое стало говорить о «немецко-еврейской войне», о «третьем фронте» и т.п. Всезнающее гестапо позволило застигнуть себя врасплох, а вермахт и СС долго не могли сломить сопротивление евреев.

Еврейские общественные деятели Леон Файнер и Адольф Берман радировали в Лондон о том, что героическая борьба повстанцев гетто вызвала восхищение жителей Варшавы и всей Польши. О сочувствии и восхищении «арийской Варшавы» информировала Лондон и Делегатура. Действительно, преобладающая часть польской общественности следила за событиями в гетто с горячей симпатией. Подпольная пресса много писала о героизме евреев, называла оборону гетто «малым Сталинградом», «геттоградом», сравнивала бои в гетто с осадой Вестерплатте в 1939 г. С энтузиазмом и восхищением передавались подробности о сражениях в гетто, часто преувеличенные сведения о неудачах немцев, об их потерях, о тысячах убитых эсэсовцев, о танках, якобы захваченных повстанцами. Утверждали, что видели «еврейскую Жанну д'Арк» — восемнадцатилетнюю девушку в панцире, который не брали пули.

«Информационный бюллетень» Армии Крайовой писал, что, взявшись за оружие, еврейские граждане Польши стали намного роднее польским соотечественникам, чем тогда, когда они позволяли вести себя на бойню. Некоторые, связывая с боями в Варшавском гетто преувеличенные надежды, готовы были видеть в них начало общенационального восстания. Советские военнопленные, работавшие в районе Восточного вокзала, послали «героическим евреям», «молодцам-ребятам» письменное поздравление.

Руководство ППР и Гвардии Людовой послало на третий день восстания в Москву депешу приблизительно следующего содержания:

ния: «Варшава в огне. Немцы приступили к зверской расправе с остатками еврейского населения в Варшавском гетто. Добраться до обороняющихся в гетто евреев невозможно. ППР организует противодействие ликвидации гетто и помощь сражающимся... Желательно возмездие в виде бомбежки в Варшаве ряда военных объектов и части немецких кварталов». Еврейское подполье обратилось с подобной просьбой и в Лондон. Только союзники могут оказать сражающемуся гетто немедленную и активную помощь, гласила депеша; мощное возмездие необходимо не когда-нибудь потом, а сейчас же, чтобы враг понял, за что. 11 мая из Варшавы известили Лондон о том, что эпопея Варшавского гетто близится к концу: «А мир свободы и справедливости молчит в бездействии. Странно. Это третья депеша за последние две недели. Немедленно сообщите, что вы сделали».

В ночь с 13 на 14 мая над Варшавой показались советские самолеты. Налет продолжался два часа. При свете ракет и пожаров на казармы СС и другие военные объекты было сброшено около ста тонн фугасных и зажигательных бомб. Частично вышел из строя городской водопровод. Одновременно разбрасывались листовки с текстом ответов Сталина корреспонденту газеты «Таймс» о будущем Польши. Хотя жертвы были и среди евреев, налет вызвал у них ликование. В нескольких местах небольшие группы евреев, пользуясь замешательством немцев, пытались пробиться во время налета на «арийскую сторону». Некоторым это удалось.

Реакция польского населения на гибель гетто не была однородной, она зависела от социального положения, политических симпатий и культурного уровня каждого. Определенной части польской буржуазии преследование гитлеровцами евреев принесло выгоду: она избавилась от долгов еврейским банкирам и купцам, овладела многочисленными еврейскими предприятиями, движимым и недвижимым имуществом, избавилась от еврейской конкуренции. В физическом истреблении евреев польские буржуа видели одну из гарантий прочности своих приобретений. Поэтому антисемитствующий обыватель и правая часть подполья откровенно радовались произошедшей с евреями катастрофе, тому, что Варшава стала наконец «юденфрай», что немцы взяли на себя грязную работу, которую так или иначе необходимо было выполнить. Радость омрачалась лишь опасением, что немцы, пожалуй, возьмутся и за поляков.

Начало боев в гетто совпало с празднованием пасхи. Гитлеровцы, планируя «большую акцию», между прочим рассчитывали и на то, что известная часть верующих католиков, занятая праздником, не станет принимать близко к сердцу события в гетто. Действительно, события эти кое-кому не омрачили праздника. Толпы ротозеев со-

бирались неподалеку от стен гетто посмотреть на диковинное зрелище: на горящие улицы, обуглившиеся тела, свисавшие с балконов, на живые факелы, мечущиеся по крышам. Немцы не отгоняли зевак, и те иной раз указывали артиллеристам и пулеметчикам на появившихся в том или ином месте за стенами гетто повстанцев. Другие, не обращая внимания на то, что происходит в гетто, развлекались неподалеку на площади Красиньских — на праздничных каруселях вместе с немецкими солдатами. Площадь весело гудела: кричали торговцы водой, конфетами и папиросами, гремела музыка, люди громко разговаривали, шутили и смеялись.

И если курьер Бунда Якуб Целеменьский слышал во время восстания в Варшавском гетто, как поляки, собравшиеся неподалеку от места боев, говорили: «Стыдно нам должно быть перед евреями. Швабы ежедневно убивают наших братьев, а мы — ничего. Надо бы нам сейчас атаковать немцев с этой стороны», то Рингельблюм записал в то же время такие разговоры на улицах Варшавы: «В пасху евреи замучили Христа, в пасху немцы замучили евреев», — промолвила со вздохом благочестивая старушка; семидесятилетний ксендз ответил ей строго: «Очень хорошо получилось. У евреев в гетто были большие военные силы. Если бы не немцы, эти силы были бы использованы против нас»; в трамвае пассажир заметил: «Мелких жидов жгут, а крупные управляют Америкой и после войны будут править нами»; «Страшно смотреть на то, что делается в гетто, — говорит домохозяйка, — это ужасно. Но, может быть, хорошо, что так получилось. Евреи сосут нашу кровь»; два торговца разговорились на Гжибовской площади, один посетовал на то, что Польша понесла в связи с пожарами в гетто большие убытки, собеседник ответил ему: «Не жалейте, гетто было смердящей частью города, хорошо, что его нет. Мы восстановим эти места после войны и сделаем еще более красивыми, но без евреев»; старая учительница сказала сокрушенно: «Даже коту жаль, а еврей все-таки человек, хотя и еврей»; раздавались и такие замечания: «Мало им, жидам!», «Это клопов выжигают». Когда группе еврейских рабочих удалось, подкупив немецкую охрану, перебраться на улице Лешно на «арийскую сторону», хулиганы и шмальцовники загнали их обратно в горящее гетто.

Отражая и разжигая такие настроения, крайне правая часть подпольной прессы призывала население не поддаваться «ложному гуманизму» и не помогать евреям, которые стократно заслужили свою судьбу. «Евреи — извечные враги Польши, — писали газеты националистов, — и их восстание против немцев не имеет никакого отношения к польским проблемам». «Еврейский вопрос не исчез», — беспокоились они по поводу попыток немногих уцелевших в боине

евреев укрыться на «арийской стороне». «После войны из-под каждого кусточка вылезет еврей, чтобы вернуться к жизни, к своему имуществу», — страшала польских буржуа, нажившихся на ограблении евреев, газета «Плацувка». Гестапо и полиция с успехом использовали антисемитизм против польских патриотов. Достаточно было при преследовании подпольщика на улице закричать: «Держи жид!», как сейчас же находились услужливые прохожие, которые торопились преградить беглецу дорогу. Некоторая часть населения, сочувствуя беде евреев, в то же время и не думала помочь им. «Многолетние усилия отечественной реакции, несомненно, сделали польскую общественность нечувствительной ко многим гитлеровским преступлениям» — писала газета ППР «Пшелом» еще осенью 1942 г., после первой массовой бойни варшавских евреев. И если многие поляки говорили, что беда коснулась соседа, то были и те, кто понимал: несчастье случилось с самим польским народом, частью которого являются евреи. «Истребляя еврейское население, истребляли часть польского общества, ослабляли нас, и не только численно. Каждый не отравленный ядом гитлеризма поляк без труда поймет, что истреблены не только тысячи фабрикантов, домовладельцев, банкиров и других общественных паразитов, но в первую очередь уничтожены сотни тысяч рабочих рук, квалифицированных ремесленников разных отраслей, вырезаны десятки тысяч польских (хотя и еврейского происхождения) интеллигентов, тысячи выдающихся представителей польской науки и искусства. Только преступная реакционная озоновская (ОЗН — довоенная группировка польских фашистов. — В.А.) пропаганда могла говорить нам, что у нас было слишком много интеллигенции, слишком много квалифицированных ремесленников». Здравомыслящие предупреждали, что массовое уничтожение польских евреев — деятелей культуры, квалифицированных рабочих — намного затруднит послевоенное восстановление страны.

Польским антифашистам не удалось переломить антисемитские настроения широких мелкобуржуазных масс. Евреи в гетто чувствовали себя изолированными и умирали с сознанием своего одиночества. Вспомним, что в свое время к этой изоляции приложили руку и юденратовские деятели (возьмем, например, приказ, изданный Черняковым 4 июня 1942 г. о запрещении евреям играть и слушать нееврейскую музыку, ставить нееврейские пьесы, держать в библиотеках нееврейские книги, или упомянутый выше факт, что юденрат добился запрещения ввозить в гетто «арийские» газеты).

Осенью 1943 г. посреди бывшего гетто в Варшаве был создан концлагерь с газовой камерой для евреев, свозимых из других стран. Заключенные здесь поляки, евреи и немцы перебирали и сортиро-

вали в руинах кирпичи и металлический лом. К апрелю 1944 г. было таким образом извлечено 22,5 миллиона кирпичей, более 5000 тонн железного лома, 645 тонн металлических изделий и 76 тонн цветных металлов. Глобоцник, рапортуя Гиммлеру о полном завершении «операции Рейнхард» по всей территории Генерал-губернаторства, отметил, что разного рода материалов и ценностей, в том числе текстильных изделий, денег, иностранной валюты, часов, очков и т.п., собрано на сто с лишним миллионов рейхсмарок. Одежду уничтоженных евреев Глобоцник предназначал (после соответствующей дезинфекции) для угнанных в Германию «восточных рабочих», в качестве «дара немецкого народа». Отличившихся в операции он просил наградить железными крестами. В 1943 г. в правительственном бюллетене Генерал-губернаторства исчезла рубрика «еврей»: эта категория пропала из поля зрения законодателей, относительно нее более не издавалось никаких административных распоряжений.

НА «АРИЙСКОЙ СТОРОНЕ»

Мне хотелось бы, чтобы те, кто уцелеют после гибели миллионов польских евреев, дождались вместе с польским населением мира, свободы и социальной справедливости.

Из предсмертного письма члена Польского национального совета в Лондоне Шмуля Зигельбойма, покончившего с собой в знак протеста против равнодушия союзных держав к судьбе евреев на оккупированных гитлеровцами территориях

Партия, конечно, переживет евреев.

Из речи Ганса Франка на приеме 22 августа 1943 г.

Евреи начали бежать на «арийскую сторону» сразу же после создания гетто. В сумерках, подкупив полицию, они карабкались по приставным лестницами через стену или пробирались через пробитую в ней дыру. Сотни людей ежедневно уходили прямо через ворота, заплатив полиции взятку по десять злотых за человека. Иногда немецкий жандарм возвращал пропущенных и проверял документы. Тогда доставалось и беглецам, и полицейским.

Из гетто бежали также подземным ходом, пробитым из подвала какого-нибудь дома близ границы гетто в ближайшее здание на «арийской стороне». Несколько сот человек ежедневно уходили вместе с рабочими колоннами плацувкаржей, заплатив начальнику колонны. Его задачей было обмануть жандармов при пересчете выходящих за ворота. По дороге через «арийскую» часть города «посторонние» при первой же возможности отделялись от колонны и скрывались. Кое-кто пытался выходить с польскими рабочими, занятыми на некоторых фабриках в гетто, однако поляки не раз выдавали в воротах пробравшихся в их ряды евреев.

Повальный характер приняло бегство из Варшавского гетто летом 1942 г. Уходили состоятельные люди, запасшиеся валютой и драгоценностями, уходили интеллигенты, имевшие среди «арийского» населения коллег и друзей. С началом «операции Рейнгардт» уйти можно было только по трубам городской канализации. Сложность заключалась не только в необходимости найти достаточно знающего проводника и не только в том, что предстояло часами брести, согнув-

шись, в темноте, среди нечистот, — люди, появившиеся неожиданно из люка в мокрой и грязной одежде где-нибудь посреди Варшавы, привлекали к себе внимание, а это было опасно. Поэтому, отправляясь в подземное путешествие, беглецы выворачивали наизнанку пальто и шапки, чтобы перед выходом наверх надеть их грязной стороной внутрь. Многие пытались выйти по трубам с вещами. Проводники — работники коммунального хозяйства — обычно забирали себе часть доверенного им багажа, а подчас присваивали все.

Во время восстания некоторое количество евреев спрятали и вывезли из гетто на своих машинах польские пожарные, которых немцы заставили принять участие в боях.

Однако бегство из гетто представлялось сущим пустяком по сравнению с теми опасностями, которые ожидали еврея на «арийской стороне», где без помощи польских друзей и знакомых он был обречен на скорую гибель. Подчас бывший домовладелец искал убежища у своего дворника, директор — у служащего. Такая дружба, как правило, не выдерживала испытания. «Друзья», ссылаясь на плохих соседей, сварливую жену, неприятных родственников и т.п., отделялись от обременительных и опасных посетителей. Впрочем, немало было случаев и поразительной привязанности. Прислуга, прожившая у еврейских хозяев десятки лет, следовала за ними в гетто и — позже — в Трешлинку. Некоторых выручали родственные связи. Даже матерые антисемиты не выдавали «своих» евреев и делали все для их спасения.

Как правило, евреи вынуждены были платить «арийским» квартирохозяевам большие деньги, причем цены повышались из месяца в месяц. В январе 1943 г. жилье «на всем готовом» стоило 100 злотых на человека в день, осенью того же года — 200 и более злотых. Для некоторых польских семей сдача квартиры евреям стала основным источником дохода. Небогатые евреи старались устроить на «арийской стороне» хотя бы своих детей. Летом 1942 г. это обходилось в сто злотых за ребенка в день. Деньги брали за полгода вперед из опасения, что родители могут вскоре погибнуть. Осиротевших еврейских детей многие поляки усыновляли, но находились и такие, кто сдавал доверенных им малышей в полицию. Известно немало случаев, когда польские семьи содержали еврейских детей бескорыстно, надеясь лишь на то, что Бог отплатит за это добром их мужьям и сыновьям, находящимся в немецких лагерях. Общественные организации старались оказывать таким семьям хотя бы скромную материальную помощь — деньгами (540 злотых в месяц), продуктами, одеждой.

Спасая детей, поляки, случалось, попадали в трагикомические ситуации. Польша Ирена Шульц приняла еврейскую девочку прямо

из канализационного люка. Ребенок был в ужасном состоянии. Когда под видом подкидыша девочку сдали в приют, потрясенный персонал бросился разыскивать «мать-изверга», чтобы привлечь к ответственности. За «издевательство над ребенком» Ирена попала в полицию. С большим трудом удалось дать понять возмущенным служащим приюта, в чем дело.

Беглецы из гетто ходили по улицам преимущественно в сумерки, когда прохожим не так бросались в глаза их семитские черты лица. Те, кто не имел ярко выраженной еврейской внешности, старались обзавестись «арийскими» документами, выдавая себя за поляков, украинцев, реже за немцев, приобретали поддельные свидетельства о крещении и т.д. Изготовлением поддельных документов — «липы» — для евреев занимались специальные подпольные мастерские. На каждом шагу приходилось преодолевать большие трудности: непросто было придумать имя и фамилию, так как однообразие в ряде сфабрикованных документов могло навести на подозрения; внешний облик заказчика должен был хоть как-то соответствовать профессии, указанной в «липе», а между тем документы зачастую заказывались заочно; владелец «липы» должен был быть хоть сколько-нибудь знаком с мнимым местом своего рождения, причем не рекомендовалось указывать Варшаву, так как властям легче было проверить такие документы (чаще всего в качестве места рождения указывали Лодзь, известную почти каждому польскому еврею). Людей с сильным акцентом отмечали как белорусов или надевали на них повязки глухонемых.

Чтобы подчеркнуть свою «арийскую» внешность, некоторые евреи отпускали усы и надевали высокие сапоги. В гетто острили, что еврея на «арийской стороне» можно распознать по усам, сапогам с голенищами и арийским документам. Брюнеты иногда красили волосы; в конце концов люди с белыми волосами стали вызывать у агентов гестапо еще большие подозрения.

Еврей, выдающий себя за «арийца», жил в постоянном напряжении. Хозяин квартиры, почтальон, дворник, сосед — каждый в любую минуту мог разоблачить его и погубить. Еще больше было воображаемых опасностей, когда подозрительным кажется каждый брошенный на тебя взгляд. Говорили, что еврея можно узнать по глазам. Он выдавал себя нервным выражением лица, тем, что постоянно оглядывался на прохожих. Некоторым, правда, удавалось принять независимый вид, вызываясь смотреть на встречающих, но такие люди нередко теряли чувство меры. Разъезжая в поездах и трамваях, предназначенных «только для немцев», заходя в магазины и кондитерские, евреи неизменно рисковали обратить на себя внимание и быть схваченными. Несколько богачей погибли потому, что в целях

маскировки надели меха, бриллианты, швырялись деньгами. За ними учинялась слежка, кончавшаяся арестом.

Обывателям казалось, что у каждого еврея, скрывающегося на «арийской стороне», есть большая сумма денег. Шантажисты не сомневались, что стоит только прижать еврея и из него брызнут монеты. Комендант концлагеря Гесс сетовал на «проклятое еврейское золото», которое заставляло его подчиненных забывать о «партийной этике». Действительно, почти все евреи на «арийской стороне» имели при себе значительные денежные суммы, и каждый, попав в руки шантажистов или полиции, старался откупиться. Это давало пищу для разговоров о несправедливо нажитом богатстве евреев, об их развращенности и склонности добиваться всего подкупом. Рассуждавшие так люди как бы забывали, что не только для евреев, но и для поляков нарушение немецких «законов» и подкуп администрации стали необходимыми условиями существования. К тому же еврей на «арийской стороне» отнюдь не представлял собой «типичного еврея». Это была лишь небольшая часть еврейского населения Варшавы, именно те, кто мог распоряжаться значительными денежными суммами. Еврею без денег — а таких в Варшаве было подавляющее большинство — нечего было делать вне гетто. Что скажешь о теории, согласно которой люди, сделавшие вымогательство у евреев своей профессией, представляются жертвами соблазна, а схваченные за горло, вынужденные под угрозой верной смерти откупаться от палачей и предателей ценой накопленного десятилетиями имущества обвиняются в развращенности!

Гестапо, полиция и шантажисты с каждым месяцем совершенствовали методы распознавания скрывающихся евреев. Подозрительных мужчин (а нередко и настоящих «арийцев») раздевали и осматривали, исходя из того, что почти все польские евреи в детстве подверглись обрезанию. По вечерам шмальцовники ходили по улицам, освещая лицо каждого прохожего фонариком. Чтобы разоблачить еврейку, выдающую себя за польку, задавали каверзные вопросы, считая, что, как бы тщательно она ни готовилась, всегда обнаружится незнание какой-нибудь специфической детали польского католического быта («Что делает ксендз после исповеди?», «Когда ваши именины?»). Еврейского ребенка старались вывести на чистую воду провокационным вопросом («Как тебя звать? Ева? А как раньше звали?» или «Как учишься?»). Один пятилетний еврейский ребенок, которого укрывала у себя польская семья под видом сына, услышал разговор о том, что когда-то по Варшаве ходила конка. У мальчика вырвалось — к изумлению одних и к ужасу других — «А я тоже видел конку, на Заменгофа» (улица в гетто).

Шайки уголовников, сами скрывающиеся от немецкой и польской полиции, с особым удовольствием грабили законспирированные еврейские квартиры, будучи уверены, что их жертвы не станут никому жаловаться. Большую помощь немцам в преследовании евреев оказала польская полиция, хорошо знавшая местные условия. Польский полицейский получал одну треть ценностей, обнаруженных у пойманного им еврея. Обобранные и измученные жертвы преследования и шантажа нередко сами отдавались в руки полиции или пробирались обратно в гетто.

Неистоимое в изобретательности гестапо однажды распустило слух, что евреи могут за хорошие деньги приобрести паспорт какой-нибудь латиноамериканской страны и преспокойно дожждаться конца войны где-нибудь в лагере для интернированных или даже выехать «на родину». В начале войны гитлеровцы действительно разрешали выезд за границу евреям, имеющим гражданство нейтральных стран, с которыми фашисты по тем или иным причинам предпочитали не обострять отношения. Международные еврейские организации пытались использовать это обстоятельство и через дипломатов латиноамериканских стран посылали польским евреям заграничные паспорта. После истребления варшавских евреев в гестапо скопилось множество таких паспортов, присланных людям, которых уже не было в живых. Гестаповцы дали понять, что готовы перепродать эти документы и что чиновники, занятые их оформлением, будут смотреть сквозь пальцы, если перед ними окажутся совсем не те, для кого паспорта предназначались. Евреи, измученные пребыванием в потаенных жилищах, встрепнулись. Многие стремглав бросились в ловушку. Почему бы и нет, рассуждали они. Нацисты, по-видимому, боятся признаться перед всем миром, что истребили владельцев заграничных паспортов, граждан нейтральных стран. Поэтому теперь они будут рады подsunуть нейтралам кого угодно, лишь бы сошлось число. Отель «Польский», где происходило оформление документов, был переполнен вышедшими из подполья евреями. Поскольку каждый паспорт выписывался на целую семью, в отеле появились «семьи» в 15—20 человек. Наивные люди думали перехитрить гестапо. И действительно, время от времени из Варшавы уходили поезда со счастливыми обладателями паспортов. Как правило, они направлялись в лагеря смерти. Так продолжалось до тех пор, пока гестапо, вполне удовлетворенное успехом своей операции, не закрыло «контору» в стеле «Польский», арестовав всех, кто еще ждал очереди.

Подавляющее большинство евреев, оказавшихся за пределами гетто, попросту не показывались на люди, разве что очень узкому кругу знакомых. В некоторых польских квартирах создавались спе-

циальные укрытия, чаще всего в подвалах, на чердаках, в нишах. Строительные материалы и щебень для оборудования таких помещений зачастую приходилось переносить в портфелях, чтобы не заметили соседи. Устройство убежища обходилось евреям в несколько десятков тысяч злотых, включая сюда и многочисленные взятки. Поэтому часто они жили просто в одной из комнат квартиры, а в случае визита гостей или администрации быстро и незаметно перебирались в уборную или на кухню. Детей прятали в угловых ящиках, шкафах, выпуская оттуда только вечером.

Так провел последние месяцы своей жизни и Эмануэль Рингельблум. Он не погиб во время восстания в гетто. Отправленный фашистами в концлагерь в Травниках, Рингельблум бежал оттуда летом 1943 г. с помощью офицера Армии Крайовой Теодора Паевского и добрался до Варшавы. Около суток он провел на квартире Паевского, в подвале. Дворник, ярый антисемит, давно уже подозревавший Теодора, учинил обыск. Не найдя ничего, он стал наблюдать за посещениями квартиры. Рингельблumu пришлось перебраться за четырнадцать километров от Варшавы, в семью садовника Людомира Марчака. Здесь же укрылись жена и сын Рингельблума. Марчаки построили в саду за домом целую подземную квартиру с кухней и уборной. В ней прятались 36 евреев.

Марчаки взяли на себя много хлопот: незаметно для соседей заготавливать продукты для трех с лишним десятков человек, выносить мусор и парашу, разыскивать родственников, налаживать контакты, следить, чтобы в ту часть сада, где находилось подземелье, не проникли чужие (их внимание могло быть привлечено разговорами взрослых, детским шумом). За всем надо было уследить, вовремя предупредить евреев и под любым предлогом выпроваживать нежелательных посетителей.

У Марчаков Рингельблум работал над большим трудом «Польско-еврейские отношения во время второй мировой войны», оставшимся незаконченным, отсюда он ездил в Травники, чтобы передать в концлагерь хлеб, документы и взрывчатку. О лагере в Травниках он написал специальную работу. В конце февраля 1944 г. Рингельблум подготовил для научных и общественных организаций за границей доклад о культурной жизни в Варшавском гетто, начинавшийся словами: «Дорогие друзья! Мы пишем вам после того, как 95% польских евреев погибли в газовых камерах и бойнях Трешлики, Собибура, Хелмно и Освенцима или перебиты во время акций по уничтожению в гетто и лагерях. Судьба томящихся в концлагерях тоже решена. Может быть, несколько человек, замаскировавшихся под «арийцев» и обосновавшихся, как затравленные звери, в лесах, останутся в живых, но уцелеет ли кто-нибудь из нас, участников

подпольного движения, сомнительно. Поэтому мы хотим вкратце сообщить о нас и нашей работе. Мы, в гетто и лагерях, стремились жить и умереть с достоинством...»

Через неделю, 7 марта 1944 г., немцы обнаружили подземелье в саду Марчаков. Все его обитатели (в том числе и Рингельблум), Людомир Марчак и еще один садовник — Мечислав Вольский были отвезены в «Павяк» и в тот же день расстреляны. Паевский погиб в немецком концлагере несколькими месяцами позже. Погибло подавляющее большинство из 42 000 евреев, бежавших в течение 1940–1943 гг. из Варшавского гетто.

Когда буржуазно-либеральный орган «Весь» лицемерно написал, что невозможно поверить в то, что есть поляки, помогавшие истреблять евреев, газета «Голос Варшавы» ответила суровой отповедью: «Эти сладкие иллюзии надо развеять — такие поляки есть, и их много. В одной только столице обитают сотни таких преступников, сделавших выслеживание немногочисленных уцелевших евреев своей профессией... живут тысячи людей, в том числе даже известные личности — адвокаты, врачи, которые приняли активное участие в грабеже еврейского имущества, воровали сбережения, присваивали вещи и т.д. Эти люди хотят теперь избавиться от свидетелей своих преступлений... Известно много случаев, когда даже так называемые пользующиеся общим уважением люди брали от предвидевших свою гибель зажиточных евреев солидные суммы, за которые обязывались вырастить их детей, — затем деньги присваивали, а детей отдавали в руки гестапо. Прятать голову в песок, закрываться официальными заявлениями мало: злу надо объявить войну...» Крайова Рада Народова в декрете № 3 от 5 февраля 1944 г. предупредила шантажистов, что они наряду с другими участниками братоубийственных действий подвергнутся наказанию сразу по окончании войны. Несколько шантажистов были казнены боевиками Гвардии Людовой.

Руководители Армии Крайовой и Делегатуры не одобряли антисемитизма. Правительство Владислава Сикорского, смущенное явными проявлениями антисемитизма среди его сторонников в Польше, несколько раз специально предостерегало их от какого бы то ни было участия в гонениях на евреев. «Это необходимо из принципиальных и тактических соображений, так как иначе использование правительством ситуации на международной арене неслыханно затруднилось бы».

В марте 1943 г. органы Делегатуры объявили выдачу евреев преступлением и пригрозили шмальцовникам наказанием, а созданные летом 1943 г. при Делегатуре и Главном командовании АК чрезвычайные суды по делам предателей должны были рассматривать и

доносы на евреев. 7 июля был приговорен к смерти некий Пильник «за то, что во время немецкой оккупации Польши, сотрудничая с немецкими оккупационными властями в качестве тайного агента, во вред польскому обществу выдал в руки немецких властей польских граждан еврейской национальности, скрывавшихся от немецких властей, а также за то, что выманивал в свою пользу у своих жертв большие суммы денег под предлогом необходимости этих сумм для защиты укрывающихся, затем выманивал якобы для освобождения из «Павяка» у родных драгоценности и деньги». Осенью 1943 г. было казнено еще несколько наиболее разнузданных антисемитов. Двух негодяев уничтожил майор АК Осткевич-Рудницкий (погибший во время Варшавского восстания 1944 г.). Эти шаги морально поддерживали укрывающихся евреев и их польских друзей, но на антисемитов действовали весьма слабо.

На фоне бесчеловечности антисемитов ярко выделяются благородные фигуры тех десятков тысяч поляков, которые не жалели времени, нервов и самой жизни ради спасения еврейских сограждан. Не говоря уже о смертельной опасности, на них ложилась бездна хлопот по устройству всех дел их зачастую совершенно беспомощных подопечных, по сбору для них денег, приобретению продовольствия на черном рынке, налаживанию связи с родственниками и знакомыми, подыскиванию новой квартиры в случае невозможности оставаться в прежней...

Люди, вынужденные месяцами и годами жить вместе, не выходя из помещения, иногда начинали тяготиться друг другом. Несоответствие характеров (или, скажем, ревность — что тоже бывало, когда в одном помещении оказывалось несколько мужчин и женщин) могло стать причиной больших и малых конфликтов, ссор и склок, которые, правда, приглушались сознанием общности судьбы, но не всегда могли быть преодолены. Укрывавшая многих евреев Аурелия Вылежиньская в своих записках вспоминает, как ее преследовало тяжелое чувство вины (за то, что она делает для своих еврейских подопечных не все возможное), смешанное с обидой (на то, что их претензии к ней подчас превышают ее возможности). «Когда-нибудь после войны они встретятся все у меня и будут сторониться друг друга, а ко мне отнесутся холодно за то, что делала для них так мало и так плохо...» Ей не пришлось дожить до этого момента. Вылежиньская погибла в 1944 г.

Десятки тысяч поляков взвалили на себя тяжелую обязанность спасти гонимых — ведь только в Варшаве скрывалось после уничтожения гетто около 30 000 евреев. И делали это польские друзья по понятным причинам скрытно, незаметно. Потому-то и создавалось столь угнетающее впечатление разнузданного и повсе-

местного шантажа, доноительства, травли. Загнанный еврей, попадая на «арийскую сторону», видел сразу же хищные физиономии шантажистов или маску равнодушия, которая на улице скрывала даже тех, кто мог и хотел ему помочь. Примеров скромной, почти незаметной, не претендующей на признательность помощи со стороны «арийцев» немало. Взрослая дочь Исаака Гитлера Нина, вырвавшись из охваченного восстанием Варшавского гетто, тут же, за стеной гетто, взяла под руку первого встречного. Неизвестный прохожий вывел ее и ее семью по улицам Варшавы в безопасное место. Менее опасным, чем другие, районом, по свидетельству Янины Дунин-Вонсович, было северное предместье Варшавы Жолибож. Здесь скрывалось много еврейских интеллигентов. Соседи, владельцы магазинов, как правило, знали, где и у кого скрываются еврейские семьи, однако случаи доносов были крайне редки.

Находили евреи убежище иногда у польских крестьян. Рингельблум рассказывал об одном умиравшем от голода еврейском портном, пробравшемся из гетто в свою родную деревню. Крестьяне были в восторге и завалили его заказами. Однако с 1942 г., как отмечает католическая писательница Зофья Коссак в книге «Лицо деревни сегодня», изданной нелегально в конце 1942 г., крестьяне, ранее настроенные по отношению к евреям вполне сочувственно, стали все чаще принимать участие в их истреблении. Немцы апеллировали к самым низменным инстинктам: за каждого пойманного еврея они давали награду — хлеб, водку, сахар, деньги. Части сельского населения такая награда показалась соблазнительной.

Надо сказать, что со временем и некоторые антисемиты осознали, насколько на руку гитлеровцам рознь между поляками и евреями. Декан совета адвокатов Новодворский, выступавший до войны за «аризацию» адвокатуры, воспротивился в 1939 г. увольнению адвокатов-евреев. Масштабы расправы над евреями потрясли этих «колеблющихся антисемитов». В своей антипатии к евреям они все-таки не доходили до таких кошмарных пределов. Подругу Аурелии Вылежиньской, «антисемитку со стажем» Констанцию Хельнацкую арестовали за помощью евреям, страшно избили, довели в тюрьме до крайней степени физического истощения. Немецкий солдат говорил Вылежиньской летом 1942 г.: «Я никогда особенно не любил евреев, но теперь невозможно смотреть на то, что с ними делают». Общественная солидарность одних, общечеловеческие чувства у других брали верх. Католическое и протестантское духовенство, монахи — конфессиональные противники евреев — теперь, перед лицом смерти, оказывали им подчас немалую поддержку.

«Они вызвали войну и заслужили эту кару», — говорил немецкий железнодорожный мастер, глядя с ненавистью на проходивший в

Треблинку поезд с евреями. «Глупец, — отвечал ему инженер Лешнер, тоже немец. — Те из евреев, кто вызвал войну, давно уже за границей, в Америке, а в этих вагонах везут бедных невинных людей». Этот сердобольный немец еще не понял, кто подлинные виновники войны, но верить всем нацистским бредням уже не мог. Жена методистского проповедника, латыша по национальности, пришла в казармы латышских эсэсовцев, принимавших участие в уничтожении Варшавского гетто, и сказала, что ей стыдно принадлежать к одной с ними нации. Смутившиеся вояки стали говорить о приказе сверху, принуждении и т.п. Еврейского рабочего-токаря Фогельмана с тремя товарищами, выскочивших ночью из поезда на Треблинку и пробиравшихся в Варшаву, укрыл на своей плацувке немец, начальник Восточного вокзала. Фогельман вспоминает о хорошем отношении к еврейским рабочим и другого немца, директора завода автомобильных прицепов в Белянах под Варшавой.

Немец по происхождению, адвокат Бенедиктович, презревший привилегию записаться в фольксдойчи, собирал для евреев деньги, помогал выбраться из гетто. По доносу еврея — агента гестапо он был арестован и просидел девять месяцев в «Павяке». В другой раз его арестовали за то, что помешал немецкому жандарму застрелить еврея-контрабандиста.

Юлиан Кудасевич, владелец фабрики в гетто, принимал к себе на работу преимущественно бедствующих интеллигентов. И если в других шопях администрация взимала с нанимающихся на работу евреев чудовищные взятки, Кудасевич не брал ни гроша. Он добивался увеличения пайка своим рабочим, устроил для них горячее питание, давал займы деньги, много и охотно жертвовал для детей. Когда летом 1942 г. гитлеровцы начали «переселение» детей, Кудасевич, невзирая на грубую брань фашистов, категорически заявил, что на его фабрике каждый ребенок старше шести лет — работник и абсолютно необходим для производства. Кудасевич боролся с еврейской администрацией, юденратом и еврейской полицией, обиравшими рабочих. С теплотой отзываясь Рингельбллом и о совладельце Кудасевича Герхарде Гадейском, человеке, связанном с польским подпольем. Гадейский устроил на работу многих еврейских художников и писателей, раздавал бесплатно продукты неимущим рабочим. (Конечно, ни он, ни Кудасевич не смогли предотвратить отправку в конце концов всего еврейского персонала их фабрики в лагерь смерти.)

Много помогали евреям руководители ППР и ГЛ Владислав Гомулка, Мариан Спыхальский, Зенон Клишко и другие. Несмотря на то, что проживать на квартирах у подпольщиков означало идти на дополнительный риск, евреи охотно обращались к ним за помо-

щью. Затравленные шмальцовниками евреи подчас находили на них управу у «партийных». Меньше была угроза шантажа и доноса и в жилищах рабочих. Многие евреи именно там искали убежища, несмотря на царящую в этих местах бедность и тесноту. Конечно, зараза антисемитизма задела и некоторую часть рабочих, но в целом отношение рабочих и интеллигенции к евреям резко отличалось от поведения буржуазии. Правда, некоторые железнодорожники обирали за кусок хлеба и глоток воды евреев, направляемых в Треблинку, и за 1000 злотых вознаграждения сотнями передавали в гестапо выскочивших из вагонов, но, с другой стороны, многие рабочие на железной дороге открывали для пытающихся бежать двери вагонов или снабжали их инструментом, чтобы открыли вагон самостоятельно, старались задержать отправку уже загруженных вагонов, чтобы дать время на подготовку к бегству, рассказывали евреям, что ожидает их в Треблинке, помогали проживающим в разных городах связаться друг с другом.

Писательница Зофья Коссак организовала летом 1942 г. Временный комитет помощи евреям. Тогда же была нелегально издана ее книга «Ты католик... какой?», в которой Коссак напоминала верующим о том, что заповедь Христа о любви к ближнему относится и к евреям. В октябре 1942 г. Временный комитет был преобразован в Совет помощи евреям. В него вошли представители РППС, ППС—ВРН, Гвардии Людовой, Строництва демократичного, Католического фронта возрождения Польши (членом которого была Коссак), Бунда и Еврейской координационной комиссии. Кроме того, с первых же дней существования Совета в него вошла группа работников легального благотворительного учреждения «Варшавская общественная опека», которые уже три года тайком оказывали помощь евреям. Возглавил Совет старый социалист Юлиан Гробельный — «Троян». Совет имел отделения в провинциальных городах, поддерживал связь с заграницей, откуда время от времени получал материальную помощь. Сотрудники Совета подыскивали евреям квартиры, передавали почту, разыскивали пропавших родственников, собирали деньги, помогали евреям в концлагерях, отправляли отчеты о положении дел за границу. Незадолго до восстания в Варшавском гетто Совет помощи евреям организовал побег из гетто нескольких выдающихся культурных и общественных деятелей. ЖОБ поначалу возражала против этого, полагая, что все обитатели гетто обязаны участвовать в вооруженной борьбе, но в конце концов согласилась на спасение тех, без кого можно было обойтись при организации обороны.

В тесном контакте с польской общественностью работали на «арийской стороне» после гибели гетто еврейские общественные органи-

зации. Еврейская координационная комиссия оказывала (при содействии, конечно, польских товарищей) помощь 10 000 скрывающихся евреев, Бунд — еще 3000.

Выдающуюся роль в этом играл руководитель Еврейского национального комитета Адольф Берман. Он посылал эмиссаров комитета связываться с заключенными концлагерей, налаждал информацию польской и еврейской общественности о жизни и гибели евреев в Польше, всячески поддерживал уцелевших. В последние месяцы существования гетто он, проживая уже на «арийской стороне», по несколько раз в неделю выходил к движущимся по улицам Варшавы к месту работы колоннам плацувкаржей и, несмотря на кишевших вокруг шантажистов, разговаривал с представителями ЖОБ, получал от них поручения, а потом передавал сведения польским подпольным организациям. Под стать ему была его смелая жена Темкин-Берманова, дважды бежавшая вместе с мужем с умишлагплаца. Она много хлопотала, устраивая евреев на «арийской стороне», решая множество возникавших на каждом шагу больших и малых проблем. Так, например, активисты Совета помощи евреям были вынуждены постоянно держать при себе огромное множество бумаг: «липовые» документы, не врученные из-за гибели лиц, которым они предназначались, денежные расчеты, заказы на паспорта с анкетными данными и т.д. Десятки бумаг такого рода приходилось таскать по городу в портфеле или в продуктовой сумке. Первый же обыск — а на улицах Варшавы прохожих подвергали обыскам весьма часто — стоил бы владельцу такой сумки жизни. От ставших ненужными бумаг надо было время от времени как-то избавляться. Это тоже превратилось в проблему. Использовать для этой цели уборные приходилось с большой осмотрительностью: они часто засорялись, и обрывки документов могли всплыть. Сжигать в печке можно было только зимой, и то стараясь не насторожить соседей стуком печной дверцы.

Несмотря на чудовищную опасность, на «арийской стороне» было немало евреев, которые не ограничивались борьбой за существование и взаимопомощью, но активно боролись в рядах польского национально-освободительного движения. Евреи сражались в польских военных организациях с момента их появления; первым человеком, за голову которого осенью 1939 г. немцы в плакатах сулили награду, был «преступный еврей», руководитель боевой организации социалистической молодежи ПЛАН инженер Казимеж Анджей Кот. Как организаторы первых антифашистских групп и партизанских отрядов прославились Ганка Шапиро — «Савицка» и легендарная девушка-боевик Гвардии Людовой Нюта Тейтельбаум (обе погибли смертью героев).

На первом заседании подпольной Крайовой Рады Народовой (КРН) от имени Союза еврейских рабочих в Польше (так себя называла тогда Поале-Сион Левица) выступала Поля Эльстер. Она говорила, что оставшиеся в живых еврейские трудящиеся все свои надежды возлагают на победу сил демократии и прогресса в непримиримой борьбе против фашизма. Вскоре при КРН был создан Еврейский отдел, разработавший широкую программу помощи польским евреям.

Повстанцы ЖОБ, выбравшиеся в апреле и мае 1943 г. с помощью ГЛ из Варшавского гетто, организовали партизанский отряд имени Защитников гетто (отряд также носил имя Анелевича). Еврейские партизаны распространяли листовки, нападали на коллаборационистов, портили немецкое имущество, пустили под откос немецкий поезд. К ним стали присоединяться бежавшие из лагерей советские военнопленные — русские, армяне, грузины, таджики, осетины, узбеки, азербайджанцы. Однако отряд имени Анелевича просуществовал не больше года, почти все его бойцы и командиры погибли в боях с немецкой жандармерией и местными фольксдойчами. Две группы еврейских партизан были вырезаны польскими националистами из НОЗ.

В феврале 1943 г. героически погибла у пулемета, прикрывая отход товарищей — польских и советских партизан, — «Маленькая Зося», попавшая в отряд после того, как спрыгнула с поезда, идущего в Треблинку.

Известно и о евреях, сражавшихся в рядах Армии Крайовой, в частности в боевых группах знаменитого «Кедива», совершившего ряд громких покушений на видных руководителей гестапо. Большую работу (вплоть до ареста) для АК вел известный экономист профессор Ландау. В СОБ («Социалистической боевой организации») выделялись Мариан Меренхольц и Метек Масьляк — «Июффе» (оба погибли в первый же день Варшавского восстания 1944 г.), а также Юзеф Фелль. Известно об участии евреев в отрядах ППС—ВРН. Тысячи евреев сложили головы в партизанских отрядах.

Спротивление Варшавского гетто послужило примером для гетто других польских городов. Повсеместно возникали боевые организации. Члены варшавской ЖОБ приняли активное участие в их создании: в Бендзин, Сосновец и Ченстохов были переданы пистолеты, Ицхак Цукерман еще в декабре 1942 г. посетил Краков, где встречался с руководителями местной Еврейской боевой организации. Активный деятель варшавского Антифашистского блока Мордехай Тененбаум — «Тамаров», посланный осенью 1942 г. в

Белосток, возглавил через год вооруженное сопротивление в Белостокском гетто, продолжавшееся несколько дней. С оружием в руках пали бойцы ЖОБ польских и западно-украинских городов Ченстохов, Бендзин, Тарнов, Сандомир, Ясло, Борислав. 2 сентября восстали еврей-смертники лагеря в Треблинке. 14 октября набросились на своих палачей евреи, заключенные в лагере смерти в Собибуре. Их возглавлял военнопленный офицер Красной Армии Александр Печерский. Попытки восстаний еврейских узников предпринимались в лагерях Понятово, Травники, Осенцим-Бжезинка.

Сотрудничество Армии Крайовой с остатками варшавской ЖОБ стало менее тесным после ареста командующего АК Стефана Ровецкого. Рингельблум сетовал на то, что органы Делегатуры неохотно привлекают евреев и стараются избавиться от их участия в борьбе под любым предлогом. Была проведена даже проверка кадрового состава на предмет расовой принадлежности. «По окончании боев в гетто, — писал командующий ЖОБ Ицхак Цукерман преемнику Ровецкого Комаровскому — «Буру», — мы бесчисленное количество раз обращались за помощью ради спасения уцелевших бойцов. Нам не дали проводников по каналам, отказали в квартирах в Варшаве, не дали автомашин для вывоза бойцов за город». «Бур», близкий к правому крылу АК, даже не ответил на письмо Цукермана.

Когда в 1944 г. вспыхнуло Варшавское восстание, уцелевшие евреи повсеместно приняли в нем участие. Это неоднократно отмечают авторы воспоминаний о восстании — солдаты и офицеры АК и ГЛ Тронский, Файер, Каминьский и другие. 3 августа 1944 г. Цукерман отдал приказ всем членам ЖОБ (в живых осталось всего десять человек) немедленно примкнуть к польским повстанцам. Однако через сутки выяснилось, что АК не допускает их в свои ряды, и бойцы ЖОБ присоединились к отрядам ГЛ.

В первый же день восстания к польским бойцам примкнула группа евреев — узников концлагеря, работавших на Францишканской улице в руинах гетто. Евреи, освобожденные батальоном «Зоська», сформировали группу обслуживания повстанческих танков. Другие под пулеметным и артиллерийским обстрелом рыли для повстанцев рвы, таскали грузы, переносили раненых. Один из таких евреев, некий Павел, сражался бронебойщиком в штурмовом батальоне «Парасоль». Около полутора десятков евреев из концлагеря присоединились к отряду капитана «Домбровы» в северной части «крепости Старувка». 1 сентября из горящей «Старувки» они вынесли по канализационным трубам под немецкими позициями раненого «Домброву». На южных редутах «Старувки» исключительной храбростью, по свидетельству капитана Файера — «Огнистого», от-

личался старший сержант Ежи Жмигридер-Конопка — «Поренба», сын погибшего профессора Варшавского университета доктора Жмигридера-Конопки, участника сентябрьской кампании 1939 г. Евреем был и начальник санитарной службы группировки «Гоздавы» поручик доктор Станислав Воецкий — «Петр». Тронский видел евреев среди защитников Чернякова — места решающего сражения Варшавского восстания.

Все это не мешало антисемитам из НСЗ и жандармерии АК издеваться над евреями и даже убивать вышедших из потаенных убежищ на освобожденные улицы Варшавы. Ходатайство еврейской общественности перед повстанческими властями об официальной отмене расистских «нюрнбергских» законов, введенных в свое время гитлеровцами в оккупированной Польше, осталось без внимания. Некоторые евреи, чтобы не подвергаться дискриминации и преследованиям, продолжали и во время восстания скрывать свое происхождение. Лишь после войны стало известно, что похороненный под крестом поручик Кручиньский был в действительности Финастером, а могила стрелка Слочиньского является местом упокоения Самуэля Рубинштайна. Иные постарались влиться в немногочисленные тогда в Варшаве отряды Армии Людовой, где господствовал дух интернационализма.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Думаю, что могу нести ответственность только за то, чего я сам хотел.

Из показаний заместителя генерал-губернатора Иозефа Бюлера
в Нюрнберге 14 февраля 1946 г.

Немногие из персонажей этой книги пережили войну и первые послевоенные годы. В Варшавском восстании погибли Поля Эльстер и Герш Берлинский (он сражался летом 1943 г. в отряде имени Анелевича и вернулся потом в Варшаву, где написал воспоминания о подпольной работе в гетто). В начале 1945 г. выстрелом из-за угла на улице освобожденной Лодзи была убита Нозми Шац-Вайнкранц, все родственники которой погибли в газовых камерах. Дождались победы Ицхак Цукерман и его жена Цивия Любеткин, Адольф Берман и Барбара Темкин-Берманова и вместе с ними немногие другие.

Анелевич, Берлинский, Фондаминьский, Розенфельд, Артштейн, Канал, Ротблат и другие участники восстания в Варшавском гетто, а также деятели антифашистского подполья в гетто Шмидт, Левартовский, Тамаров, Саган, Циммерман были посмертно награждены польскими орденами.

На месте, где страдали, боролись и погибали мученики и герои гетто, в Варшаве сооружен монумент, у которого ежегодно 19 апреля собираются представители польской и зарубежной общественности, чтобы почтить память павших. О неослабевающем внимании человечества к трагедии Варшавского гетто свидетельствует поток книг, статей, кинофильмов, выходящих во многих странах мира.

Упоминавшиеся на страницах этой книги гитлеровские преступники Франк, Бюлер, Фишер, Гесс были казнены после поражения нацистской Германии; Гитлер и Гиммлер покончили с собой; руководитель «вертэрфассунг» Франц Конрад скрылся; Заммерн был убит снарядом партизанской пушки 20 сентября 1944 г. в Югосла-

вии; Глобоцник отравился 31 мая 1945 г., арестованный английскими властями в австрийской провинции Каринтии; Брандт был убит во время наступления советских войск на Познань 16 февраля 1945 г., однако есть данные, что он скрывается в ФРГ; в Западном Берлине долгие годы безмятежно работал адвокатом бывший комиссар Варшавского гетто Ауэрсвальд; Теббенса арестовали в Австрии вскоре после победы союзников и отправили в Польшу, но по дороге он бежал, потом спокойно обосновался в Западной Германии; Штрооп был арестован в американской зоне оккупации Германии и приговорен в 1947 г. к смерти за учиненные им во время войны расстрелы парашютистов западных союзников (переданный затем польским властям, он в 1951 г. был вторично осужден за зверства, совершенные на польской земле. До самого конца он оставался нераскаявшимся нацистом. «В безоружных женщин и детей не стреляли, — нагло заявлял он на суде. — У меня есть глаза. Если бы они не восстали, их отправили бы в Люблин, где для них приготовили сотни барачков»).

Генерал-губернатор Франк (то ли потому, что действительно потерял веру в историческое предназначение национал-социализма, то ли потому, что надеялся смягчить раскаянием свою участь) перед Нюрнбергским трибуналом 18 апреля 1946 г. на вопрос «Принимали ли вы когда-нибудь участие в уничтожении евреев?» ответил: «Раз уж сам Адольф Гитлер свалил эту страшную ответственность на свой народ, то она ложится и на меня, ибо мы годами вели борьбу против еврейства и делали заявления, которые ужасают. Поэтому мой долг ответить в этой связи на ваш вопрос «да». Пройдут тысячелетия, но и они не смоют этой вины с Германии». Горько сожалел о своих преступлениях и комендант Освенцима Гесс.

Другие нацистские преступники по большей части пытались изобразить себя или людьми, не подозревавшими о совершаемых злодеяниях (так держали себя, например, Браухич, Гудериан и сам Штрооп), или же, подобно Бюлеру и Эйхману, говорили о себе как о беспомощных винтиках чудовищной машины, обреченных выполнять приказы сверху. Эйхман (история ареста и осуждения которого настолько хорошо известна, что нет смысла здесь на ней останавливаться) пытался представить себя таким железнодорожным диспетчером, заботившимся лишь о бесперебойном отправлении поездов с евреями, но не имевшим отношения к дальнейшей судьбе живого груза. «Я не знал», «Я ничего не мог поделать», «Я не могу отвечать за чужие преступления» — так отвечали многие бывшие чиновники, офицеры и солдаты гитлеровской Германии, члены национал-социалистической партии. Одни считали себя невиновными потому, что не убивали людей собственными руками, другие — потому, что лишь выполняли приказ, третьи — потому, что ничего не видели и не слышали. Бывшие эсэсовцы говорили, что их совесть спокойна, ибо они сражались «не за Гитлера, а за родину».

Суд народов, суд истории говорит иное. Мы не сторонники поголовного отмщения, мы не требуем «ока за око, зуба за зуб»: плохую услугу человечеству оказывает тот, кто полагает, что справедливость восторжествует, когда узники и тюремщики поменяются местами. Требуя ответственности всех причастных к гитлеровским преступлениям — тех, кто отдавал приказ, тех, кто его выполнял, а также и тех, кто «ничего не видел и не слышал» (так как каждый взрослый человек должен отвечать за то, что происходит в его стране), — мы не предполагаем равной ответственности для всех. Одни виноваты больше, другие меньше. Одни искупили свою вину последующей деятельностью на благо человечества, другие и в новых условиях под иным обликом продолжают грязную и кровавую работу или готовы ее возобновить. Одни, получая преступный приказ, саботировали и срывали его, насколько это было в их силах (и с такими людьми мы встречались на страницах этой книги), другие делали больше того, что от них требовали начальники, вкладывали в преступную работу личную инициативу и усердие.

Но и те, кто был связан по рукам и ногам жестокой дисциплиной и суровым приказом, должны знать, что «каждый, кто, зная программу и методы деятельности партии или иного преступного коллектива, вступает в него, тот, несомненно, по меньшей мере предвидит действия партии или коллектива и соглашается с ними. Ибо он берет на себя по уставу обязательство участвовать, помогать и подчиняться, а на руководящих постах даже обязательство проявлять инициативу и активно выступать в соответствии с уставом и программой партии или коллектива. Вступающий в коллектив берет на себя полную ответственность за все, что этот коллектив делает. Правда, ответственность за коллективную деятельность является ответственностью высшего порядка, но она остается индивидуальной ответственностью за собственную провинность. Следовательно, это не ответственность невинного. Здесь отпадает также проблема приказа как обстоятельства, исключающего наказание. Ибо если индивидуум вступает в определенный коллектив, который обязывает его к безусловному послушанию и дисциплине, если он соглашается с мировоззрением коллектива и с методами его деятельности, то тем самым он заранее берет на себя ответственность за то, что будет выполнять приказы этого коллектива. Решающее значение здесь будет иметь не момент получения приказа, а момент вступления в партию или иной преступный коллектив, ибо уже тогда индивидуум согласился с программой коллектива и правилами деятельности, которые обязали его слушаться и выполнять все приказания».

Этими словами Верховного национального трибунала в Варшаве я и хочу закончить свою книгу.

Именной указатель

- Адамович Ирена 61
Адерс, немецкий агент 101
Айзенштадт Марыся 72
Алеф-Болковяк Густав 56, 61, 90, 91
Альбрехт Ежи 81
Альтман Тося 126
Анелевич Мордехай 59, 61, 92–94, 97, 101, 103, 105, 108, 115, 116, 119, 126, 149, 152
Аполион 101
Апфельбаум Давид 93, 121
Артштейн Захария 97, 102, 108, 127, 129, 152
Ауэрбах Рашель 73
Ауэрсвальд Гейнц 48, 51, 69, 153
Ашер Шмуль 124
- Балицка-Козловска Гелена 90
Бекерман, боевик 127
Бенедиктович, адвокат 146
Берка, социалист 127
Берлинский Герш 75, 93, 94, 102, 112, 122, 125, 126, 152
Берман Адольф 56, 59, 70, 86, 132, 148, 152
Бжезинский, немецкий агент 101
Бласковиц, ген.-полк. 34
Блюм Абрам 61
Божиковский Тобиаш 99
Бониславский Эдвард 115
Борвич Михаил 63, 86
Боруцкий, командующий КОП 61
Ботвин Нафтали 61
Брак Виктор 81
Брандт Рудольф 70, 76, 77, 84, 101, 104, 115, 153
Браудо, боевик 92
Браухич Вальтер, фон 153
Брыскин Арон 128
Бучинский Ладислав 59
Бюлер Йозеф 66, 152, 153
- Вайнтрауб Арон 101
Вальтер, польский харцер, связник 61
Варман, секретарь юденрата 70
Вассер Герш 56
Венгровер Иегуда 126
Виганд Арпад 39
Вильнер Арье 92, 98, 125
Винклер Макс 49, 55
Воецкий Станислав 151
Волинский Генрик 94, 98
Вольский Мечислав 143
Вылежиньская Аурелия 144, 145
- Гадейский Герхард 146
Гайк Владислав 121
Ганцвайх Абрам 51–53, 102
Гейдрих Рейнхард 35, 37, 66, 67
Геллер, предприниматель 50, 53, 69
Гендлер, химик 58
Гепнер Абрам 122
Геринг Герман 63
Гесс Рудольф, заместитель Гитлера по партии 63
Гесс Рудольф, комендант лагеря в Освенциме 65, 68, 140, 152, 153
Гефле Герман 68, 70
Гиммлер Генрих 24, 65, 67–69, 81–83, 87, 96, 103, 105, 117, 123, 129, 136, 152
Гиршфельд, профессор 48
Гитерман Ицхок 88, 99
Гитлер Адольф 32, 34, 40, 52, 56, 58, 63, 65–67, 74, 87, 110, 152, 153
Гитлер Исаак 120, 145
Гитлер Нина 145
Гитлер-Барский Юзеф 56, 58, 71, 79, 90, 120

- Глинценштайн, руководитель организации «Сектор верующих евреев» 51
- Глобоцник Одило 65, 67, 70, 87, 106, 117, 136, 153
- Гольдман, инженер 84, 99, 100, 120
- Гомулка Владислав 115, 146
- Гохберг Давид 118
- Гош 118
- Грабер Давид 78
- Гравовский Генрик 61
- Гривач Нахум 78
- Гриншпан Юрек 112
- Гробельный Юлиан 147
- Гровер, боевик 92
- Грынгуз Рыся 61
- Гудериан Хайнц Вильгельм 153
- Гуммель Герберт 38
- Гутковский Элиа 56, 58
- Демке, унтерштурмфюрер 110, 111
- Диль, немецкий лейтенант 121
- Дудзец Ядвига 61
- Дунин-Вонсович Янина 145
- Жаботинский Владимир 58
- Железняк Максим 31
- Жмигридер-Конопка Ежи 151
- Заммерн Фердинанд, фон 96, 97, 105, 106, 108, 109, 152
- Заукель Фриц 81
- Зигельбойм Шмуль 86, 137
- Зильберберг Генек 108, 109
- Зингер, немецкий агент 101
- Иваньский Вацлав 121
- Иваньский, капитан 111, 121, 127
- Иваньский Роман 121
- Индельман, член партии сионистов 52
- Каганович Моше 90
- Калеске, адъютант Штроопа 109
- Каминьский Александр 94, 150
- Канал Израиль 91, 97, 102, 108, 152
- Каплан Хаим 34, 88
- Картин Пинкус 59, 62, 64, 152
- Кацнельсон Ицхак 58
- Керстен 65
- Кетлинг Цезарий 94
- Киршенбаум, боевик 129
- Киршенбаум, член партии сионистов 88
- Киселев, провокатор 64
- Клепфиш Михал 113
- Клишко Зенон 146
- Ковальский Болеслав 97
- Комаровский (Бур-Комаровский) Тадеуш 150
- Кон, предприниматель 50, 53, 69
- Конинский, учитель 55
- Конрад Франц 96, 108, 152
- Корн Леа 121
- Корчак Януш 52, 75, 76
- Коссак (Коссак-Шатковска) Зофья 145, 147
- Кот Казимеж Анджей 148
- Котлицкий Генрик 90
- Кранштейн, боевик 92
- Круликовский, польский инженер 91
- Крюгер Фридрих-Вильгельм 82, 105, 123, 129
- Кудасевич Юлиан 146
- Кшепицкий Абрам 73
- Кюлер Георг, фон 34
- Ландау Александр 88, 90, 92, 149
- Ландау Эмилия 92
- Левартовский Юзеф 54, 58, 59, 61, 77, 88, 90, 152
- Левин Абрам 50, 79, 80
- Левицкий Юзеф 102, 107
- Лейкин Якуб 70, 73, 84, 92, 99
- Леккерт Гирш 61
- Леман, д-р 55
- Ленцкий *см.* Левицкий Ю.
- Ленчицкий Францишек 121
- Лешнер, инженер, немец 146
- Линдер Менахем 55, 56

Лихтенбаум Марек 70, 71, 76, 104, 115
 Лихтенштейн Израиль 78
 Лозе Генрих 65
 Лопата Хайм 112, 127
 Любеткин Цивия 59, 114, 119, 123, 125, 152
 Майде Северин 91
 Малованьчик Давид 124
 Марк Б. 77, 128
 Марчак Людомир 142, 143
 Масьляк Метек 149
 Меллон, боевик 127
 Меренхольц Мариан 149
 Меретик Самуэль 59, 64, 152
 Найберг Леон 118
 Наполеон 58
 Небель, немецкий агент 101
 Нейман Эрнст 66
 Новодворский, адвокат 145
 Новотко Марцелий 59
 Нойфельд 101
 Носсиг Альфред 100
 Ожех Маурици 61, 88
 Опочинский, литератор 55
 Орлеан Фред 123
 Оссовский Станислав 86
 Осткевич-Рудницкий, майор АК 144
 Паевский Теодор 142, 143
 Пассенштейн М., адвокат 42, 47, 55
 Пат, веркшютц 101
 Печерский Александр 150
 Пик, немецкий агент 101
 Пика Янек 127, 129
 Пильник, немецкий агент 144
 Пружанские, немецкие агенты 101
 Пшениный Юзеф 116
 Раабе Лешек 94
 Рабинович 56
 Раковер, командир группы боевиков 116

Ратгаузер Симха 125, 126
 Рейх, служащий юденрата 70
 Ремба, служащий юденрата 79
 Рингельблум Эмануэль 33, 38, 54–56, 63, 73, 79, 93, 99, 104, 107, 134, 142, 143, 145, 146, 150
 Ровецкий Стефан 81, 94, 95, 98, 150
 Родал Леон 110
 Рожицкий 19
 Розенблум Сара 128
 Розенфельд Михал 94, 126, 152
 Ротблат Лейб 108, 125, 152
 Ротштайн 101
 Рубинштайн Буба 74
 Рубинштайн Самуэль 151
 Ружаньский Элиаш 92, 99
 Саган Шахно 61, 75, 152
 Самсонович Исаак 57
 Сикорский Владислав 81, 94, 143
 Скоковский, немецкий агент 100
 Скрипий Станислав 115
 Спыхальский Мариан 146
 Сталин Иосиф 133
 Тамаров *см.* Тененбаум
 Теббене Вальтер 40, 75, 77, 103, 104, 111, 114, 119, 120, 153
 Тейтельбаум Нюта 148
 Темкин-Берманова Барбара 148, 152
 Тененбаум Мордехай 59, 60, 61, 88, 149, 152
 Трифон Рышард 121
 Тронский, боец АК 150, 151
 Туск-Шейнбекслерова Ф. 79
 Файер, боец АК 150
 Файнер Леон 86, 132
 Фелль Юзеф 149
 Фельд, еврейский полицейский 109
 Фельдвурм 56
 Финастер 151
 Финдер Павел 59, 115

Финкельштейн *см.* Левартовский
Фишер Людвиг 38, 39, 82, 110, 128,
129, 152
Фогельман, рабочий 75, 146
Фондаминьская Люба 77
Фондаминьский Эдвард 77, 115,
122, 126, 152
Франк Ганс 23, 28, 34–39, 44, 65,
66, 87, 110, 129, 137, 152, 153
Фрауэндорфер Макс 35, 81
Френкель Павел 108, 110, 127
Фридман, руководитель организа-
ции «Агуда» 88
Фуден Регина 121
Фухрер Кира 126
Фюрст Израиль 92
Фюрстенберг, немецкий агент 101

Харинг Готлиб 129
Хассель, фон 34, 35
Хельнацкая Констанция 145
Хмельницкий Богдан 31
Хрущель Антони 98, 116

Целеменьский Якуб 134
Циммерман *см.* Меретик С.
Цукерман Ицхак 59, 88, 92, 94, 97,
105, 116, 119, 125, 150, 152

Черняков Адам 52, 69, 70, 71, 135
Чомпель Мойзеш 124

Шайн, сотрудник Ганцвайха 102,
103
Шапиро Ганка 148
Шац-Вайнкранц Ноэми 50, 71, 111,
152
Шейнгут Тобиаш 121, 123
Шен Вальдемар 38
Шенберг 101
Шериньский Юзеф 40, 70, 71, 91,
92, 97

Шершень Лейзер 127
Шиер Т. 118
Шинкман *см.* Шериньский Ю.
Шипер, член партии сионистов 88
Шленгель, поэт 102
Шлядковский, инженер 127
Шмерлинг, комендант умшлагпла-
ца 74, 84, 100
Шмидт Анджей *см.* Картин П.
Шпеер Альберт 81
Шпиндлер, инспектор по воору-
жению в Генерал-губернаторст-
ве 81
Штабхольц, интендант госпиталя в
гетто 96
Штайн Рахиль 72
Штерлинг Гелена 120
Штрооп Юрген 17, 38, 85, 95, 105,
106, 109–115, 117–125, 128–
131, 153
Шульман, боевик 92
Шульц Ирена 138
Шульц Натан 115
Шульц Фриц 75, 111, 114, 119,
123

Эдельман Марек 94, 113, 122, 125,
126
Эйпен, комендант Треблинки 96
Эйхман Карл-Адольф 65, 66, 68,
83, 153
Элиаш, немецкий агент 101
Эльстер Поля 93, 118, 149, 152

Южвяк Францишек 115

Ян, директор фабрики Теббенса
40, 77
Янишевский, офицер АК 116
Ястшембовский Вацлав 24, 44

Оглавление

А.Х.Горфункель. СОЧИНЕНИЕ НА ЗАПРЕТНУЮ ТЕМУ. Жизнь и книги Валентина Алексеева	3
Виктор Шейнис. ПРЕДВАРЯЯ ПУБЛИКАЦИЮ... ..	13
ПРОЛОГ	17
«НОВЫЙ ПОРЯДОК»	23
КАК ВОЗНИКЛО ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО	28
ЖИЗНЬ ГЕТТО. КОНТРАБАНДА	39
У ИСТОКОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ	54
ЛИКВИДАЦИЯ	65
БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	86
БУНТ ОБРЕЧЕННЫХ	105
НА «АРИЙСКОЙ СТОРОНЕ»	137
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	152
Именной указатель	155

Валентин Михайлович АЛЕКСЕЕВ

**ВАРШАВСКОГО ГЕТТО
БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ**

Редактор Л.С.Еремина

Корректор Л.М.Кочетова

Художник А.А.Кулаков

Подбор иллюстраций Я.З.Рачинский

Издательская программа Общества «Мемориал»
осуществляется при содействии Ассоциации «Дорога свободы»

ЛР № 040781 от 19.09.1996. Подписано в печать 20.03.1998.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,0. Тираж 1000.

Отпечано ООО Информполиграф. Заказ 141

ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Гетто после «большой акции»
- Первоначальное гетто
- Ворота гетто
- Мост между «большим» и «малым» гетто
- 1 Тюрьма «Павяк»
- 2 Фабрики Теббенса
- 3 Торговый квартал
- 4 Здание юденрата до «большой акции»
- 5 Здание юденрата после «большой акции»
- 6 Казармы еврейской службы порядка
- 7 Щеточная фабрика

Verwalter wurden. zu sp
folgten nur 28